

ТАНЕЦ – НАША СТРАСТЬ.
ОН – МОЙ **ВРАГ**.
НО СЕРДЦЕ НЕ СЛУШАЕТ
РАЗУМА.

В РИТМЕ

НЕ НАВИСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНА ТИХАЯ

18+

Ана Тихая

В ритме ненависти

«Автор»

2026

Тихая А.

В ритме ненависти / А. Тихая — «Автор», 2026

Две лучшие команды страны отправляются на международный чемпионат в Barcelona. RAGE UNIT — мужская команда хип-хоп танцоров. Сила. Ритм. Улица. Самоуверенность. AETHER — женская команда contemporary танцовщиц. Эмоции. Пластика. Боль, превращённая в искусство. Они презирают стили друг друга. И ненавидят друг друга лично. Особенно их лидеры. Артём Савицкий — мужчина, который привык побеждать. Опасный, дерзкий, талантливый до ярости. Виктория Ланская — женщина-контроль. Холодная, сильная, безупречная. Они сталкиваются в самолёте. И начинается война.

© Тихая А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	46
Глава 12	49
Глава 13	54
Глава 14	58
Глава 15	63
Глава 16	67
Глава 17	71
Глава 18	74
Глава 19	77
Глава 20	80
Глава 21	84
Глава 22	87
Глава 23	90
Глава 24	93
Глава 25	96
Глава 26	99
Глава 27	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

В ритме ненависти

Глава 1

Высота десять тысяч метров

Виктория

Самолёт готовился к взлёту, когда я наконец дошла до своего ряда и замерла. На моём месте у окна уже кто-то сидел. Высокий мужчина в чёрной футболке, развалившийся в кресле с максимально наглой усмешкой. Конечно. Артём Савицкий. Из всех людей во вселенной судьба подкинула мне именно его.

— Вы серьёзно? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос прозвучал как можно холоднее.

Он лениво поднял глаза, и в них блеснул знакомый насмешливый огонёк.

— Более чем.

— Это моё место.

— Теперь наше общее.

Парни из его команды за спиной дружно заржали, а девушки позади меня недовольно переглянулись. Внутри всё закипело, и я до боли стиснула зубы. Меньше всего мне хотелось устраивать сцену в самолёте, но и уступать Савицкому я не собиралась.

— Подвинься.

Он даже не пошевелился. Только закинул руки за голову, демонстрируя полное равнодушие.

— А если нет?

Терпение лопнуло. Я наклонилась к нему так близко, что между нашими лицами остались считанные сантиметры. Я видела каждую чёрточку его лица и отчётливо ощущала аромат его парфюма, смешанный со стойким запахом адреналина.

— Тогда посадка будет жёсткой, — процедила я сквозь зубы.

Его дерзкий взгляд медленно скользнул по моим губам и снова вернулся к глазам.

— Люблю опасных женщин.

— А я самоуверенных мужчин ломаю.

Напряжение между нами вспыхнуло мгновенно — казалось, воздух вокруг затрепал от статического электричества. Артём медленно поднялся, позволяя мне пройти к окну, но стоило мне протиснуться мимо него, как он наклонился и тихо, обжигающе прошептал у самого моего уха:

— До конца поездки ты будешь думать обо мне.

Я демонстративно резко опустила в кресло и с силой защёлкнула ремень безопасности.

— Только о том, как тебя уничтожить.

Савицкий вальяжно устроился в соседнем кресле, едва не задев меня своим плечом.

— Посмотрим, принцесса.

Самолёт наконец тронулся с места, плавно выходя на взлётно-посадочную полосу. Но я понимала, что это было только начало нашей персональной войны. Не прошло и нескольких минут, как Артём снова повернулся ко мне. Ему явно не сиделось спокойно.

— Слышал, вы опять будете ползать по сцене под грустную музыку? — с издёвкой закинул он удочку.

Я медленно повернула к нему голову, сохраняя абсолютное внешнее спокойствие, хотя внутри всё клокотало.

— А вы опять будете прыгать так, будто вас током ударило?

По рядам, где сидели другие пассажиры и наши танцоры, прокатился смешок. О да, один-один, Савицкий. Его глаза тут же потемнели, а улыбка исчезла.

— Завидуешь, что у нас есть характер? — спросил он, и в его голосе проступили опасные нотки.

— У вас есть шум, — отрезала я. — А характер нужно заслужить.

Он резко подался вперёд, вторгаясь в моё личное пространство.

— На сцене посмотрим.

— Нет, Савицкий. На сцене ты проиграешь.

Его губы снова дрогнули в привычной усмешке, но взгляд оставался пристальным, сканирующим.

— Тогда почему у тебя дрожат руки?

Я судорожно опустила взгляд на свои колени. Пальцы действительно мелко дрожали. Я спрятала их, сжав в кулаки. От злости. Только от злости... Или от того, что этот невыносимый человек сидел слишком близко, нарушая все мои личные границы.

Глава 2

Барселона. Земля под ногами.

Виктория

Как только самолёт коснулся посадочной полосы в Барселоне, я наконец-то смогла облегчённо выдохнуть. Ещё немного — и я избавлюсь от необходимости сидеть в замкнутом пространстве рядом с самым раздражающим мужчиной на планете.

— Уже скучаешь? — лениво прозвучал над ухом голос Артёма.

Я даже не повернулась в его сторону.

— Я мечтаю о тишине, Савицкий.

— Тогда зря летела с нами.

Он поднялся первым, вальяжно потянулся и достал свою сумку с верхней полки. Разумеется, он не был бы собой, если бы «случайно» не задел меня плечом. На этот раз моё терпение лопнуло, и я резко развернулась к нему.

— Ещё раз тронешь меня — останешься без рук.

Он склонил голову набок, разглядывая меня с нескрываемым интересом.

— Какая горячая встреча с утра.

— Это угроза.

— А я люблю угрозы от красивых женщин.

Как же я ненавидела эту его невыносимую привычку превращать любой, даже самый жёсткий конфликт во флирт.

У выхода из терминала аэропорта наши команды уже ждал трансферный автобус. Парни из его состава вовсю шумели, на полную включали музыку и смеялись так громко, будто чемпионат мира уже был у них в кармане. Наши девочки, напротив, молчали, настраиваясь на работу. Я стояла у окна, отрешаясь от шума, пока тренер не протянул мне ключ-карту от номера.

Я взглянула на пластиковый прямоугольник и застыла. Номер 718.

— Что-то не так? — негромко спросила Лера, заметив моё выражение лица.

Я медленно перевела взгляд в сторону. Артём стоял чуть поодаль и вертел в пальцах точно такую же карточку. На ней чётко виднелись цифры: 719.

Он перевёл взгляд на меня. Потом на свою карточку. Потом снова на меня. И его губы медленно растянулись в торжествующей улыбке.

— Похоже, судьба от меня просто без ума.

— Похоже, администрация отеля ещё просто не страдала от твоего присутствия, — процедила я, проходя мимо.

— Мы теперь соседи, принцесса.

— Не называй меня так.

— Тогда как? — Он поравнялся со мной в проходе. — Любимая проблема?

Я сделала к нему шаг, сокращая дистанцию до минимума.

— Ещё одно слово — и я забуду, что вокруг нас камеры организаторов.

Артём наклонился почти к самому моему лицу, обжигая дыханием.

— Мне нравится, когда ты так близко.

У меня на секунду перехватило дыхание. От злости. Только от злости — упрямо повторила я самой себе.

Отель действительно оказался роскошным, с панорамными окнами и видом на город, но даже это не спасало ситуацию. Вечером, когда я решила выйти в коридор к автомату за водой, дверь напротив открылась в ту же самую секунду.

На пороге стоял Артём. Без футболки. С его влажных после душа волос на плечи капала вода, а полотенце небрежно висело на шее. Капли медленно стекали по груди вниз, очерчивая

рельеф пресса. Я замерла на секунду. Только на одну короткую секунду, которую он, конечно же, заметил.

Его губы медленно изогнулись в привычной усмешке.

— Нравится вид?

Я заставила себя оторвать взгляд от его тела и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я видела шкафы и покрасивее.

— Но смотришь почему-то именно на этот.

Он сделал уверенный шаг вперёд, выходя в коридор. Я не отступила ни на миллиметр.

Между нами остался всего один общий вдох.

— Завтра на репетиции я уничтожу тебя, Савицкий, — тихо, но отчётливо пообещала я.

Артём опустил взгляд на мои губы, и в его глазах промелькнуло что-то опасное.

— А я заставлю тебя сбиться с ритма.

— Самоуверенный идиот.

— Опасная лгунья.

— Почему это лгунья?

Он снова поднял глаза, заглядывая мне в самую душу.

— Потому что тебе нравится эта игра не меньше, чем мне.

Я ничего не ответила. Резко развернулась и быстрым шагом направилась к лифту, стуча каблуками по ковровой дорожке. Но уже внутри кабины, когда двери сомкнулись, я осознала страшное: сердце в груди билось как сумасшедшее, готовое выпрыгнуть.

И причиной этому была далеко не злость.

Глава 3

Первая репетиция

Виктория

На следующее утро огромный репетиционный зал был до краёв наполнен грохочущей музыкой, резкими голосами тренеров и густым, почти осязаемым напряжением. Зеркальные стены во всю длину отражали десятки тел в непрерывном движении. Холодный утренний свет падал сверху ровными бледными полосами.

Я стягивала волосы в высокий тугий хвост, изо всех сил стараясь не смотреть в сторону мужской команды. Тщетно. Артём уже разминался в самом центре зала. Чёрная майка плотно прилипала к его телу, движения были точными, резкими и пугающе уверенными. Он ловил сложный ритм так легко, словно вся эта музыка принадлежала лично ему. И словно он прекрасно знал, что я на него смотрю.

В какой-то момент он резко повернул голову и поймал мой взгляд. Его губы тут же изогнулись в привычной наглой усмешке. Я мгновенно отвернулась, делая вид, что увлечена шнуровкой кроссовок.

— Соберись, — тихо шепнула Лера, возникшая рядом. — Ты сейчас прожжёшь его глазами.

— Лучше бы пол под его ногами, — процедила я.

Через полчаса организаторы прервали разминку и собрали все команды в центре паркета. Высокая женщина-координатор с планшетом в руках улыбнулась нам слишком уж приятно-радостно.

— В этом году правила финального этапа изменены, — объявила она. — Для оценки универсальности участников и умения адаптироваться будут сформированы смешанные дуэты из разных команд.

По залу тут же пронёсся гул возмущённых и удивлённых голосов. Внутри у меня всё сжалось от дурного предчувствия. Нет. Пожалуйста, только не это.

Женщина между тем продолжила:

— Пары уже определены слепой жеребьёвкой.

Она уткнулась в свой список и начала зачитывать имена:

— Артём Савицкий... Виктория Ланская.

В зале кто-то громко, издевательски присвистнул. Парни из его команды тихо заржали. Я медленно закрыла глаза, мысленно умоляя вселенную, чтобы это оказалось шуткой. Но когда открыла их, реальность никуда не делась. Артём стоял прямо напротив меня, непринуждённо засунув руки в карманы спортивных брюк. На его лице читалось абсолютное, запредельное удовольствие.

— Мечты сбываются, принцесса, — негромко произнёс он, делая шаг в мою сторону.

— У меня это называется кошмаром, — ответила я, глядя на него в упор. — И теперь я вижу его наяву.

Нам включили незнакомый трек и дали ровно двадцать минут на импровизацию и притирку.

— Слушай меня внимательно, Савицкий, — холодно заговорила я, когда мы отошли в угол зала. — Ты не тянешь меня вниз, я не подстраиваюсь под твои безумные прыжки, и ты не прикасаешься ко мне без крайней необходимости.

— Уже целых три желания. Продолжай, я записываю.

— Это не желания, это правила.

Он подошёл ещё ближе, заставляя меня поднять голову.

— Тогда моё правило номер один: перестань делать вид, что тебе всё равно.

Музыка оглушила нас. Тяжёлый, низкий бит смешался с тягучими, рвущими душу струнами. Артём сделал первый шаг. Я — второй. Наши движения сталкивались и искрили, точь-в-точь как наши характеры. Его взрывная резкость против моей плавной пластики. Его чистая сила против моего жёсткого контроля.

В какой-то момент он поймал меня за талию, вытягивая в высокую поддержку. Обжигающее тепло его ладоней прожгло кожу даже через плотную ткань тренировочного топа.

— Руки убрал, — сквозь зубы выдохнула я, оказавшись лицом к нему.

— Поздно. Ты уже дрожишь.

Я резко сорвалась из его захвата и развернулась, планируя уйти в другую связку, но он намертво перехватил мою кисть и сильным движением дёрнул назад — ровно в акцент музыки. Наши тела столкнулись слишком близко. Дыхание мгновенно смешалось.

На долю секунды огромный зал с десятками людей просто исчез. Существовали только его пальцы, сжимающие моё запястье, его потемневшие глаза и это опасное, критическое расстояние между нашими губами.

— Ненавижу тебя, — тихо, одними губами сказала я.

Он не отпустил. Наоборот, сжал пальцы чуть крепче.

— Танцуй это.

Музыка продолжала диктовать ритм, и Артём не останавливался. Он держал меня крепко, но совершенно не больно — ровно так, чтобы я физически чувствовала его контроль. Я попробовала вырваться.

— Отпусти.

— Нет.

Его голос прозвучал на удивление тихо и спокойно, и эта его уверенность раздражала меня сильнее любого крика. Теряя терпение, я сама шагнула вперёд, сокращая расстояние между нами до минимума.

— Думаешь, можешь управлять мной?

Он смотрел мне прямо в глаза, не моргая.

— Думаю, ты боишься совсем не этого.

— А чего же, просветишь?

Артём наклонился так близко, что его дыхание опалило мне кожу.

— Того, что тебе чертовски нравится бороться со мной.

У меня перехватило дыхание от такой наглости. Не выдержав, я свободной рукой со всей силы толкнула его в грудь. Он отступил на шаг, но на его губах снова заиграла эта невыносимая усмешка.

— Вот теперь верю. Настоящая.

С другого конца зала донёсся резкий свисток тренера.

— Ещё раз, Ланская и Савицкий! И ради бога, поменьше личной драмы на паркете!

По залу прокатился дружный смех танцоров. Я почувствовала, как к щекам приливает жаркая краска стыда и злости. Артём же, напротив, выглядел более чем довольным.

— Слышала? — хмыкнул он. — Мы с первого раза впечатляем публику.

— Ещё одно слово, Савицкий, и ты лицом впечатлишь этот паркет.

— Грубо. Но красиво.

Музыка заиграла заново. На этот раз я дала себе железное обещание никак не реагировать на его выпады. Только танец. Только счёт. Только чистые движения. Раз-два-три.

Он поймал ритм мгновенно, и я подхватила его. На этот раз наши тела будто спорили на каком-то древнем, интуитивном языке, который мы оба понимали гораздо лучше любых слов. Он атаковал меня агрессивным движением — я хладнокровно отвечала мягкой пластикой. Он намеренно ломал привычный рисунок — я на ходу собирала его заново. Он собственнически тянул меня на себя — я ускользала из его рук в самый последний момент.

Но чем дольше длилась эта сумасшедшая связка, тем отчётливее я понимала: мы начали чувствовать друг друга. Без команд тренера. Без подсказок. Без единой пометки.

Финальный, оглушительный акцент музыки — и Артём резким, мощным движением притянул меня за талию к себе, фиксируя в финальной точке. Я оказалась прижата к нему вплотную. Его горячая ладонь жгла мою спину, моя рука мёртвой хваткой держалась за его плечо. В зале повисла оглушительная тишина.

Кто-то у зеркальной стены первым захлопал в ладоши. Потом подхватил второй, третий... Зал взорвался аплодисментами. Я отпрянула от Артёма так быстро, словно прикоснулась к оголённому проводу под напряжением.

— Это ничего не значит, — бросила я, пытаюсь выровнять дыхание.

Артём тяжело дышал, его грудная клетка бурно вздымалась, но он не сводил с меня пристального взгляда.

— Для тебя — возможно.

— Для меня это просто работа.

Он сделал ещё один короткий шаг ко мне, нарушая все границы.

— Тогда почему ты сейчас смотришь на мои губы, а не в глаза, Ланская?

Я замерла, не находя слов. Потому что он был чертовски прав. И это бесило меня больше всего на свете.

Я круто развернулась и быстрыми шагами ушла к своей сумке, чувствуя, как внутри всё клокочет от ярости. Чужие аплодисменты всё ещё шумели в ушах, но мне было плевать на них. Всё моё существо горело из-за него. Из-за того, как легко и играючи этот человек выбил меня из привычного равновесия.

— Ты в порядке? — тихо спросила Лера, протягивая мне бутылку прохладной воды.

— В полном, — отрезала я.

— Ага, заметно. Ты сейчас пластиковую крышку пальцами сломаешь.

Я опустила взгляд. Я действительно сжимала бутылку с такой силой, словно это была шея Савицкого.

— Он намеренно провоцирует меня. Каждую секунду.

— Да, — согласилась подруга.

— Он просто невыносим.

— Да.

— Я его искренне ненавижу.

Лера понимающе усмехнулась.

— Вот это последнее как раз и звучит как главная проблема.

На другой стороне зала парни из уличной команды плотным кольцом окружили Артёма.

— Брат, вы сейчас просто зал подожгли, — со смехом хлопнул его по плечу один из парней.

— Но учти, она тебя точно убьёт, — добавил второй.

Артём перекинул полотенце через шею и небрежно вытер пот с лица.

— Возможно.

— Тогда чего ты лыбишься как чеширский кот?

Он перевёл свой взгляд через весь зал прямо на меня. Я стояла к ним спиной, но прекрасно понимала, что даже по моей напряжённой осанке можно было прочесть всю бурю внутри.

— Потому что она наконец-то перестала быть равнодушной, — тихо ответил он.

Вечером для всех участников чемпионата организовали приветственный гала-ужин. Огромный ресторан отеля сиял роскошью, а за панорамными окнами мерцала огнями вечерняя Барселона. Войдя в зал, я целенаправленно выбрала столик как можно дальше от мужской сборной.

Но судьба сегодня явно решила поглумиться надо мной по полной программе. Когда я подошла, выяснилось, что за выбранным столом осталось всего одно свободное место. Ровно по правую руку от Артёма Савицкого.

— Нет, — едва слышно сказала я, собираясь развернуться.

— Да, — спокойно и уверенно ответил он, уже придерживая для меня спинку стула.

— Я лучше постою.

Он насмешливо приподнял бровь.

— Боишься меня, принцесса?

Я села мгновенно, гневно зыркнув на него.

— Тебя? Никогда в жизни.

— Вот и отлично. Мне нравится твоя смелость.

— А мне нравится тишина. Которой здесь нет.

Он плавно наклонился к моему плечу.

— Тогда перестань так громко думать обо мне. Это отвлекает.

Я повернулась к нему так резко, что наши лица снова оказались на опасном, почти интимном расстоянии.

— У тебя какое-то болезненное, деструктивное самомнение, Савицкий.

— А у тебя невероятно красивые глаза, когда ты по-настоящему злишься.

На секунду я полностью потеряла дар речи. Все заготовленные колкости просто испарились из головы. Всего на одну короткую секунду. Но он, конечно же, успел это заметить. И победно улыбнулся.

Позже, когда официальная часть ужина подошла к концу, в зале заиграла живая, тягучая музыка. Несколько пар из числа организаторов и участников вышли на импровизированный танцпол. Артём поднялся со своего места первым. И, развернувшись ко мне, молча протянул раскрытую ладонь.

Я посмотрела на его руку, затем перевела ледяной взгляд на него самого.

— Даже не мечтай.

— Уже слишком поздно, — парировал он.

— Я не выйду с тобой танцевать.

Он наклонился чуть ниже и вкрадчиво, тихо произнёс мне прямо в губы:

— Что ж, тогда я пойду и приглашу кого-нибудь другого.

В ту же секунду я почувствовала странный, болезненный укол где-то под рёбрами. Острый, жгучий и совершенно неожиданный.

— Прекрасная идея, Савицкий. Вперёд.

Но он даже не сдвинулся с места. Его взгляд стал непривычно серьёзным, когда он добавил:

— Но я хочу танцевать именно с тобой.

Сердце в груди испуганно и мощно ударилось о рёбра. Я отчаянно ненавидела, когда он так делал. Ненавидела эту его обезоруживающую прямооту. И больше всего на свете я ненавидела то, что это, чёрт возьми, со мной работало.

Глава 4

Один танец

Виктория

Я смотрела на его протянутую руку так, будто передо мной на серебряном блюде лежала искусно замаскированная ловушка. Впрочем, скорее всего, так оно и было.

— Ты слишком уверен в себе, Савицкий, — тихо сказала я, не спеша поднимать свою ладонь.

— Только когда точно знаю, что прав.

Музыка мягко, обволакивающе разливалась по огромному залу. Несколько пар из других команд уже плавно кружились под тёплым светом хрустальных люстр. Артём всё ещё ждал. Спокойно, неподвижно. Будто заранее знал исход этой безмолвной дуэли. И именно это его абсолютное знание раздражало меня сильнее всего на свете.

Я медленно поднялась со своего места. За соседним столом Лера от неожиданности громко подавилась водой, а парни из команды Артёма синхронно и понимающе заулыбались.

— Я делаю это только для того, чтобы доказать, насколько сильно ты себя переоцениваешь, — холодно предупредила я, делая шаг навстречу.

Он слегка склонил голову набок, и в его глазах промелькнул торжествующий огонёк.

— Конечно. Как скажешь, принцесса.

Я наконец вложила свои пальцы в его раскрытую ладонь. И в ту же секунду горько об этом пожалела. Его рука была слишком тёплой. Слишком уверенной. Наше соприкосновение ощутилось пугающе естественным.

Артём уверенно вывел меня в самый центр танцпола. Одним плавным движением он властно взял меня за талию, а другой рукой надёжно удержал мою ладонь. Я невольно напряглась, превращаясь в натянутую струну.

— Расслабься, — негромко скомандовал он, ведя меня в такт музыке.

— Не командуй мной.

— Тогда перестань дрожать.

— Я не дрожу, — соврала я, пытаюсь вернуть себе ледяной самоконтроль.

— Лжёшь.

Музыка стала глубже, басы зазвучали объёмнее. Артём повёл меня по паркету на удивление мягко и неожиданно точно. В его ведении не было ни капли той уличной грубости или вызывающей дерзости, которую я ожидала увидеть. Это было... красиво. И я искренне ненавидела себя за это внезапное открытие.

— Удивлена? — тихо спросил он, наклоняясь к моему уху в повороте.

— Ничуть.

— Опять лжёшь.

Я вскинула голову и подняла на него взгляд. И сразу же совершила тактическую ошибку, попав в плен его глаз. Слишком близко. Слишком спокойно. Слишком опасно.

Он плавно развернул меня под музыку, заставляя сделать эффектный шаг, и тут же вернул обратно к себе. Его ладонь на моей спине скользнула чуть выше, очерчивая лопатку. По моей коже мгновенно прошёл осязаемый электрический ток.

— Не позволяй себе лишнего, Савицкий, — прошептала я, чувствуя, как слабеют колени.

— Ты называешь «лишним» абсолютно всё, что тебе по-настоящему нравится.

Вместо ответа я демонстративно и с силой наступила ему каблуком прямо на ногу. Артём коротко, хрипло выдохнул, но ведущую руку не отпустил.

— Жестоко, — заметил он, сузив глаза.

— Заслужил.

— Ещё раз.

Я на мгновение нахмурилась:

— Что?

— Сделай это ещё раз, если это твой единственный способ найти повод снова и снова дотрановываться до меня.

От такой запредельной наглости я на долю секунды сбилась с шага. Он тихо усмехнулся и в следующем же повороте резко притянул меня к себе. Слишком близко. Теперь между нашими телами не осталось почти ничего — только тонкая прослойка воздуха и сумасшедшее притяжение.

Музыка замедлилась, переходя в тягучий финал. Весь огромный сияющий зал вместе с людьми, столами и интригами будто испарился. Существовали только его горячие пальцы на моей талии, моя ладонь на его крепком плече и этот опасный, лишающий разума ритм.

— Почему ты всё время так отчаянно злишься на меня, Ланская? — тихо, без привычной издёвки спросил он.

— Потому что ты существуешь.

— Слабый ответ для сильной девочки.

— Потому что ты свято веришь, будто можешь получить абсолютно любую.

Он наклонился ещё ближе, едва не касаясь своими губами моих волос.

— Любую — нет.

Моё дыхание окончательно сбилось.

— И кого же ты не можешь получить?

Его взгляд медленно опустился на мои губы, задерживаясь на них непозволительно долго, а затем снова вернулся к глазам.

— Ту, которая прямо сейчас отчаянно пытается убежать от меня, преданно стоя на одном месте.

В эту самую секунду музыка оборвалась. Чужие аплодисменты раздались внезапно, словно гром среди ясного неба, безжалостно разрушая наш кокон. Я резко, рваным движением отстранилась от Артёма и стремительно пошла прочь с танцпола, ни разу не оглянувшись. Но сердце в моей груди колотилось так оглушительно громко, что мне казалось, будто весь этот чёртов зал может услышать его панический стук.

А за спиной, догоняя меня у самого выхода, раздался его невыносимо спокойный, бархатный голос:

— Спокойной ночи, принцесса. Завтра мы обязательно продолжим.

Я почти вбежала в свой номер. Тяжёлая дверь с глухим стуком захлопнулась за моей спиной, я повернула замок и только тогда позволила себе судорожно, глубоко выдохнуть.

Что это, чёрт возьми, сейчас было? Один танец. Всего один мимолётный танец на глазах у всех. Но его руки до сих пор отчетливо ощущались на моей талии, будто кожа запомнила эти прикосновения на каком-то автономном уровне, абсолютно отдельно от моего разума.

— Ненавижу тебя, Савицкий, — тихо, в сердцах бросила я в пустую, полумрачную комнату.

И в ту же секунду за тонкой стеной справа раздался тихий, отчётливый смех. Его номер. Ну конечно же, нас поселили прямо друг против друга через стенку.

Я сердито сжала губы, решительно подошла к стене и с силой стукнула по ней кулаком. Наступила тишина. Но уже через секунду с той стороны раздался симметричный стук в ответ. Два коротких, размеренных удара.

Я замерла, прижав ладонь к обоям. Ещё два удара. Это выглядело как какой-то странный, зашифрованный диалог. Поддавшись импульсу, я упрямо ударила по стене трижды. С той стороны последовала затяжная пауза. А затем раздался один уверенный, длинный стук.

Против своей воли я не смогла сдержать слабую, нервную улыбку. И тут же яростно разозлилась на саму себя за эту минутную слабость.

Примерно через десять минут в мою входную дверь раздался негромкий, требовательный стук. Я подошла и распахнула её одним резким движением, готовая высказать всё, что думаю.

Артём стоял в пустынном коридоре. На нём была простая серая футболка и свободные спортивные штаны. Он непринуждённо прислонился плечом к деревянному косяку моей двери — слишком спокойный, слишком красивый и пугающе близкий.

— Ты вообще нормальный? — холодно спросила я, смерив его ледяным взглядом.

— Да вот хотел уточнить, — лениво протянул он, глядя на меня сверху вниз. — Те твои сигналы через стену — это была завуалированная угроза или всё-таки приглашение к ночному разговору?

— Это было однозначное пожелание тишины.

— Тогда странно. Ведь ты сама начала эту дискуссию первая.

Я демонстративно скрестила руки на груди, блокируя собой проход в номер.

— Уходи, Артём.

Он даже не пошевелился.

— Ты всегда так предсказуемо убегаешь каждый раз, когда между нами становится по-настоящему интересно?

— Между нами никогда не бывает и не будет интересно.

— Опять лжёшь.

Я разозлилась и попыталась с силой захлопнуть дверь прямо перед его лицом, но он мгновенно перехватил инициативу, спокойно поставив широкую ладонь на деревянный косяк. Он не действовал грубо. Просто мягко, но надёжно остановил движение двери.

И этого короткого жеста хватило, чтобы моё глупое сердце снова предательски сбилось с ритма.

— Что тебе от меня нужно? — тихо, почти шёпотом спросила я, теряя остатки напускной уверенности.

Его внимательный взгляд медленно скользнул по моему лицу, на секунду задержался на губах и снова вернулся к глазам.

— Хочу наконец понять, почему ты каждый раз смотришь на меня так, будто отчаянно хочешь либо ударить... либо поцеловать.

Я буквально замерла на месте, забывая, как дышать.

— Самовлюблённый, высокомерный идиот.

— Это снова не ответ, Ланская.

Терпение окончательно покинуло меня. Я сама сделала резкий шаг вперёд, сокращая расстояние между нами настолько, что теперь его наглая улыбка медленно растаяла.

— Тогда слушай меня очень внимательно, — процедила я, глядя ему прямо в душу. — Я смотрю на тебя исключительно так, будто хочу уничтожить и победить на этом чемпионате.

Артём медленно наклонился ещё ближе ко мне.

— А вот это уже гораздо интереснее.

Нас снова разделяли несчастные сантиметры. Я физически чувствовала его дыхание — тёплое, ровное, глубокое. Моё собственное, увы, похвастаться такой стабильностью не могло.

— Отойди от меня, Артём.

— А если я откажусь?

— Тогда ты сильно пожалеешь.

— Проверим? — тихо предложил он, заглядывая мне в глаза.

Не выдержав этой пытки близостью, я резко положила ладонь ему на грудь. Под моими пальцами его тело мгновенно напряглось, а мышцы под тонкой тканью футболки стали каменными. На долю секунды мне показалось, что время в этом коридоре просто остановилось.

Пользуясь его замешательством, я изо всех сил толкнула его назад и с грохотом захлопнула массивную дверь прямо перед его носом. На этот раз замок защёлкнулся.

Снаружи на мгновение воцарилась абсолютная тишина. А затем через деревянную обшивку до меня донёлся его тихий, бархатный смех и негромкие слова:

— Спокойной ночи, Виктория.

Я обессиленно прижалась спиной к закрытой двери и зажмурилась, пытаясь унять дрожь. Самое страшное и пугающее во всём этом было вовсе не то, что он нагло пришёл к моему номеру. А то, что какая-то безумная часть меня внутри отчаянно хотела, чтобы он остался.

Глава 5

Прошное выходит на сцену

Виктория

Ночь давно перевалила за полночь, но сон ко мне так и не шёл. Я сидела на просторной кровати с ноутбуком на коленях, отчаянно пытаюсь отвлечься от мыслей, в которых слишком уж часто — непозволительно часто — появлялся один самоуверенный танцор из соседнего номера.

Чтобы хоть как-то занять мыслящую часть головы, я открыла официальный сайт европейского чемпионата. Список команд. Участники. Расписание прогонов. Я лениво пролистывала страницы без особого интереса, пока мой взгляд намертво не застыл на одном названии.

NOVA CREW — Germany.

А чуть ниже, в списке основного состава, значилось:

Даниил Кравцов.

Воздух словно разом вышибло из моих лёгких. Пальцы мгновенно похолодели. Я тупо смотрела на экран, на имя, которое три года назад знала лучше своего собственного. Три года назад этот человек клялся мне в вечной любви. А ровно через неделю после этих клятв я увидела его в объятиях другой.

Именно после него я научилась никогда и ни при каких обстоятельствах не доверять мужчинам. Именно после него я в совершенстве освоила искусство держать лицо, даже когда внутри всё рушится и превращается в пепел.

— Прекрасно, — тихо, в звенящую пустоту комнаты произнесла я. — Просто прекрасно.

Утром огромный зал для репетиций казался ещё холоднее и неудобнее, чем обычно. Команды из разных стран уже вовсю разминались, со всех сторон наперебой звучали разные музыкальные треки. Я вошла внутрь, сделала несколько шагов и замерла. У дальних зеркал тренировалась новая, только что прибывшая группа. И в самом центре стоял он.

Даниил.

Всё такой же высокий, с небрежно собранными в пучок волосами и той же нарочито уверенной, свободной осанкой. Он заметил моё появление почти сразу. Его лицо в секунду изменилось, растеряв всю надменность.

— Вика... — негромко произнёс он, делая шаг в мою сторону.

Будь я чуть слабее, я бы развернулась и ушла. Но моя проклятая гордость не позволила мне сбежать. Поэтому я пошла на опережение и подошла сама.

— Не называй меня так, Кравцов.

Он подошёл ближе, разглядывая меня в упор:

— Я... я не знал, что ты тоже будешь здесь, в Барселоне.

— Какая невосполнимая трагедия.

— Нам надо поговорить. Серьёзно.

Я усмехнулась — коротко, без капли тепла.

— Мы уже всё обсудили. Тогда. В тот самый день, когда ты спал с другой девушкой.

Несколько танцоров из его команды, стоявших рядом, мгновенно притихли, прислушиваясь к нам. Даниил заметно напрягся, его челюсть упрямо двинулась.

— Всё было совсем не так, как ты себе вбила в голову.

— Даже не начинай этот бред.

— Ты тогда даже не дала мне ничего объяснить!

— Измена не требует никаких пояснений, Даниил. Она говорит сама за себя.

Его голос тут же стал жёстче, возвращаясь к привычным обвиняющим ноткам:

— Ты как была эгоисткой, так и осталась. Всегда слышала только саму себя.

Я резко приблизилась к нему, сокращая дистанцию, и процедила:

— А ты всегда хотел получить всё и сразу. И меня, и удобный запасной вариант на стороне.

В эту секунду на другой стороне зала кто-то резко перестал двигаться.

Артём.

Он стоял, небрежно прислонившись к массивной бетонной колонне и держа в руке бутылку с водой. Его взгляд, направленный в нашу сторону, был слишком внимательным, слишком сканирующим. Даниил перехватил его траекторию и недовольно нахмурился.

— Это ещё кто такой?

— Тебя это абсолютно не касается.

— Уже касается, раз он так откровенно греет уши на нашем разговоре.

Я до боли стиснула зубы.

— Ты потерял какое-либо право задавать мне вопросы три года назад.

— А ты, я смотрю, времени зря не теряла. Быстро нашла мне замену.

Не успела я выдать ему всё, что думаю по этому поводу, как прямо за моей спиной раздался на удивление спокойный, глубокий голос:

— Ошибаешься, приятель.

Артём подошёл медленно, плавной, хищной походкой. Он встал со мной рядом — слишком близко, слишком естественно, почти касаясь меня своим плечом. И посмотрел на Даниила сверху вниз — так, словно тот был случайным неодушевлённым предметом, мешающим свободному проходу.

— Она никого и никогда не заменяла, — ровно произнёс Артём, закладывая руки в карманы. — Она просто кардинально повысила свой уровень.

В зале на мгновение повисла абсолютная, оглушительная тишина. Я резко повернула голову и уставилась на Артёма. Он даже не посмотрел на меня в ответ — его тёмный, жёсткий взгляд был прикован исключительно к моему прошлому. И почему-то именно в эту секунду мне впервые за всё утро стало легче дышать.

Даниил всегда патологически любил быть в центре внимания. Даже сейчас, в чужом зале, под прицелом десятков глаз. Он театрально усмехнулся, перевёл взгляд с Артёма на меня и медленно, издевательски хлопнул в ладони.

— Ну надо же. Значит, вот кто теперь трётся рядом с тобой.

Артём даже не шелохнулся, сохраняя пугающее олимпийское спокойствие.

— Снова ошибаешься. Я здесь не «теперь». Я здесь исключительно вовремя.

Даниил коротко, зло выдохнул. На нём были свободные тренировочные штаны, кроссовки с изрядно потёртыми носами и свободная майка без рукавов. Всё его сухое, прокачанное тело выдавало в нём человека, привычного к жёстким силовым вращениям, фризам и падениям. Весь его вид кричал о том стиле, которым он жил: брейк-данс. Резкость. Напористая акробатика. Вечная борьба с гравитацией и маниакальное желание побеждать любой ценой.

Когда-то давно мне это казалось истинной свободой. Теперь же, глядя со стороны, я видела лишь дешёвую, напыщенную демонстрацию силы.

— Всё ещё танцуешь своё «красивое страдание»? — бросил Даниил мне, намекая на мою команду.

Я холодно, высокомерно улыбнулась ему в лицо.

— А ты всё ещё крутишься на голове в надежде, что тебя хоть кто-нибудь наконец заметит?

Несколько девчонок из команд у зеркал не сдержались и прыснули со смеху. Взгляд Кравцова мгновенно потемнел от ярости.

— Я хотя бы настоящий в том, что делаю.

— Ты хотя бы предсказуемый. А это скучно.

В этот момент главный тренер громко объявил традиционную разминку-баттл между сборными. Танцоры мгновенно сориентировались, и плотный круг из десятков человек собрался в самом центре зала за считанные секунды. Музыка мощно ударила по ушам тяжёлым, качающим битом.

Даниил, ведомый уязвлённым эго, вылетел в круг самым первым.

Мощный толчок ладонями в пол. Мгновенный, идеальный фриз на одной руке. А затем пошла агрессивная, скоростная связка: сложный футворк, безумное вращение на плечах и резкий, чистый выход в вертикальную стойку. Зал одобрительно зашумел, оценив уровень. Кравцов закончил своё выступление, замер и уставился прямо на меня. Это был прямой, неприкрытый вызов.

— Впечатляет, — тихо, прямо над моим ухом проговорил Артём. — Если, конечно, ты до сих пор любишь глубокое прошлое.

Я повернула к нему голову, вглядываясь в его профиль:

— Ревнуешь, Савицкий?

Он посмотрел на меня слишком спокойно, без тени улыбки.

— Я просто профессионально оцениваю конкурента.

— Ты же сам только что сказал, что он — прошлое.

— Прошлое имеет дурную привычку возвращаться без официального приглашения.

В этот момент музыка в колонках резко сменилась, переходя на более плотный, дерзкий ритм. Артём уверенно отделился от меня и шагнул прямо в центр круга.

Низкая, кошачья посадка. Резкий, качающий грув. Абсолютный, феноменальный контроль собственного корпуса и взрывная, ювелирная работа ног. Хип-хоп в его исполнении не был просто набором заученных движений. Это была чистая, концентрированная уверенность, филигранно превращённая в танец. Он не делал сложной акробатики, не крутился на голове — ему это было попросту не нужно. Каждый сложный акцент музыки подчинялся его телу беспрекословно.

Толпа вокруг загудела в разы громче. Я краем глаза заметила, как Даниил судорожно сжал челюсть, и неожиданно для самой себя почувствовала дикое, сладкое удовлетворение.

Артём завершил свою связку на мощном бите, даже не взглянув на ликующую публику. Он смотрел только на меня. И, сделав полшага вперёд, медленно протянул мне раскрытую руку.

— Твой выход, принцесса. Покажи им.

Я уверенно шагнула в круг, физически ощущая, как моё прошлое и моё настоящее замерли по разные стороны паркета. И впервые в жизни мне до безумия захотелось выбрать не безопасное воспоминание. А эту чистую, манящую опасность.

Круг танцоров сомкнулся ещё плотнее. Музыка снова изменила свой характер, превращаясь в глубокий, тягучий трек с обволакивающим, тяжёлым басом. Все затаили дыхание. Я вышла в самый центр абсолютно спокойно, словно вокруг не было этих десятков оценивающих глаз, словно слева не стояло моё прошлое, а справа — моё пугающее настоящее.

Я закрыла глаза всего на одну секунду. Короткий вдох. И начала.

Первое движение было медленным, почти интимным, зарождающимся где-то внутри. Плавное движение плеча. Медленный поворот головы. Драматичный изгиб позвоночника. Тишина вокруг нас стала настолько осязаемой, что можно было услышать чужое дыхание.

А затем музыка ударила сильнее, раскрываясь на полную — и моё тело ответило ей мгновенно. Контемп в моём исполнении никогда не был синонимом хрупкой нежности. Это была история оцифрованной боли, прожитой и выжженной до самого конца. Каждый мой выпад ощущался как удар. Каждое падение на паркет — как пережитое предательство. Каждый резкий подъём вверх — как абсолютное выживание.

Зал буквально замер, боясь пошевелиться. Я двигалась так, словно прямо здесь, на глазах у всех, рвала своё прошлое на мелкие куски и заново собирала себя из осколков прямо на гладком полу этого зала.

Финальный, оглушительный акцент. Резкий, гордый подъём на ноги. И мой прямой, ледяной взгляд точно в глаза Даниилу. Без единой дрожи. Без капли прежнего сожаления.

Первым в этой тишине захлопал Артём. Медленно. Один. А уже через секунду весь огромный зал буквально взорвался оглушительными аплодисментами и криками.

Даниил стоял неподвижно, его лицо было бледным и хищно напряжённым. Когда я проходила мимо него, он процедил мне вдогонку:

— Ты всё ещё танцуешь про меня, Вика. Я же вижу.

Я остановилась и посмотрела на него, даже не моргнув.

— Ошибаешься, Кравцов.

Я сделала к нему шаг, заставляя его немного отпрянуть.

— Я больше не танцую про тебя. Я танцую после тебя.

По кругу танцоров прокатилось короткое, удивленное «о-о-у». Даниил сделал агрессивный шаг ко мне.

— Думаешь, стала слишком сильной?

— Нет, — тихо, но твёрдо ответила я. — Я просто окончательно перестала быть слабой рядом с тобой.

Артём среагировал мгновенно. Он вырос рядом со мной в то же мгновение, плечом почти касаясь моего плеча, закрывая меня собой наполовину.

— Тебе здесь как-то плохо и туго объясняют намеки? — негромко и угрожающе спросил он у Даниила.

— Это наш с ней разговор, проваливай.

— Уже нет. Теперь это наше общее дело.

Даниил издевательски скривился, переводя взгляд с одного на другого:

— Да кто ты вообще такой ей, а?

Я уже открыла было рот, чтобы ответить самой, но Артём опередил меня на долю секунды, припечатав одним единственным словом:

— Настоящее.

Моё сердце внутри предательски, испуганно сбилось с ритма. Я резко повернула голову и уставилась на него, но Савицкий даже не повернулся. Он стоял с каменным лицом, будто только что озвучил самую очевидную и обычную вещь в мире.

Даниил брезгливо поморщился:

— Ну-ну. Надолго ли.

Артём сделал уверенный шаг вперёд, полностью оттесняя его:

— А вот это проверять ты будешь исключительно на сцене. На чемпионате.

В этот критический момент главный тренер громко и оглушительно хлопнул в ладони, буквально разрезая скопившееся в воздухе электричество.

— Так, народ, хватит личной драмы! Расходимся по позициям! Через час общий прогон!

Толпа танцоров начала нехотя расходиться. Даниил двинулся к выходу одним из первых, но у самой двери резко обернулся:

— Мы ещё обязательно поговорим, Вика. Это не конец.

— Нет, — холодно и отстранённо ответила я. — Ты просто всё ещё никак не понял.

Его фигура наконец скрылась за массивной дверью. Когда огромный зал практически опустел, я круто повернулась к стоявшему рядом Савицкому.

— Зачем ты вмешался в это? — спросила я, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

Он лишь безразлично пожал плечами:

— Захотелось. Имею право.

— Я бы прекрасно справилась со всем сама. Ты же знаешь.

— Знаю, — он медленно наклонился чуть ближе ко мне, и его голос стал непривычно тихим. — Но мне чертовски не понравилось то, как именно он на тебя смотрел.

Моё дыхание в очередной раз за этот день замерло.

— И почему... почему тебя это вообще волнует?

Его внимательный, потемневший взгляд медленно опустился на мои губы, задерживаясь на них долгие, мучительные секунды, а затем снова поднялся к глазам.

— Потому что отныне на тебя первым смотрю я.

Глава 6

Свет сцены

Виктория

Большой зал главной площадки чемпионата впервые открыли для общего прогона. Масштаб пространства давил на сознание: пустые зрительские места уходили вверх бесконечным крутым полукругом, огромная сцена сияла холодным, хирургически белым светом. Техники на заднем плане настраивали звук, заставляя внутренности вибрировать от басов, а организаторы с рациями и планшетами в руках суетливо бегали между рядами.

Каждой команде жестко выделили всего по пятнадцать минут на адаптацию к площадке. Я сидела в прохладном зале вместе со своей группой, кутаясь в олимпийку, когда из динамиков объявили:

— RAGE UNIT.

По рядам танцоров сразу прошёл оживленный, предвкушающий шёпот. Парни вышли на сцену уверенно, небрежно, будто они уже являлись полноправными хозяевами этого огромного пространства.

Артём шёл самым последним. Чёрные широкие брюки, свободная майка, собранная, хищная концентрация в потемневшем взгляде. Несколько девчонок из соседней зарубежной команды, сидевших прямо за моей спиной, тут же заметно оживились.

— Боже, это он? — громким шёпотом спросила одна.

— Савицкий, да? — подхватила вторая. — Чёрт, вживую он выглядит ещё лучше, чем на видео.

— Я бы многое отдала, чтобы провести с ним хотя бы одну ночь.

— Ой, да я бы на вечер согласилась!

Они тихо, двусмысленно рассмеялись. Я сама не заметила, как сжала пластиковую бутылку с водой чуть сильнее, чем следовало. Раздался характерный хруст.

— Ты сейчас её просто раздавишь, Ланская, — тихо заметила Лера, косясь на мои побелевшие пальцы.

— Просто пластик бракованный, слабый, — отрезала я.

В этот момент музыка ударила резко, наотмашь. Команда Артёма мгновенно взорвалась движением. Их синхронность пугала — это был чистый, тяжелый хип-хоп без лишнего пафоса. Жёсткий, точный, невероятно живой. Но как бы я ни пыталась смотреть на общую картину, центр моего внимания всё равно упрямо притягивал Савицкий. Он двигался так, словно эта сцена дышала с ним в одном ритме. Каждый поворот его корпуса, каждый акцент, каждый мимолётный взгляд в темный зал работали безошибочно. Он не просил внимания публики. Он просто забирал его себе. По праву сильного.

— Господи... — снова зашептали девчонки сзади. — Представляешь, каким он может быть вне сцены?

— Опасным, — хихикнула её подруга. — Но я бы с удовольствием проверила.

Я резко, со свистом повернула голову и смерила их своим фирменным ледяным взглядом. Они тут же осеклись и испуганно притихли.

— Простите... — пробормотала одна из них, вжимая голову в плечи.

— Продолжайте, — холодно, с безупречной вежливостью разрешила я. — Очень познавательная и интеллектуальная дискуссия.

Лера рядом со мной едва сдерживала гомерический смех, пряча лицо в ладонях.

— Ты ревнуешь, Вик. Причём откровенно.

— Я раздражена, — поправила я её сквозь зубы.

— Это сейчас почти одно и то же.

На сцене тем временем началась сольная часть, и Артём вышел далеко вперёд. Общий свет резко сузился до одного яркого круга. И тут Савицкий одним точным движением снял майку через голову и небрежно бросил её куда-то за кулисы.

Темный зал буквально взорвался визгом и криками. Я невольно застыла, разглядывая рельеф его спины и плеч в лучах прожекторов.

— О нет, — обречённо шепнула Лера. — Теперь ты точно кого-нибудь здесь убьёшь.

А Артём уже начал двигаться под тяжелый, утробный бит. Резкие удары плечами, феноменальный контроль корпуса, низкая, почти звериная пластика — от этой бешеной энергии мурашки шли даже у тех, кто его искренне терпеть не мог. В самом конце связки он резко поднял голову и посмотрел прямо в полумрак зрительного зала. Точно туда, где сидела я. Будто все остальные люди вокруг нас в эту секунду просто перестали существовать.

Музыка оборвалась. Шквальные аплодисменты накрыли зал. Девчонки сзади снова завели свою шарманку:

— Всё. Я официально влюблена.

— Я бы умерла в его постели счастливой...

Я решительно поднялась со своего кресла.

— Куда ты? — удивлённо окликнула меня Лера.

Я не сводила яростного взгляда со сцены, где Савицкий как раз забирал свои вещи.

— Пойду напомним этому индюку, что он вообще-то не бог.

И почему-то моё глупое сердце в этот момент билось слишком быстро. Даже для злости.

Артём

Аплодисменты в зале всё ещё гремели, отдаваясь вибрацией в полу, когда мы уходили за кулисы. Пацаны из моей команды шумно переговаривались, смеялись и на ходу обсуждали косяки по звуку. Я шёл последним, небрежно перекинув влажное полотенце через плечо. Без майки. И, скрывать не стану, чертовски довольный нашим прогоном.

Но стоило мне завернуть в узкий технический коридор, как я едва не врезался в фигуру, перегородившую мне путь. Ланская. Собственной персоной.

— Подвинься, принцесса, — лениво бросил я, даже не сбавляя шага, в надежде, что она сделает шаг назад.

— Нет, — отрезала она, замирая на месте.

Я остановился. На моих губах сама собой расплылась усмешка.

— Надо же. Значит, всё-таки соскучилась.

— Значит, у тебя помимо самомнения начались серьёзные проблемы со слухом, Савицкий.

Я сделал ещё один короткий шаг вперёд, сознательно сокращая расстояние между нами до нескольких сантиметров. За кулисами было шумно, кто-то перетаскивал реквизит, но для меня весь этот гул будто разом заглушили.

— И что же тебя злит сильнее, Вика? — тихо, прощупывая почву, спросил я. — То, что весь зал сейчас орал от восторга... или то, что ты смотрела на меня точно так же, вместе со всеми?

— Меня злит исключительно твоя запредельная самоуверенность.

— Ложь, — спокойно парировал я.

— Меня злит твой дешёвый театр на сцене.

— Снова ложь.

Я наклонился ещё ближе к её лицу, ловя её прерывистое дыхание.

— Тебя до безумия злит то, что другие бабы в зале говорили обо мне.

Я отчетливо увидел, как её зрачки расширились, а сердце под тонкой тканью топа ударило сильнее. О да. Я обожал угадывать её мысли. И ненавидел, когда она пыталась закрыться.

— Мне абсолютно всё равно, кто именно мечтает оказаться в твоей постели, — процедила она, стараясь звучать безразлично.

Мой взгляд невольно потемнел, опускаясь к её рукам.

— Тогда почему ты так красиво сжимаешь свои маленькие кулаки, а, Ланская?

Вместо ответа она со всей силы толкнула меня ладонями в грудь. Я даже не пошевелился — слишком хороша была разница в весовой категории. Но упустить её я не собирался: я мгновенно перехватил её тонкое запястье, фиксируя на месте.

— Отпусти меня, — рванулась она.

— Скажи мне честно.

— Что сказать?

Я приблизился ещё на один непозволительный сантиметр, едва не касаясь её губ своими.

— Скажи, что тебе не всё равно.

Виктория упрямо дёрнула рукой, пытаясь вырваться. Безрезультатно. Я держал её крепко, мёртвой хваткой, но при этом максимально бережно, чтобы не оставить следов на нежной коже. И судя по вспыхнувшему взгляду, эта моя бережность бесила её сильнее любого проявления грубости.

— Ты просто невозможен, — выдохнула она.

— А ты просто ревнуешь.

Она гордо вскинула подбородок, глядя на меня сверху вниз, насколько позволял её рост.

— Никогда в жизни.

— Тогда смотри мне прямо в глаза и повтори это ещё раз.

Она подняла на меня свой ледяной взгляд. Взгляды скрестились. И я физически почувствовал, как ей внезапно стало трудно говорить. Воздуха между нами катастрофически не хватало.

— Я... не ревную, — тихо, но отдельно повторила она.

Я не сдержал короткой усмешки, чувствуя, как внутри разливается странное тепло.

— Ну, почти убедительно. Ладно.

Из-за угла коридора как раз послышались громкие голоса возвращающихся пацанов из моей команды. Я отпустил её руку за секунду до того, как они вывалились к нам.

— Оу, братуха, мы вам тут походу мешаем? — сразу заржал Дэн, оценив нашу мизансцену.

— Исчезни, — холодно и резко бросила ему Виктория, даже не повернув головы.

— Вот видите? — я абсолютно спокойно повернулся к друзьям, закидывая полотенце на шею. — Я же говорю, она скучала.

Ланская крутоь на пятках и быстрым, стремительным шагом пошла прочь по коридору.

— Виктория! — окликнул я её вдогонку.

Она ожидаемо не остановилась, но шаг всё же замедлила.

— Сегодня вечером прогон смешанных дуэтов, — напомнил я, глядя на её прямую, как струна, спину.

Она на секунду замерла, полуобернувшись:

— И что с того?

Мой голос прозвучал непривычно низко, веско и абсолютно уверенно:

— Только то, что сегодня ты снова окажешься в моих руках.

Она ушла, так ничего и не ответив. Но я успел заметить, как по её открытой шее пробежала мелкая, едва заметная дрожь.

Через двадцать минут из динамиков над сценой наконец объявили их команду:

— AETHER.

Атмосфера в зале мгновенно изменилась. Холодный, слепящий белый свет прожекторов ушёл, уступая место глубоким, мягким теням и серебристым, почти лунным лучам. Я устро-

ился в кресле на одном из самых последних рядов трибуны, чувствуя, как внутри до сих пор глухо ворочается злость после нашей стычки в коридоре. Парни из моей команды расселись рядом, шумно устраиваясь на откидных сиденьях.

— Савва, ты серьёзно пришёл смотреть контемп? — тихо приснул со смеху Дэн, толкая меня локтем. — Тебе уличного кача мало?

— Заткнись и просто смотри, — ровно и спокойно отрезал я, даже не повернувшись к нему.

Я сел, подперев подбородок рукой, и намертво уставился на сцену, не мигая.

Их музыка началась почти со шёпота, с едва различимых, тягучих звуков пианино. Девчонки появились из темноты, словно неупокоенные, хрупкие тени. Но их номер не имел ничего общего со слащавой нежностью — он с первых секунд рассказывал сложную, болезненную историю борьбы. О внутренней боли. О скрытой силе. О женщинах, которых из всех сил пытались сломать, растоптать — но так и не смогли.

В самом центре этой композиции была она. Ланская.

Босиком. В лаконичном сером сценическом костюме, который ни капли не скрывал её точёных движений. Высоко собранные волосы открывали беззащитную линию шеи, но её взгляд, направленный куда-то в пустоту зала, был настолько жёстким, что у меня внутри против воли что-то сжалось. Она двигалась, полностью отдаваясь процессу, словно каждая затаённая эмоция вырывалась наружу непосредственно через её тело. Я поймал себя на том, что практически не дышу, следя за каждой линией.

Во время сольной части Виктория резко, с размаху упала на колени на жёсткий паркет сцены, а затем медленно поднялась через глубокий, невероятно гибкий прогиб корпуса и вытянулась струной вверх. Это выглядело так, словно она физически, с мясом разрывала удерживающие её невидимые цепи.

Огромный зал буквально замер. На задних рядах парни из моей команды даже перестали отпускать свои дурацкие шуточки и затихли.

— Чёрт... — тихо, ошеломлённо выдохнул Дэн где-то справа. — А она сильная. Нереально сильная.

— Она опасная, — негромко поправил его я, не отводя от неё взгляда.

— Теперь я понял, Савва, чего ты на неё так залипаешь, — пробормотал друг.

Я ничего не ответил. Наверное, потому что сам до конца не понимал, что со мной происходит, когда эта девчонка выходит на паркет. Она просто выжигала всё пространство вокруг себя.

Но в этот момент позади нас, буквально на пару рядов выше, послышался чересчур громкий, знакомый до тошноты голос. Даниил. Этот брейк-дансер сидел в окружении своей немецкой команды и вёл себя максимально вальяжно, развалившись в кресле.

— Да бросьте вы, пацаны, — самодовольно хмыкнул Кравцов, громко перебивая чужие аплодисменты. — Этот чемпионат уже считай наш. Конкурентов ноль.

Кто-то из его окружения согласно заржал.

— А как же Ланская? — спросил один из немцев, кивая на сцену. — Смотри, как раздает.

Даниил лишь пренебрежительно фыркнул, и от его тона у меня внутри что-то опасно натянулось:

— А что Виктория? Вот возьмем золото, и после победы она сама мигом вспомнит, кто всегда был рядом с ней лучшим. Во всех смыслах.

— Думаешь, сможешь её вернуть?

— Вернуть? — Кравцов гадко, по-очередному усмехнулся. — Нет, возвращать я её не собираюсь. Но одну жаркую ночь со мной после финала она точно не забудет. Гарантирую.

Сзади снова раздался дружный, сальный мужской смех.

В эту секунду Виктория на сцене, разумеется, ничего этого не слышала — она как раз заканчивала свою финальную связку. Последний, рвущий душу аккорд музыки. Резкое замершее движение. Оглушительная тишина. А затем весь зал сорвался на бурные, искренние аплодисменты. Она тяжело, глубоко дышала, стоя в самом центре слепящего луча света — красивая, сильная и абсолютно недостижимая для этой грязи.

Я медленно поднялся со своего места самым первым в нашем секторе. Хлопал ей, не сводя с её бледного лица своих потемневших глаз. Но мои мысли сейчас были заняты далеко не её безупречным контемпом.

Я медленно повернул голову назад, в упор глядя на смеющегося Кравцова. Внутри меня всё окончательно похолодело от глухой, убийственной ярости. Даниил даже не заметил моего взгляда, продолжая самодовольно улыбаться своим парням.

Я зафиксировал его лицо в памяти и подумал о том, что этот придурок только что совершил самую большую и, возможно, самую роковую ошибку в своей жизни. И отвечать за неё он будет передо мной.

Глава 7

Большая ошибка

Артём

Аплодисменты в зале ещё не успели стихнуть, когда я круто развернулся к верхнему ряду трибун. Даниил всё ещё сидел там, развалившись в кресле с таким видом, будто уже держал в руках золотой кубок чемпионата. Его самодовольная, ленивая улыбка раздражала до какого-то странного, ледяного спокойствия внутри меня. Того самого спокойствия, за которым у меня обычно следовал мгновенный взрыв.

— Савва, ты куда? — тихо спросил Дэн, заметив, как я резко поднялся с места.

Я уже быстро шагал вверх по ступеням между секторами.

— Пойду кое-кому исправить завышенную самооценку.

Кравцов заметил моё приближение только тогда, когда я тенью остановился прямо над ним, перекрывая свет от прожекторов. Вальяжная улыбка медленно сползла с его лица.

— Надо же, какие люди, — протянул он, высокомерно вскидывая подбородок.

— Слышимость в этом зале отличная, Кравцов, — спокойно и негромко сказал я, закладывая руки в карманы брюк.

— И? Мне-то что?

— Даю бесплатный совет на будущее: если откровенно врёшь, делай это как минимум тише.

Парни из немецкой команды рядом с ним тут же напряглись и переглянулись. Даниил глухо нахмурился, в его взгляде мелькнула злость:

— Ты сейчас вообще о чём шелестишь, Савицкий?

Я чуть наклонил голову, глядя на него сверху вниз.

— О предстоящем чемпионате. И о Виктории.

Кравцов на секунду замер, а затем издевательски усмехнулся:

— Что, задело за живое? На чужой каравай рот разеваешь?

— Ни капли не задело, — я выдержал короткую, изматывающую паузу, удерживая его взгляд. — Меня просто чисто профессионально заинтересовало, насколько громко и жалко можно унижаться на глазах у публики.

Дэн, который успел подняться вслед за мной и стоял чуть позади, громко прыснул со смеху.

Даниил резко, как пружина, вскочил со своего кресла, сокращая между нами расстояние.

— Ты слышишь меня, уличный? Следи за своими словами.

— А ты следи за своими влажными мечтами, Кравцов. Особенно за теми, где Ланская добровольно к тебе возвращается.

Напряжение между нами стало настолько плотным, что его можно было потрогать руками. Окружающие нас танцоры начали оборачиваться.

— Ты её слишком плохо знаешь, чтобы вякать, — процедил Даниил сквозь зубы.

— Возможно, — я сделал ещё один шаг вперёд, вынуждая его слегка отпрянуть. — Но одно я уже понял о ней гораздо лучше тебя.

— И что же, просветишь?

Мой голос стал абсолютно ледяным:

— Она никогда больше не вернётся туда, где её не уважали. Запомни это.

В этот момент снизу, со стороны сцены, послышались быстрые, взволнованные шаги. Виктория, только что выбравшаяся из бокового прохода после своего номера, заметила движение на трибунах. Толпа вокруг нас словно замерла, наблюдая за двумя фигурами, готовыми сорваться в драку.

— Чёрт, — долетел до меня испуганный выдох Леры. — Только не это. Артём, остановись!

Но Ланская не стала никого слушать. Она не раздумывала ни секунды и стремительно взлетела вверх по ступеням трибуны. Когда она подошла к нам, мы с Кравцовым стояли уже практически грудь в грудь.

— Что здесь, чёрт возьми, происходит? — резко спросила она, переводя взгляд с одного на другого.

Даниил тут же картинно отступил на полшага, вскидывая ладони в примирительном жесте:

— Да ничего особенного, Вик. Твой новый преданный защитник просто решил показать мне свой дворовый характер.

— Я ни в чьих защитниках не нуждаюсь, — холодно, как умеет только она, отрезала Виктория. А затем повернулась ко мне.

Я посмотрел на неё. Спокойно. Но внутри меня всё ещё полыхало то самое опасное, первобытное напряжение.

— Знаю, что не нуждаешься, — ровно ответил я.

— Тогда зачем ты вообще сюда полез и вмешался?

Я заставил её подождать, удерживая долгую, тяжёлую паузу, прежде чем ответить:

— Потому что я органически не люблю, когда о тебе говорят в третьем лице как о каком-то кубке или дешёвом призе.

Воздух между нами троими в секунду изменился, став горячим и наэлектризованным. Кравцов за моей спиной противно усмехнулся:

— Оу, как благородно. Прямо рыцарь без страха и упрёка.

Виктория даже не повернула головы в его сторону. Она просто выкинула руку в сторону и припечатала:

— Замолчи, Даниил.

Кравцов буквально застыл на месте с открытым ртом. Я едва сдержал победную ухмылку: кажется, впервые за всё время её ледяная резкость была направлена не на меня.

— Вик, ты просто услышала не всё, я... — попытался оправдаться брейкер.

— Я услышала более чем достаточно, — она сделала к нему шаг, заставляя окончательно заткнуться. — И на случай, если у тебя из-за амбиций начались серьёзные проблемы с памятью, я напому: ты навсегда потерял любое право обсуждать меня, мою жизнь или мои дуэты в тот самый день, когда предал.

Лицо Кравцова пошло пятнами, челюсть судорожно дёрнулась.

— Вика...

— Не смей называть меня так, — выдохнула она, круто развернулась на пятках и быстро пошла вниз по ступеням.

Я двинулся следом, не собираясь оставаться в этой компании ни секунды. Шаги Виктории были быстрыми, злыми, но я без труда нагнал её у самого выхода в технический коридор.

— Ты совершенно не обязан был этого делать, Савицкий, — бросила она вперёд, упрямо не глядя на меня.

— Знаю.

— Тогда зачем? Зачем устраивать этот цирк на глазах у половины чемпионата?

Я резко перехватил её за локоть, вынуждая остановиться рядом со мной.

— Потому что мне, чёрт возьми, не всё равно, Ланская. На тебя. На то, что он говорит. На всё это.

Её сердце под тонкой тканью костюма сбилось с ритма так сильно, что я практически услышал этот стук. Сильнее, чем после её сумасшедшего финала на сцене.

Виктория

Коридор за главной сценой был почти пуст. Из огромного зала доносились лишь приглушённые стенами объявления организаторов, тяжёлые шаги техников, перетаскивающих кабели, и далёкие обрывки музыки. Но для меня весь этот мир окончательно исчез. Схлопнулся до размеров этого коридора после его слов.

«Потому что мне не всё равно».

Я медленно, преодолевая внутреннее сопротивление, повернулась к Артёму лицом.

— Не говори так. Никогда больше не говори мне таких вещей.

Он стоял прямо напротив меня, небрежно засунув руки в карманы брюк, будто только что озвучил прогноз погоды или какую-то совершенно обычную, банальную вещь.

— Это ещё почему? — его брови поползли вверх.

— Потому что ты сам не понимаешь, что именно сейчас говоришь. Ты просто играешь в свои привычные игры.

— Ошибаешься, принцесса.

Его взгляд в секунду стал пугающе серьёзным. Из него полностью исчезла привычная, так раздражающая меня насмешка и уличный пафос. И именно эта его внезапная, голая искренность пугала меня сейчас сильнее всего на свете.

— Тогда объясни мне, — потребовала я, скрещивая руки на груди, чтобы скрыть лёгкую дрожь. — Объясни, Савицкий.

Он сделал ещё один короткий шаг ближе, заставляя меня поднять голову.

— Меня до бешенства злит, когда ты уходишь вот так, посреди нашего разговора. Меня бесит, когда другие придурки смотрят на тебя слишком долго и считают, что имеют на это право. Меня бесит то, что после каждой, чёрт возьми, репетиции я первым делом ищу глазами именно тебя в этой толпе.

Моё дыхание окончательно сбилось, застревая где-то в горле.

— Артём...

— И особенно сильно меня бесит, — перебил он, понижая голос до хриплого шёпота, — что ты всё ещё упрямо думаешь о своём грёбаном прошлом и копаешься в старых обидах, когда прямо сейчас перед тобой стою я. Живой. Настоящий.

Я застыла, не в силах пошевелиться. Это было слишком честно. Слишком прямолинейно. И оттого — смертельно опасно для моего хрупкого, так долго выстраиваемого мира.

— Ты меня почти не знаешь, — тихо, из последних сил защищаясь, произнесла я.

— Я знаю тебя более чем достаточно.

— Нет, — я упрямо покачала головой, отводя глаза. — Ты знаешь только ту часть меня, которая вечно злится, кричит и нападает на тебя.

Артём едва заметно, одними уголками губ усмехнулся. В его глазах мелькнула мягкая, тёплая искра.

— Моя самая любимая часть, Ланская.

Я отчаянно хотела ответить ему какой-нибудь колкостью, привычно выставить вперёд шипы, но... просто не смогла. Язык будто прирос к нёбу. Из зала донеслись новые, взрывные аплодисменты — там, за стеной, продолжалась обычная жизнь. Только у меня внутри всё остановилось, замерло на абсолютной нулевой отметке.

— Ты просто играешь в ухаживания, — выдохнула я, пытаюсь найти логичное объяснение.

— Уже нет. Игра закончилась.

— Ты флиртуешь абсолютно со всеми девушками на этом чемпионате, я же видела.

— Уже далеко не со всеми, Вик.

Он подошёл ещё ближе. Теперь между нашими телами снова осталось опасно, непозволительно мало воздуха. Я чувствовала жар, исходящий от его кожи после репетиции.

— Что... что конкретно ты хочешь от меня? — едва слышно прошептала я, глядя на его широкую грудь.

Его тёмный взгляд медленно, тягуче опустился на мои губы, задерживаясь на них слишком долго.

— Прямо сейчас? Твой честный ответ. Без масок.

— А потом? Что потом, Савицкий?

Он снова поднял глаза, встречаясь со мной взглядом:

— А потом — один единственный шанс.

Моё сердце с размаху ударилось о рёбра, отзываясь тупой болью. Паника накрыла с головой. Я сделала резкий, панический шаг назад, разрывая эту удушающую дистанцию.

— Ты сумасшедший. Точно ненормальный.

— Возможно, — он даже не подумал спорить.

— Мы соперники на этом чемпионате, Артём. Наши команды дышат друг другу в затылок.

— Мы соперники исключительно на сцене. Паркет всё рассудит.

— Мы... мы постоянно раздражаем и бесим друг друга!

— И это чертовски круто работает, согласишься.

— Я тебе не верю, — выплюнула я последнее, самое главное своё обвинение. — Слышишь? Не верю ни одному твоему слову.

Артём медленно, спокойно кивнул, ни капли не обидевшись на мою резкость:

— Это честно. По крайней мере, это твоё настоящее мнение.

В этот критический момент в коридор из-за поворота буквально влетела Лера. Она резко замерла на месте, застав нас стоящими практически вплотную друг к другу в пустом техническом проходе.

— Ого... — её глаза округлились, а на губах появилась двусмысленная улыбочка. — Кажется, я очень вовремя?

Я резко, судорожно отошла от Артёма ещё на два шага, поправляя олимпийку:

— Очень не вовремя, Лер. Что случилось?

Лера перевела быстрый, сканирующий взгляд с моего пылающего лица на абсолютно невозмутимого Савицкого, а затем обратно.

— Нас всех срочно вызывают в главный холл на жеребьёвку смешанных дуэтов. Прямо сейчас. Организаторы рвут и мечут.

Артём, проигнорировав Леру, продолжал пристально, с нескрываемым обещанием смотреть мне прямо в глаза.

— Мы продолжим этот разговор позже, Ланская. Обстоятельно.

— Нет, — быстро, панически ответила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

Он мягко, торжествующе улыбнулся:

— Это тоже обсудим позже. Увидимся на жеребьёвке.

Когда его высокая фигура наконец скрылась за дверями холла, Лера медленно, скрестив руки на груди, повернулась ко мне. Её взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Ты вся красная, Вик. Прямо пылаешь.

— Я просто злая, — соврала я, отворачиваясь к стене. — Меня выбесил Кравцов, а потом этот индюк Савицкий.

— У тебя руки дрожат, Ланская. Причём крупной дрожью.

Я невольно посмотрела на свои ладони. Пальцы действительно мелко, предательски подрагивали, отказываясь подчиняться. Чистый адреналин вперемишку с чем-то ещё.

— Я его просто ненавижу, — глухо выдохнула я, сжимая руки в кулаки, чтобы остановить эту выдам дрожь.

Лера тихо, понимающе хмыкнула и мягко положила руку мне на плечо:

— Да брось ты. Уже давно нет, Вик. Тебе просто пока чертовски страшно назвать это чувство каким-то другим словом. Пошли, нас ждут.

Глава 8

Возвращение прошлого

Виктория

Жеребьёвка смешанных дуэтов проходила шумно и сумбурно. Команды из разных стран кучковались плотными группами, бурно переговаривались, перебивая друг друга. Кто-то откровенно нервничал, меряя шагами холл, кто-то, наоборот, смеялся слишком громко и неестественно.

Я изо всех сил заставляла себя смотреть исключительно на огромный плазменный экран с бегущими результатами. Смотреть куда угодно, только не в сторону парней из Rage Unit. Но даже не оборачиваясь, я физически, кожей чувствовала пристальный, сканирующий взгляд Артёма откуда-то из глубины зала. И это дурацкое ощущение мешало мне сосредоточиться гораздо сильнее, чем весь окружающий предконкурсный гул.

Когда на экране зажглись финальные пары, они лишь подтвердили то, что организаторы утвердили ещё до прогона:

Артём Савицкий — Виктория Ланская.

По залу мгновенно прокатилась новая волна смешков, многозначительных взглядов и шёпота.

— Ну всё, Вик, вас двоих здесь уже официально считают отдельным развлекательным шоу, — негромко пробормотала Лера, толкнув меня локтем.

— Прекрасно, — сухо и максимально безучастно ответила я. — Пусть развлекаются.

После объявления результатов организаторы милостиво дали командам час перерыва перед следующими, уже совместными репетициями.

Артём

Просторный холл отеля сиял панорамным стеклом, безупречным мрамором пола и мягким, заливающим пространство дневным светом. Я спустился на первый этаж к кофейному автомату в глупой надежде хоть немного привести разбегающиеся мысли в порядок.

Не помогало. Абсолютно.

Потому что в голове назойливо, раз за разом возникало бледное лицо Виктории после нашего откровенного разговора в техническом коридоре. И то, как она тогда панически отступила от меня на шаг. Я ведь прекрасно видел: она сделала это не из-за страха передо мной. Она бежала от собственных чувств, которых до безумия боялась и отчаянно не хотела признавать.

— Артём.

Внезапный женский голос заставил меня резко затормозить у стойки. Я медленно повернулся.

И увидел прошлое номер два за сегодняшний сумасшедший день.

Ева Мирская.

Высокая, с идеально уложенными волосами, безупречным, волосок к волоску, макияжем и в дорогом белом брючном костюме. В её глазах застыл привычный взгляд капризной королевы, которой этот мир по умолчанию что-то должен. В своё время Ева тоже танцевала контемп. Хорошо танцевала, технично. Но она всегда гораздо больше любила производить мимолётное впечатление на публику, чем по-настоящему вкалывать в зале. Чистой техники ей никогда не хватало. Смирения и трудолюбия — тем более.

— Сюрприз, — приторно улыбнулась она, делая ко мне несколько шагов на высоких шпильках. — Что, совсем не рад меня видеть?

— Удивлён, — честно отозвался я.

— Это из твоих уст звучит почти как изысканный комплимент.

Ева легко, едва ощутимо поцеловала воздух возле моей щеки — так естественно, словно между нами никогда ничего не заканчивалось и я не блокировал её номер.

— Что ты здесь делаешь, Ева? — прямо спросил я, убирая стаканчик с кофе от автомата.

— Приехала поддержать тебя на чемпионате, конечно же. Ну и посмотреть на твой триумф.

Я коротко, безвесело усмехнулся:

— Насколько я помню официальные списки, твоя команда даже не прошла национальный отбор.

Ева на долю секунды заметно напряглась, её безупречно покрашенные губы дрогнули, но она моментально вернула на лицо маску абсолютной уверенности:

— Подумаешь. Кто-то же должен был просто приехать и украсить собой этот невероятно скучный, серый конкурс.

Она кокетливо скользнула оценивающим взглядом по моему лицу, сокращая и без того маленькую дистанцию:

— Ты выглядишь ещё лучше и мужественнее, чем я помню, Савицкий.

— А ты, я смотрю, вообще не меняешься. Всё так же начинаешь любой разговор исключительно с восхваления самой себя.

— А ты всё так же напускно грубишь, когда на самом деле безумно рад меня видеть, — она с интимной, привычной лёгкостью положила свою ладонь мне прямо на грудь.

Знакомый жест. Когда-то давно, года два назад, этот её приём безотказно работал. Сейчас же внутри меня не шевельнулось абсолютно ничего, кроме глухого раздражения. Я спокойно, но крепко перехватил её за запястье и снял её руку со своей груди.

— Чего ты хочешь от меня, Ева? Говори прямо.

Её глаза сузились, в них на мгновение блеснула холодная злость. Но уже через секунду она улыбнулась ещё мягче и вкрадчивее:

— Я же сказала. Соскучилась.

— Ложь.

— Желаете услышать чистую правду? — она придвинулась ко мне почти вплотную, обдавая шлейфом дорогого парфюма. — Я просто хочу вернуть то, что по праву принадлежит мне.

— Я никогда в этой жизни не был твоим, Мирская.

— Был, Артём. Просто ты тогда слишком плохо это понимал.

Виктория

Мы с Лерой лениво спускались по широкой мраморной лестнице в холл, когда я практически сразу выхватила взглядом его фигуру. Артём стоял у кофейного автомата. Но не один.

Рядом с ним крутилась какая-то женщина — высокая, яркая, безупречно уложенная и до тошноты уверенная в себе. На ней был стильный белый костюм, а в каждом движении сквозила повадка королевы, которой все вокруг по умолчанию что-то должны. Прямо на моих глазах она с интимной, отработанной лёгкостью протянула руку и поправила воротник его рубашки.

Внутри меня что-то резко и очень неприятно кольнуло. Острый, горячий укол, от которого перехватило дыхание.

— Ого, — тихо протянула Лера, мгновенно засекши траекторию моего взгляда. — А это ещё кто у нас такая нарисовалась?

Я слишком резко, демонстративно пожала плечами и отвернулась:

— Без малейшего понятия.

— Врёшь ты, Ланская, конечно, паршиво.

— Мне абсолютно всё равно, — отчеканила я, упрямо шагая вниз по ступеням.

Лера посмотрела на меня с такой красноречивой миной, что читать её мысли не составляло труда: «Ну конечно, рассказывай мне сказки».

В этот момент белая королева тоже заметила наше приближение. Её взгляд медленно скользнул по мне сверху вниз — оценивающе, с холодным, ленивым презрением.

— Это та самая? — спросила она. Говорила вроде бы тихо, но ровно с той громкостью, чтобы её слова отчётливо долетели до моих ушей.

Артём недовольно нахмурился, переводя взгляд с неё на меня:

— Какая именно?

— Ну, которая свято думает, что умеет танцевать contemporary.

Я резко остановилась на месте. Воздух вокруг словно заledenел. Лера рядом со мной тихо, предвкушающе прошептала:

— Вик, только скажи одно слово, и я мигом принесу попкорн.

Артём смотрел уже не на свою спутницу. Его потемневшие глаза были намертво прикованы ко мне. И по его напряжённому лицу я видела: он прекрасно понимает, что следующий час перерыва официально перестаёт быть спокойным.

Час перерыва пролетел как один затянувшийся вдох. Когда мы снова пересеклись, в просторном холле отеля стало слишком, неестественно тихо. Даже фоновая музыка у стойки ресепшена будто ушла на второй план, уступая место звенящему напряжению.

Я медленно, не торопясь, подошла ближе к их паре. Размеренная походка. Намертво выпрямленная спина. Лицо — абсолютная маска без единой эмоции. Я знала, как выгляжу со стороны, но Артём уже успел выучить мои повадки. Он прекрасно знал: этот мой уровень тишины — самый опасный.

Женщина в белом, заметив меня, улыбнулась ещё шире и ядовитее:

— Надеюсь, ты не обиделась на мои слова. Я просто слишком тонко ценю хороший contemporary. А вот посредственность вижу сразу, уж извини.

Лера рядом со мной едва не задохнулась от возмущения, готовая сорваться с цепи. Я же остановилась ровно напротив незнакомки, удерживая её взгляд, и спокойно произнесла:

— Забавно.

— И что же именно тебе кажется забавным? — сладко, с фальшивым интересом спросила она.

— Обычно громче всех чужое мастерство оценивают именно те, кого организаторы даже не пригласили участвовать в этом чемпионате.

Лера мгновенно прикрыла рот рукой, издав приглушённый звук. Артём опустил голову, пряча откровенную, довольную усмешку.

Белая королева на долю секунды заметно побледнела, её безупречный фасад дал серьёзную трещину.

— Если тебе так интересно, моя команда не прошла в финал исключительно из-за грязной закулисной политики судей!

— Конечно, — я спокойно и понимающе кивнула, глядя на неё в упор. — Ну разумеется, из-за политики. Не из-за провальной же техники, в самом деле.

Она взбешённо сделала шаг вперёд, практически вжимаясь в моё пространство:

— Я танцую в сто раз лучше тебя!

— Тогда довольно странно, что сейчас ты стоишь без дела в холле, а не работаешь на сцене.

Артём вырос между нами ровно за мгновение до того, как она успела выплюнуть очередную гадость.

— Хватит, — веско отрезал он.

Женщина резко, с обидой повернулась к нему:

— Ты серьёзно встаёшь на её сторону, Артём?

— Ева, я встаю на сторону тишины. Попробуй для себя это новое состояние, тебе пойдёт на пользу.

Лера за моей спиной громко кашлянула, из последних сил скрывая рвущийся наружу смех. Незнакомка яростно сузила глаза, шумно вдыхая воздух.

— Понятно. Значит, вот что здесь на самом деле происходит.

Она перевела свой змеиный взгляд на меня:

— Будь с ним осторожнее, девочка. Артём слишком быстро загорается новой игрушкой и так же быстро, без сожалений забывает чужие имена.

Я лениво скрестила руки на груди:

— Огромное спасибо за предупреждение. Но я не коллекционирую чужие прошлые ошибки.

Она гадко, пренебрежительно усмехнулась:

— Ну-ну. Посмотрим, как долго ты вообще продержишься на его интересе.

— В любом случае — гораздо дольше, чем твоя уязвлённая самооценка после отборочных.

Женщина резко, на каблуках развернулась к Артёму и приблизилась к нему почти вплотную:

— Мы ещё поговорим.

Она специально, демонстративно провела пальцами по его плечу, задерживая касание, и быстрыми шагами ушла в сторону лифтов, ни разу не обернувшись. Когда двери кабины со стуком закрылись, Лера шумно выдохнула:

— Фух... Ну и гадюка. Если это был всего лишь час перерыва, я уже заранее боюсь представить, что нас ждёт в финале.

— Иди наверх, Лер, — тихо, не оборачиваясь, попросила я. — Я подойду чуть позже.

Подруга внимательно посмотрела на меня, затем на замершего Артёма и понимающе хмыкнула:

— О да. Я ухожу. Тут в холле определенно кое-кому срочно нужен воздух.

Она быстро скрылась на лестнице. Мы остались вдвоём посреди огромного, внезапно опустевшего пространства.

Артём медленно сунул руки в карманы брюк и сделал ко мне шаг.

— Ты ревновала, Ланская.

— Нет.

— Тогда зачем ты спустилась в холл именно сейчас?

— Я просто шла мимо по своим делам.

— По делам? По лестнице, которая ведёт вообще из другого крыла отеля?

Я упрямо сжала челюсть, чувствуя, как к щекам против воли приливает горячая волна.

— Твоя бывшая — невероятно неприятная особа.

— Согласен, — кивнул он, не сводя с меня глаз.

— И высокомерная.

— Согласен.

— И танцует хуже, чем думает.

— Очень согласен, — его губы тронула ленивая, довольная улыбка.

Он сделал ещё один шаг ближе, неумолимо сокращая расстояние между нами.

— Но самое интересное не это.

— А что?

Артём наклонился чуть ниже, чтобы поймать мой взгляд.

— Тебе не понравилось, что она меня трогала.

Моё сердце предательски ударило сильнее, отдаваясь глухим стуком в ушах и выдавая меня с головой.

— Мне не понравилось, что она дышала рядом со мной.

Он рассмеялся — тихо и низко, с каким-то утробным удовольствием.

— Опасная девочка.

— Самовлюблённый идиот.

— Всё ещё хочешь меня поцеловать после оскорблений?

Я буквально застыла на месте, теряя дар речи:

— Что?

Артём медленно, с гипнотическим значением посмотрел на мои губы.

— Ты делаешь этот взгляд только в двух случаях, Ланская: когда хочешь ударить... или поцеловать.

Злость затопила меня, выжигая остатки паники. Я решительно шагнула вперёд и ткнула пальцем ему прямо в твёрдую грудь.

— Запомни одно, Савицкий.

— Слушаю.

— Если я тебя поцелую — это будет исключительно чтобы заткнуть.

Его улыбка стала медленной, торжествующей и пугающе обещающей.

— Звучит как обещание.

Глава 9

Обещание

Артём

Я смотрел на неё так, будто весь этот шумный, забитый людьми холл отеля в одну секунду просто перестал существовать. Мимо проходили какие-то танцоры, звенела посуда в баре, кто-то громко смеялся у стойки регистрации, обсуждая результаты жеребьёвки. Но между нами снова возникла та самая странная, звенящая тишина. Она появлялась каждый раз, когда расстояние между нами становилось слишком маленьким.

— Повтори, — тихо сказал я, не сводя глаз с её лица.

Виктория так и не убрала свой палец с моей груди. Я чувствовал это точечное, почти невесомое прикосновение сквозь ткань олимпийки, и оно жгло.

— Что именно? — вскинула она подбородок.

— Часть про поцелуй.

— У тебя проблемы со слухом?

— Только когда ты говоришь недостаточно близко.

Она едва заметно сжала зубы. Ланская думала, что я играю. Как всегда. И всё же взгляд у меня сейчас, наверное, был другим. Слишком серьёзным. Слишком внимательным. Я сам чувствовал, как меняет траекторию этот разговор.

— Я сказала, что если это когда-нибудь случится... — холодно, чеканя каждое слово, произнесла она, — то только для того, чтобы заткнуть тебя.

— Отлично.

Я наклонился к ней ещё ближе, нагло ломая её личные границы.

— В таком случае я могу начать говорить прямо сейчас.

Её дыхание тут же сбилось. Я заметил, как дрогнули её ресницы.

— Ты невозможен, Савицкий.

— А ты медлишь, Ланская.

Она должна была отойти. Вот прямо сейчас должна была развернуться и уйти, показать свой гордый характер. Вместо этого Вика сделала короткий шаг вперёд. Сама. Теперь нас разделял один-единственный вдох.

Я перестал улыбаться. Вся насмешливость испарилась. Мой взгляд сам по себе опустился на её губы, а затем снова поднялся к глазам.

— Виктория...

Её имя в моём собственном исполнении прозвучало как-то по-другому. Мягко. Почти нежно. И я видел, как она внутренне содрогнулась от этого. Она ненавидела это больше всего — просто потому, что ей это чертовски нравилось.

— Скажи ещё что-нибудь раздражающее, — прошептала она, глядя мне прямо в глаза.

— Ты безумно красивая, когда ревнуешь.

— Ненавижу тебя.

— Нет, — я едва заметно качнул головой, ловя её прерывистое, сбитое дыхание. — Уже нет.

Я медленно, боясь спугнуть этот момент, поднял руку и коснулся пальцами её щеки. Тепло её кожи обожгло сильнее любого прикосновения до этого. Виктория замерла. Она не отстранилась, не ударила меня. Я наклонился ближе. Ещё ближе. Моё дыхание уже всюду касалось её губ, и я чувствовал, как она сама едва заметно подаётся навстречу.

Ещё секунда — и между нами не осталось бы ничего.

Но за спиной оглушительно тихо открылись двери лифта. Из кабины уверенным шагом вышла Ева. И, конечно же, она замерла, увидав нас практически вплотную.

Лицо Евы на долю секунды побледнело, а затем буквально исказилось от ярости.

— Потрясающе, — холодно и хлестко бросила она. — Ты даже паузу после меня не выдержал.

Виктория резко отступила назад, будто очнулась от гипноза. Её грудь часто вздымалась — сердце колотилось так, словно только что произошло нечто гораздо большее, чем сорванный поцелуй.

Я медленно, с трудом заставляя себя, опустил руку. Внутри вспыхнуло такое бешеное раздражение на этот чёртов мир, что захотелось что-нибудь сломать.

— Перерыв закончился, принцесса, — тихо сказал я, не сводя с Вики взгляда. Мне нужно было вернуть её внимание.

И только потом я нехотя повернулся к Еве. В моём голосе уже не осталось ни капли той мягкости, что была секунду назад.

После сорванного момента Ева стояла в нескольких шагах от нас, высокомерно скрестив руки на груди. Идеальная осанка. Идеальная укладка. Идеально скрытая за маской презрения злость.

Виктория первой вернула себе голос, и её ледяной тон мне определённо понравился:

— Похоже, вас снова не вовремя привезли.

Ева холодно усмехнулась, глядя на неё:

— А тебя, похоже, никто не учил не трогать чужое.

Я тяжело выдохнул, закладывая руки в карманы брюк:

— Хватит.

— Нет, — в один голос, одновременно отрезали обе девчонки.

Я закрыл глаза на секунду. Ну зашибись.

— Прекрасно.

Ева сделала шаг ближе ко мне, полностью игнорируя Ланскую:

— Мы можем поговорить наедине?

— Нет.

Ответ вылетел у меня слишком быстро. На автомате. Виктория это сразу заметила, я уловил её быстрый взгляд. Ева, разумеется, тоже.

— Боишься её реакции? — съязвила Мирская.

— Мне просто неинтересно.

Ева натянуто улыбнулась, но в глазах у неё блеснуло бешеное раздражение:

— Тогда почему ты смотришь на неё так, будто вообще забыл моё имя?

Я посмотрел на неё в упор и спокойно ответил:

— Потому что иногда люди уходят из жизни не просто так.

Виктория рядом со мной едва заметно подняла бровь. А вот Ева ощутимо побледнела.

— Какая трогательная честность, — процедила она сквозь зубы. — Посмотрим, как долго продлится твой новый интерес.

Она резко перевела взгляд на Вику:

— Он быстро устает от сложных женщин.

Ланская не осталась в долгу. Она сделала уверенный шаг вперёд:

— Тогда тебе точно нечего было бояться.

Лера, которая как раз вовремя появилась у лестницы и явно грела уши, тихонько шепнула сама себе:

— Господи, как же я люблю этот конкурс.

Ева яростно развернулась и быстрыми шагами пошла к лифтам. Но у самых дверей всё же затормозила, оборачиваясь к Вике:

— Увидимся вечером на гала-вечере. Надеюсь, ты не наденешь что-то слишком скучное.

— Не переживай, — спокойно и с достоинством ответила Вика. — Мне не нужно кричать одеждой, чтобы меня заметили.

Дней лифта наконец закрылись, увозя Еву наверх.

Тишина между нами длилась несколько секунд. Воздух всё ещё был наэлектризован. Я повернулся к Виктории, разглядывая её воинственный вид.

— Ты всегда такая опасная?

— Только когда меня раздражают.

— Тогда мне стоит гордиться, — усмехнулся я.

— Не стоит.

Я шагнул ближе. Не так вплотную, как до появления Евы, но вполне достаточно, чтобы заметить, как у неё снова перехватило дыхание.

— Ты ведь почти меня поцеловала.

Она упрямо вскинула подбородок:

— Ошибаешься.

— Тогда почему не ушла?

— Потому что хотела посмотреть, как тебя прервут.

Я низко усмехнулся, качнув головой. Обожаю, когда она включает эту свою гордость.

— Лжёшь лучше, чем утром. Но всё ещё паршиво, Ланская.

Она резко развернулась, скрывая лицо:

— Увидимся на репетиции.

— Увидимся вечером, принцесса.

Виктория буквально замерла на шаге, спиной выказывая всё своё возмущение.

— Не забывай, как меня зовут.

— Тогда скажи, как можно.

Не оборачиваясь, она бросила через плечо:

— Никак.

И быстро ушла в сторону коридоров. Я смотрел ей вслед, засунув руки в карманы, и улыбался как идиот. Было стойкое ощущение, что я только что выиграл первый раунд.

Глава 10

Вечер, который всё усложнит

Артём

До гала-вечера оставалось меньше двух часов. Организаторы настоятельно рекомендовали присутствовать всем без исключения: официальное знакомство команд, пресса, спонсоры и, самое главное, жеребьёвка порядка выступлений.

Я застёгивал верхние пуговицы накрахмаленной рубашки перед зеркалом, когда в дверь моего номера коротко, настойчиво постучали. Мысли крутились вокруг Ланской, поэтому реакция была мгновенной и раздражённой:

— Если это ты, Ева, уходи.

Дверь без малейшего стеснения открылась, впуская в комнату шлейф приторно-знакового парфюма.

— Приятно знать, что ты ждешь именно меня, — Ева вошла без приглашения, уверенно покачивая бёдрами в длинном красном платье. На её лице сияла фирменная улыбка стопроцентной победительницы.

Я даже не повернулся к ней, продолжая возиться с манжетами.

— Выйди.

— Даже не здороваешься?

— Нет.

Ева неторопливо, по-хозяйски прошлась по номеру, оценивающе оглядывая интерьер.

— Ты всегда был таким упрямым, Савицкий, когда кто-то действительно начинал тебе нравиться.

Я наконец поднял на неё тяжёлый взгляд.

— Ты слишком сильно переоцениваешь свою роль в моей психологии, Мирская.

Она остановилась прямо напротив меня, скрестив руки на груди. Красный цвет платья дико контрастировал с моей чёрно-белой классикой.

— Нет. Я просто знаю тебя гораздо дольше, чем эта твоя провинциальная девочка.

— Это не преимущество, — отрезал я, накидывая на плечи пиджак. — Скорее, отягчающее обстоятельство.

Её идеальное лицо на секунду пошло пятнами, идеальная улыбка превратилась в жёсткую гримасу.

— Ты правда думаешь, что она какая-то особенная?

— Я думаю, тебе пора выйти из моего номера. Дверь за спиной.

Большой зал отеля гудел, как потревоженный улей. Лоск, вспышки камер, дорогая музыка, рекой льющееся шампанское и сотни красивых, фальшиво улыбающихся людей. Я стоял у дальней колонны, вяло отчитываясь перед организаторами турнира о готовности нашей команды к завтрашнему дню, но глазами сканировал вход.

Когда она вошла, я забыл, о чём говорил с куратором.

Виктория выбрала чёрное платье с открытыми плечами. Чёрт бы побрал её подругу Леру, если это был её выбор, потому что Ланская выглядела в нём так, что у меня внутри всё мгновенно натянулось до предела. Несколько мужских разговоров у входа ощутимо стихли — и я прекрасно понимал этих идиотов. Она высматривала кого-то в толпе, хмурилась, и когда наши взгляды пересеклись сквозь сотню голов, я физически ощутил этот разряд.

Но дойти до неё мне не дали. Сбоку бесшумно выросла Ева и демонстративно, по-хозяйски подхватила меня под руку, заглядывая в лицо прямо перед камерой какого-то глянцевого репортёра. Специально. Чтобы все видели. Чтобы она видела.

Я затылком почувствовал, как полыхнул ледяной яростью взгляд Ланской. Она резко развернулась и быстрыми шагами направилась к бару.

— Руку убрала, — спокойно, но так, что Ева моментально отшатнулась,скомандовал я.

Не дожидаясь ответа Мирской, я двинулся наперерез Виктории через толпу. Она не успела сделать и двух шагов к барной стойке. Я нагнал её со спины и перехватил за запястье — точно так же, как пару часов назад в холле. Только теперь на мне был строгий костюм, на ней — это сбивающее с толку платье, и эта близость ощущалась в разы опаснее.

— Отпусти, — она попыталась выдернуть руку, даже не оборачиваясь.

— Нет.

— Савицкий, ты издеваешься?

— Немного, — я наклонился к её уху, вдыхая тонкий запах её кожи. — Ревнуешь красиво, Ланская. Глаза горят.

Она наконец повернулась, глядя на меня снизу вверх с такой яростью, что её открытые плечи мелко вздрагивали.

— А ты играешь грязно.

— Я убрал её руку.

— После того как она успела на тебе повиснуть, — процедила она.

Мои губы против воли дрогнули в усмешке. Попалась.

— Значит, всё-таки внимательно следила за мной. Заметила.

Она с силой выдернула своё запястье из моих пальцев.

— Ненавижу тебя.

Я сделал шаг ещё ближе, практически прижимая её к стойке бара.

— Уже скучно это слышать, принцесса. Скажи что-нибудь новое.

Её сердце под тонкой тканью платья билось как сумасшедшее. И я знал, что этот вечер только начинается.

Музыка в зале внезапно сменилась. На смену лёгкому фоновому джазу пришла глубокая, медленная, опасно чувственная мелодия. Басы мягко ударили по нервам, заставляя разговоры вокруг затихнуть. Пары одна за другой потянулись к центру паркета.

Виктория тут же сделала шаг назад, сгруппировавшись для побега.

— Даже не думай.

Я посмотрел на заполняющийся танцпол, затем снова перевёл взгляд на неё. На её упрямо сжатые губы.

— Уже думаю.

— Нет, Артём.

— Да, Виктория.

Я официально протянул ей ладонь, раскрывая руку. Она предсказуемо проигнорировала этот жест.

— Я не танцую с мужчинами в костюмах, у которых бывшие висят на локтях каждые пять минут.

— Отлично, — я спокойно усмехнулся. — Я тоже предпочитаю женщин в чёрном, которые дико ревнуют, но делают вид, что им всё равно.

Вика опасно сузила свои тёмные глаза.

— У тебя какая-то клиническая зависимость от собственной самоуверенности?

— У тебя — от глупого отрицания очевидного.

Не дожидаясь, пока она передумает и сбежит к лестнице, я сам взял её ладонь. Мои пальцы плотно, уверенно сомкнулись вокруг её тонких пальцев — мягко, но без шанса на сопротивление.

— Отпусти. Здесь люди.

— Отпущу. На танцполе. Когда дотанцуем.

— Ты невыносим.

— Но ты всё равно идёшь со мной.

И она действительно шла. Слегка упиралась, но шагала следом за мной в самый центр зала. Я остановился, резко развернул её к себе и притянул ближе. Одной рукой зафиксировал её пальцы, а вторую медленно, плавно опустил на её талию. Через тонкую, шелковистую ткань платья тепло моей ладони легло прямо на её кожу.

Виктория судорожно вскинула голову, встречаясь со мной взглядом.

— Только один танец.

— Посмотрим по ходу дела.

— Савицкий, я серьёзно. Один.

— Ты умудряешься спорить даже на паркете, Ланская. Расслабься.

Музыка повела нас в первый медленный шаг. Танцевать с ней вне тренировочного зала, без спортивной обуви и под прицелом десятков глаз оказалось совсем другим аттракционом. Я двигался абсолютно уверенно, ведя её за собой — я знал её тело, её баланс, её пластику, кажется, уже лучше, чем она сама. Каждый наш поворот был идеальным по технике, но чертовски далёким от спорта. Это было слишком осознанно. Слишком лично.

Моя ладонь на её талии сама по себе сместилась чуть выше, проскользив к открытому изгибу спины. Пальцы чётко держали ритм, чувствуя, как она вздрагивает от каждого движения.

Вика резко, рвано вдохнула.

— Руки держи там, где положено по правилам.

— Я и держу там, где им положено быть.

— Лжёшь.

— Тогда почему ты до сих пор не убрала мои руки со своей спины? — тихо спросил я, наклоняясь к её лицу.

Она не нашла ответа. Только сильнее сжала зубы.

Я увёл её в плавный, тягучий поворот. Медленно. Почти осязаемо. Её волосы мазнули по моим плечам, когда она вернулась обратно и снова оказалась зажата в моих руках. Слишком близко. Теперь её грудь едва заметно касалась моей при каждом синхронном шаге. Я чувствовал, как сбилось её дыхание, и это заводило сильнее любого алкоголя в этом баре.

— Почему ты всё время смотришь на меня так? — едва слышно, сорванным голосом спросила она.

— Как?

— Будто ты уже точно знаешь, чем всё это закончится.

Я наклонился ещё ближе, практически касаясь губами её виска, чувствуя, как её бьёт мелкая дрожь.

— Потому что я действительно знаю, чего хочу, Виктория.

— И чего же?

Мой взгляд красноречиво опустился на её приоткрытые губы, фиксируя каждый выдох.

— Точно не этого разговора.

Она должна была отстраниться. Пнуть меня, разорвать дистанцию. Вместо этого её пальцы сильнее, почти панически впились в моё плечо. Я заметил это. Конечно же, заметил. Моя ладонь на её спине медленно скользнула ниже, тяжело опустившись на самую линию талии, удерживая её корпус вплотную к своему. В том самом месте, где от одного плотного касания кожа вспыхивала огнём.

— Артём... — её голос сорвался, прозвучав тише и беззащитнее, чем ей хотелось бы.

— Да?

— Не играй со мной. Пожалуйста.

Я наклонился к самой её шее, обжигая дыханием чувствительную кожу под ухом.

— Поздно, принцесса. Мы уже в игре.

Я увёл её в новый, глубокий шаг, заставляя Викторию мягко выгнуться назад ровно настолько, чтобы вся её жизнь зависела только от крепости моей руки, удерживающей её за поясницу. Ткань чёрного платья натянулась на её теле. Пальцы крепче вжались в её поясницу. Вика вернулась обратно резко, всем телом врезаясь в меня. Я поймал её без малейшего усилия, фиксируя в кольце своих рук.

— Если ты сейчас... попытаешься меня поцеловать... — прошептала она прямо мне в губы, тяжело дыша. — Я ударю тебя. Клянусь.

Мои губы тронула ленивая улыбка. Расстояние между нами сократилось до пары миллиметров.

— Хорошо заранее знать все производственные риски.

Я не стал её целовать. Не здесь, под софитами. Вместо этого я просто медленно, с нажимом провёл большим пальцем по её талии сквозь ткань. Невыносимо медленно.

Вика на секунду закрыла глаза, роняя голову мне на плечо.

— Ненавижу тебя.

— Ложь. Чистая ложь, Ланская.

Музыка вокруг начала затихать, превращаясь в гул. Мир вокруг растворился, сузившись до размеров этого клочка паркета. Остались только наши шаги, моя ладонь на её спине и её сумасшедшее дыхание.

Я склонился к её уху:

— Ты слишком красиво дрожишь в моих руках для женщины, которой на меня абсолютно всё равно.

Она резко вскинула голову, и наши губы снова замерли в одном единственном вдохе друг от друга. Ещё секунда — и я был уверен, она сама бы сломала эту дурацкую дистанцию.

— Артём!

Голос Евы прорезал пространство зала, как осколок грязного стекла. Мы одновременно повернули головы. Мирская стояла у самого края паркета. Идеальная, злая, с натянутой до ушей фальшивой улыбкой.

— Нас фотограф ждёт. Нам нужно сделать официальный снимок команд вместе. Живо.

Виктория отстранилась первой. Слишком быстро, резко, будто её ударило током. Отрезала все нити, что связывали нас секунду назад.

— Иди, — холодно сказала она, мгновенно включая свою привычную ледяную маску.

Я даже не шелохнулся в сторону Евы. Смотрел только на Вику, пытаюсь поймать её ускользающий взгляд.

— Потанцуем позже. Я вернусь.

— Нет.

— Да.

Она развернулась и стремительным шагом ушла обратно к бару. Я проводил её глазами, чувствуя, как внутри всё горит. Этот чёртов танец получился в сто раз интимнее любого поцелуя.

К фотографу я, разумеется, так и не пошёл. Пускай Ева фотографируется со своим уязвленным эго в одиночку. Вместо этого я неторопливо пересёк зал, направляясь напрямик к барной стойке, где Вика как раз нервно забирала у бармена стакан со льдом и водой. Её пальцы заметно подрагивали.

Я встал рядом. Слишком близко. Так, чтобы плечом чувствовать её тепло.

— Ты пропустил фотосессию со своей бывшей, — сухо, не поворачивая головы, бросила Виктория.

— Переживу. Намного легче, чем тебе кажется.

— Она — нет.

— Это вообще не моя проблема, Ланская.

Её подруга Лера, сидевшая на соседнем стуле, углядев меня, мгновенно соскочила со своего места с видом заговорщика.

— Так, я внезапно вспомнила, что мне нужно... срочно уйти куда угодно. Всем пока! — и испарилась в толпе, дико довольная собой.

Я взял с барной стойки какой-то бокал, но пить не стал, полностью сфокусировавшись на Вике.

— Ты сбежала с паркета.

— Я просто ушла.

— После разницы в три секунды — это абсолютно одно и то же.

— Мне стало скучно, Савицкий.

Я тихо усмехнулся, качнув головой. Обожаю, когда она включает эту свою непробиваемую гордость.

— Тогда почему у тебя до сих пор такой быстрый пульс? Жилка на шее так и ходит.

Она резко повернулась ко мне, вскидывая подбородок.

— Ты просто невыносим.

— А ты абсолютно прозрачная для меня.

Я сделал ещё шаг, сокращая расстояние до минимума и понижая голос до хриплого шёпота:

— Ты ведь почувствовала это на паркете так же сильно, как и я. Не орицай.

Её сердце снова сбилось с ритма, я видел это по её изменившемуся выдоху.

— Ты слишком самоуверен.

— Нет, — я наклонился к самому её уху. — Я просто физически чувствовал, как ты дрожала в моих руках, Виктория. Каждую секунду.

По её плечам пробежала видимая волна жара. Она резко отстранилась, глядя на меня с глухой яростью.

— Ещё одно слово, Савицкий, — и я разобью этот тяжёлый бокал о твою красивую голову.

— Агрессия тебе чертовски идёт, — улыбнулся я.

В этот момент ведущий конкурса наконец поднялся на сцену, прерывая наш раунд:

— Внимание, участники! Через пятнадцать минут состоится официальное объявление порядка завтрашних выступлений. Просьба всем командам собраться у главной сцены.

Толпа в зале пришла в движение, стягиваясь к центру. Вика сделала движение, чтобы уйти.

— Нам пора.

— Согласен.

Но вместо того чтобы отойти, я на секунду перехватил её за запястье. Едва заметно, скрытно от чужих глаз. Только для неё одной.

— Сегодня ночью ты будешь думать обо мне, Ланская.

Она предсказуемо выдернула руку.

— Никогда в жизни.

Я улыбнулся — медленно и обещающе.

— Уже начала.

Порядок выступлений на завтра объявляли под громкие аплодисменты прессы и нервные вздохи участников. Когда очередь дошла до нашей пары, ведущий выдержал эффектную паузу:

— Савицкий и Ланская выступают последними. Финальный номер вечера!

По рядам мгновенно прошёл оживленный шум. Последний номер — это всегда колоссальное давление и статус главного события программы. Я стоял в нескольких метрах от Вики,

не сводя с неё пристального взгляда. Она смотрела на меня в ответ — растерянная, напряжённая, с затаённым страхом в глазах.

Я улыбнулся ей. Потому что уже точно знал, чем закончится завтрашний вечер. И её страх только подогревал мой азарт.

После гала-вечера огромный отель постепенно погружался в ночную тишину. Музыка внизу сменилась глухим, приглушённым лаунжем, гости разъезжались, а участники разбредались по своим номерам — завтра предстоял тяжелейший день.

Я поднялся на свой этаж ближе к полуночи. Наш коридор был абсолютно пуст: мягкий свет настенных бра, ковры, скрадывающие шаги, и звенящая тишина. Дойдя до своего люкса, я открыл дверь магнитной картой, накинул пиджак на руку и вошёл внутрь.

И тут же замер.

В гостиной моего номера горел приглушённый свет. На диване, закинув ногу на ногу, сидела Ева. На ней не было того красного платья — только дорогое, вызывающее кружевное бельё, распущенные по плечам волосы и наполовину пустой бокал шампанского в руке. Она выглядела так, словно снималась в глянцевой рекламе собственной безграничной самоуверенности.

Моё лицо мгновенно стало мрачным как туча. Внутри поднялась волна глухого, опасного бешенства.

— Ты с ума сошла? — резко, без вступлений спросил я, останавливаясь у порога. — Как ты вообще сюда вошла?

Ева лениво, победоносно улыбнулась, пригубив из бокала.

— Я решила сделать тебе приятный сюрприз, Тёма. На правах старых знакомых.

— В моём личном номере? У тебя проблемы с головой?

— Когда-то тебе очень нравились мои ночные сюрпризы, — она медленно поднялась с дивана и сделала несколько шагов в мою сторону, покачивая бокалом. — И нравилось всё остальное. Тоже.

Я стоял как каменное изваяние, даже не шелохнувшись и не убирая пиджак с руки. Внутри было только выжигающее раздражение и брезгливость.

— Оденься. И немедленно уходи отсюда.

Ева тихо рассмеялась, посчитав мою реакцию напускной строгостью.

— Перестань притворяться, Савицкий. Ты ведь прекрасно помнишь, как потрясюще нам было вместе.

— Помню, — я сделал шаг вперёд и с размаху бросил пиджак на ближайшее кресло. — Я всё отлично помню, Ева. И именно поэтому повторять этот бред я больше не собираюсь. Никогда.

Её идеальная улыбка наконец дрогнула и поползла вниз. В глазах мелькнула паника.

— Ты серьёзно сейчас выгоняешь меня? Из-за этой девки?

— Очень серьёзно, — я прошёл мимо неё, подошёл к входной двери и резко распахнул её настежь, указывая рукой в пустой коридор. — Последний раз повторяю для особо непонятливых. Вышла отсюда. Живо.

Мой голос прозвучал как удар хлыста — жёстко, ледяным тоном, без единого намёка на флирт, бывшие чувства или сомнения.

Ева замерла, шумно вдыхая воздух от уязвлённой гордости, а я стоял у открытой двери, молясь только об одном — чтобы этот кошмар поскорее покинул мою территорию. Завтрашний финал обещал быть по-настоящему взрывоопасным.

Глава 11

Утро соревнований

Артем

С самого утра этот чёртов отель гудел, как растревоженный улей. Команды шумными толпами спускались на завтрак, тренеры на ходу перекрикивали друг друга, собирая парней и девчонок строго по таймингу, а стилисты и костюмеры носились по холлам с огромными чемоданами, набитыми концертным шмотом. Атмосфера финала душила с порога.

Я вошёл в ресторан, сканируя залу, и почти сразу наткнулся на неё. Виктория сидела за угловым столом с чашкой чёрного кофе и делала очень сосредоточенный вид, будто внимательно изучает расписание сегодняшнего дня в своём телефоне. Вот только экран она не листала уже пару минут. Зависла.

Я перехватил по дороге стакан воды и направился прямо к ней. На мне уже были тренировочные штаны и футболка, я чувствовал себя свежим, собранным и, в общем-то, вполне готовым к сегодняшнему разгрому на паркете. До того момента, пока не подошёл ближе.

— Доброе утро, — сказал я, останавливаясь у её стола.

Виктория даже глаз не подняла. Вообще ноль реакции, будто перед ней вырос пустой стул, а не живой человек. Она упрямо смотрела в одну точку на экране, и по тому, как побелели её пальцы, судорожно сжавшие ручку чашки, я понял — если она сейчас посмотрит на меня, я крупно проиграю. Ей.

— Для кого как, — отрезала она ледяным, чужим голосом.

Я помолчал секунду, пытаюсь пробиться сквозь этот внезапный сибирский мороз.

— Что случилось, Ланская?

Мой голос прозвучал искренне, я действительно не понимал, откуда прилетел этот шторм. И, судя по тому, как дернулся уголок её губ, моя искренность разозлила её ещё сильнее.

— Ничего, — чеканя буквы, бросила она.

В следующую секунду Вика резко встала, подхватила свой телефон и демонстративно ушла к другому столу на противоположном конце зала. Не бежала, нет. Двигалась с идеально прямой спиной, ровно с той скоростью, чтобы я на сто процентов прочувствовал: её задело. Но при этом остался в полном неведении — чем именно.

Я остался стоять на месте, как идиот, провожая её глазами. Несколько секунд просто тупо смотрел ей вслед, а потом медленно опустился на её освободившееся место. На столе всё ещё стояла её недопитая чашка, от которой шёл слабый пар.

Что-то случилось. И случилось это явно после того, как мы расстались в холле после танца.

Я откинулся на спинку стула, судорожно перебирая в голове вчерашний вечер. Наш разговор у бара? Нет, там всё было под моим контролем. Танец? Да она сама едва не растаяла в моих руках. Её взгляд на паркете? Момент, когда нас прервали?..

Стоп. Прервали.

В голове со скрипом повернулся нужный пазл. Ночь. Пустой коридор. Приоткрытая дверь моего люкса. И Ева, стоявшая посреди комнаты в одном кружевном белье с бокалом шампанского.

Я тихо, сквозь зубы выругался себе под нос, сжимая кулаки. Чёрт. Значит, Ланская шла мимо. Значит, она видела. Не всё, далеко не весь разговор и то, как я вышвырнул Мирскую вон через полминуты, но этой картинке ей хватило с головой, чтобы сделать выводы. И, конечно же, эта упрямая гордячка выбрала самый худший, самый грязный вариант из всех возможных.

Я с силой провёл ладонью по лицу, выдыхая скопившуюся злость.

— Проблемы, Савицкий? — ко мне за стол подсел один из парней нашей команды, заглядывая в моё перекошенное лицо.

— Да, — коротко бросил я.

— С командным выступлением? На прогоне что-то не то?

Я посмотрел через весь огромный зал ресторана на Викторию. Она сидела у окна, глядя на улицу, с такой убийственно правильной, каменной осанкой, что к ней сейчас побоялся бы подойти даже главный судья турнира. Она демонстративно стирала меня из своей реальности.

— Хуже, — глухо ответил я приятелю. — Намного хуже.

У выхода из ресторана я заметил её подругу Леру. Эта мелкая пиявка внимательно наблюдала за всей нашей мизансценой и сейчас довольно, предвкушающе улыбалась.

«О да, началось», — читалось на её лице крупным шрифтом.

На разминочной площадке царила дикая, звенящая соревновательная нервозность. Атмосфера была наэлектризована до предела: сегодня по регламенту сначала шли тяжёлые командные номера, а уже затем, ближе к вечеру — наши парные дуэты.

Я стоял у станка, делая вид, что разминаю кисти, но на самом деле краем глаза следил за каждым шагом Ланской. Она обходила меня по такой широкой дуге, будто я был носителем смертельного вируса. Демонстративное, показательное игнорирование.

Я заметил, как к ней подскочила Лера с тренировочным ковриком в руках. Они о чём-то заговорили. Я не слышал их слов из-за гула площадки, но по резкому повороту головы Виктории и тому, как она напряглась, понял — разговор был не из приятных. Вика ответила что-то короткое, даже не глядя на подругу, и снова отвернулась, уставившись в пустоту. Лера на это лишь хмыкнула, скрестив руки на груди.

Я видел по напряжённым плечам Виктории — она была на грани. Она молчала просто потому, что если сейчас начнёт говорить, то сорвётся на крик и выдаст всё, что у неё накопилось внутри.

Я смотрел на неё с другого конца зала, чувствуя, как внутри закипает ответное, тяжёлое раздражение. Я не привык, чтобы меня судили без суда и следствия. Мне дико не нравилось, что она злится, строит глупые стены и не даёт мне ни единого шанса просто подойти и нормально всё объяснить. Но за этим злобным раздражением крылось кое-что другое, куда более пугающее.

Мне чертовски не нравилось осознавать, что её мнение, её обида и этот её ледяной взгляд стали значить для меня слишком много. Опасно много. И хуже всего было то, что этот инсайт догнал меня прямо перед самым важным, решающим днём соревнований, когда голова должна быть абсолютно холодной.

Лера внезапно отделилась от Вики и бесстрашно направилась прямо ко мне. Она подошла вплотную и, опершись плечом о зеркало рядом со мной, насмешливо оглядела меня с ног до головы.

— Ты выглядишь так, будто тебя бросили ещё до того, как конкурс вообще начался, — произнесла она, даже не пытаясь скрыть ехидство.

— Заткнись, Лерка, — процедил я, не сводя глаз с Виктории, которая по-прежнему демонстративно смотрела в другую сторону.

— О-о, точно бросили, — ничуть не испугалась она, довольно прищурившись.

Я выдохнул и прикрыл глаза на секунду:

— Я даже не знаю, за что именно. Что она там себе в своей голове накрутила...

Лера тихо, понимающе усмехнулась, поправляя хвост на макушке:

— В таком случае поздравляю, Артёмчик. Это самое непредсказуемое и опасное состояние женщины. Удачи на паркете, она тебе понадобится.

В этот момент из динамиков над головой раздался оглушительный голос информатора, объявивший начало первого официального блока командных выступлений. Свет в зале плавно погас, оставляя включёнными только мощные софиты над главной сценой.

Начинался день, который обещал сожрать и разрушить гораздо больше моих нервных клеток, чем все предыдущие дни этого чёртового конкурса вместе взятые.

Глава 12

Командный раунд

Виктория

За кулисами пахло лаком для волос, чужим потом и чистым, концентрированным адреналином. Организаторы с гарнитурами носились мимо, как сумасшедшие, техники в сотый раз проверяли подвесы и свет, а команды до умопомрачения повторяли сложные связки в узких коридорах между гримёрками. Сегодня решалось абсолютно всё. Но я никак, просто физически не могла заставить себя думать только о предстоящем выходе.

Я упёрлась руками в холодную стену, растягивая икроножные мышцы, когда по коже пробежал знакомый, покалывающий импульс. Почувствовала его присутствие ещё до того, как услышала шаги. Даже не глядя в его сторону, я уже точно знала, кто стоит рядом.

— Если ты пришёл испортить мне настроение окончательно, Савицкий, то опоздал. Оно уже испорчено с самого утра, — сухо бросила я, продолжая тянуть мышцы.

— Я пришёл поговорить, Ланская. Нормально поговорить.

Я выпрямилась и наконец повернулась, но упрямо смотрела мимо его лица, куда-то на его плечо.

— Нет.

— Виктория...

— Я сказала — нет.

На этот раз я заставила себя вскинуть голову и посмотреть прямо ему в глаза. Намертво, ледяным, режущим взглядом.

— У тебя какие-то проблемы с пониманием коротких русских слов?

Артём ощутимо сжал челюсть, желваки на его лице заходили ходуном. Ему редко отказывали так открыто и жёстко. И, судя по его потемневшему взгляду, ещё реже это так сильно его задевало.

— Ты делаешь глупые выводы, даже не выслушав меня, — процедил он, делая шаг ко мне.

— Мне неинтересно тебя слушать.

— Ложь.

Я шагнула вперёд в ответ, ломая дистанцию и переходя на ядовитый шёпот:

— Мне действительно абсолютно всё равно, Савицкий, кто, в каком количестве и в каком виде раздевается у тебя в номере по ночам. Это твоё личное дело.

Взгляд Артёма стал совсем тёмным, опасным.

— Тогда почему ты с самого утра не можешь даже посмотреть в мою сторону?

Сердце внутри предательски, болезненно дёрнулось от его правоты.

— Потому что ты топчешься здесь и мешаешь мне готовиться к важнейшему выходу!

— Нет, — он сократил расстояние между нами до минимума, обжигая меня своим возмущением. — Потому что ты дико ревнуешь, Ланская.

Я открыла рот, чтобы выдать ему что-то сокрушительное, но не успела.

— Команда AETHER! Две минуты до выхода на сцену! — оглушительно крикнул координатор за нашими спинами.

Я резко развернулась к нему спиной, внутренне выдыхая.

— Идеально. Организаторы буквально спасли тебя от преднамеренного убийства.

— Мы не закончили этот разговор, — тихо, но чертовски весомо пообещал мне Артём прямо в спину.

Я даже не подумала обернуться, шагая к выходу на паркет:

— Я — закончила.

Сцена встретила нас оглушительным жаром мощных прожекторов. Огромный зал был забит до отказа, многотысячный шум зрителей прокатывался над головами тяжёлыми волнами. Командный раунд открывал основной день чемпионата, и ставки были максимальными.

Я встала на свою стартовую точку в центре. Закрыла глаза. Глубокий, до боли в лёгких, вдох. Выдох. Я приказала себе выжечь из головы абсолютно всё. Еву. Кружева. Артёма. Его полуоткрытую дверь, его хриплый голос, его самоуверенный взгляд. Сейчас существовала только музыка.

Трек начался с низкого, вибрирующего гула, бьющего по перепонкам.

Мы вышли на сцену синхронно, словно одна огромная тень, внезапно разделённая на шесть тел. Наш номер был о борьбе. О том, как женскую мягкость окружающие ошибочно принимают за слабость. Я вела всю композицию из самого центра, задавая ритм. Падение на колени. Резкий, взрывной подъём. Ломаная, агрессивная линия рук. Абсолютный контроль. Боль. Сила.

Я чувствовала, что сегодня в моих движениях было гораздо больше чистой, первобытной злости, чем на всех изнурительных репетициях до этого. И, чёрт возьми, это делало наш номер только лучше. Это делало его идеальным.

Я сорвалась в длинный, эффектный скользкий проход по полу, а затем поднялась через крутой прогиб корпуса, будто с мясом вырывая невидимые цепи, которые держали меня. Зал буквально взорвался оглушительными аплодисментами ещё до того, как мы замерли в финальной точке.

Музыка резко оборвалась. Секунда звенящей тишины. И следом — сумасшедшие, безумные овации.

Я стою в самом центре слепящего круга света, тяжело, рвано дыша. Сильная. Абсолютно недостижимая для всех них. Для него.

Когда мы наконец сошли за кулисы, я судорожно поймала ртом прохладный воздух и буквально присосалась к бутылке с водой. Внутри всё ещё горело от танца.

Лера рядом просто сияла от восторга, прыгая на месте:

— Вика! Мы разнесли этот чёртов зал! Это был чистый кайф!

— Мы были хороши, — коротко ответила я, вытирая пот со лба ладонью и пытаюсь унять дрожь в коленях.

— Мы были великолепны! И, кстати... — Лера многозначительно кивнула головой в сторону тёмного технического прохода.

Там, прислонившись спиной к декорациям, стоял Артём. Засунув руки в карманы спортивных брюк, он смотрел на меня с этим своим невозможным, непробиваемым спокойствием. Мужская команда стояла чуть поодаль, и один из парней как раз что-то шепнул ему, на что Савицкий лишь раздражённо бросил: «Заткнись», не сводя с меня глаз.

— Не надо, Лер, — предупредила я подругу, заметив её хитрый взгляд. — Даже не начинай.

— Поздно, Викуль. Он уже идёт сюда.

Артём неторопливо подошёл и остановился прямо напротив меня. Несколько секунд он просто молчал, разглядывая моё растрёпанное после выступления лицо.

— Это было лучшее, что я видел сегодня, — тихо, без капли привычной насмешливости сказал он.

Я заставила себя равнодушно усмехнуться, прячась за маску:

— День только начался, Савицкий. Ты ещё ничего не видел.

— Тогда я уточню, — он сделал полшага вперёд, заставляя Леру тактически отступить назад, и посмотрел мне прямо в душу. — Ты была лучше всех, Ланская.

Что-то внутри меня предательски, сладко дрогнуло от этих слов. Чтобы скрыть эту минутную слабость, я снова включила яд:

— Ты льстишь мне только потому, что чувствуешь свою вину.

— Я не виноват, Вика.

— Тогда почему ты так отчаянно пытаешься загладить углы?

Он наклонился чуть ближе, так, что я почувствовала тепло, исходящее от его тела после его собственной разминки:

— Потому что я хочу быть самым первым, кто говорит тебе чистую правду сразу после того, как ты сходишь со сцены.

Мой пульс, который только-только начал приходить в норму, снова совершил дикий скачок вверх.

— Уйди, Артём.

— Сразу после дуэта поговорим. Нормально.

— Нет.

— Да, — он коротко улыбнулся, развернулся и пошёл к своей команде, будто этот вопрос вообще не подлежал обсуждению.

Я смотрела на его удаляющуюся широкую спину и с ужасом понимала одну вещь: я жду наш вечерний парный дуэт сильнее, чем всю эту чертову победу на чемпионате.

Закулисье продолжало гудеть, как потревоженный улей. Кто-то бурно праздновал удачный прогон, кто-то спорил с тренерами из-за помарок, кто-то судорожно пересматривал видеозапись нашего номера на экране телефона. Но для меня весь этот многоголосый шум превратился в глухой, приглушённый фон. В голове намертво, как заевшая пластинка, застряли его слова: «Лучше всех». Я до скрипа зубов злилась на саму себя за то, что из всего дня помнила именно эту фразу.

— Ты сейчас улыбаешься, — внезапно нарушила мои мысли Лера, внимательно всматриваясь в моё лицо.

— Нет, я не улыбаюсь.

— Ты улыбаешься внутренне, Ланская. Это гораздо хуже и опаснее.

— Отстань, пожалуйста.

Лера довольно, победоносно фыркнула:

— Всё, подруга. Ты пропала. С потрохами.

В этот момент из динамиков раздалось объявление следующего блока — на сцену вызвали мужскую команду Артёма. Вокруг мониторов трансляции сразу стало заметно оживлённее, даже участники из других коллективов потянулись ближе к экранам и кулисам. RAGE UNIT умели собирать вокруг себя абсолютное внимание.

Я поймала себя на том, что мои ноги сами по себе несут меня к боковому проходу сцены, откуда был идеальный обзор на паркет.

— Ну конечно, ты просто мимо проходила, верю, — язвительно прокомментировала Лера, шагая след в след за мной.

— Я хочу посмотреть на наших прямых конкурентов. Имею право.

— С его конкретным лицом? — уточнила эта пиявка.

Я предпочла гордо промолчать.

За кулисами Артём как раз интенсивно разминал плечевой пояс, когда его взгляд наткнулся на меня. Я стояла у технической стены, скрестив руки на груди и делая максимально безразличный вид. Он мгновенно усмехнулся своей этой фирменной, наглой улыбкой.

— Пришла поддержать меня перед выходом, принцесса?

— Пришла убедиться, что ты не споткнёшься на первой же связке и не опозоришь наш общий дуэт, — отбрила я.

— Твоя забота просто трогает меня до слёз.

— Твоё бесконечное самодовольство дико раздражает.

Артём подошёл ближе. Сегодня от него пахло убойной дозой свежести, хорошим парфюмом, здоровым потом и тем самым диким, хищным напряжением, которое всегда появляется у первоклассных спортсменов прямо перед выходом на арену.

— Ты внимательно смотрела мой прошлый номер, Вика.

— К огромному моему сожалению.

— И ты будешь точно так же смотреть этот.

Это был не вопрос. Это было утверждение, и меня до безумия бесило, как чертовски часто этот парень оказывался прав.

— Иди уже, готовься. Твой выход.

— Я уже полностью готов, — он наклонился к самому моему уху, обжигая кожу горячим шёпотом. — Очень хочу, чтобы ты смотрела мою сольную часть максимально внимательно. Не отрывая глаз.

По моей шее и спине крупной волной пробежала осязаемая дрожь.

— Это ещё почему?

— Потому что там будет кое-что специально для тебя.

Он отстранился и ушёл к своей команде прежде, чем я успела хоть что-то ответить. Наверное, это к лучшему. Ненавидеть Савицкого с каждым часом становилось слишком энергозатратно.

Свет в огромном зале плавно погас. Тяжёлый, грязный бас мощно ударил прямо в грудную клетку, заставляя вибрировать пол под ногами. RAGE UNIT выросли на сцене, как стая голодных хищников — абсолютно спокойно, монолитно и пугающе уверенно.

Первые же секунды их трека — и зал буквально закричал от восторга. Чистая, первобытная мужская энергия их номера была грубой, идеально точной и математически выверенной по акцентам. Жёсткие линии, резкие, хлесткие движения, синхронность, от которой у меня самой на секунду перехватило дыхание.

Я смотрела на них из-за кулис и сквозь зубы признавала: они чертовски сильны. Невероятно сильны. И это бесило меня ничуть не меньше, чем восхищало.

А затем Артём вышел вперёд, в самый центр на свою сольную часть. Общий свет мгновенно сузился до одного единственного, яркого круга софита. Музыка стала заметно медленнее, ниже, опаснее. Он двигался абсолютно один, но вся эта огромная сцена казалась заполненной исключительно им одним. Потрясающий контроль корпуса. Животная сила. Хищная, завораживающая плавность. И каждое его движение, каждый взмах руки будто были направлены в одну конкретную, точную географическую точку.

В меня.

Я почувствовала это почти физически, когда Артём, выполняя самый сложный элемент, повернул голову и посмотрел прямо за кулисы. Прямо туда, где в темноте стояла я. Намертво фиксируя мой взгляд сквозь разделяющее нас расстояние. А затем, продолжая смотреть мне в глаза, он медленно, тягуче провёл раскрытой ладонью по своей груди вниз, точно в такт глухому биту, и резко зафиксировал руку у ремня брюк.

Многотысячная толпа в зале буквально взорвалась безумными криками.

Лера рядом со мной шумно, панически задохнулась:

— Мамочки... Он что, сейчас в открытую флиртует со всем этим залом?!

— Нет, — тихо, едва слышно сказала я, не в силах оторвать глаз от его фигуры в луче света.

— Тогда с кем?!

Я не ответила подруге. Потому что знала правду на сто процентов. Он делал это со мной.

Финальный, оглушительный акцент. Артём резко развернулся, словно сорвал взглядом воздух вокруг себя, и замер в финальной позе. Аплодисменты обрушились на сцену сплошной, оглушающей стеной. Команда завершила номер под оглушительный рёв трибун.

Он уходил за кулисы последним из своей пятёрки. И, проходя мимо моего укрытия, даже не сбавляя быстрого шага, тихо, одними губами бросил мне:

— Смотрела внимательно, Ланская?

Я из последних сил сжала челюсть, возвращая себе самообладание:

— Нарцисс. Чёртов нарцисс.

Артём мимолётно, торжествуя улыбку, мне одними уголками губ:

— Но ведь смотрела же.

И мгновенно исчез в тёмном проходе коридора. Моё сердце билось слишком быстро, слишком панически для человека, которому на Савицкого должно было быть абсолютно всё равно.

Глава 13

Перерыв между раундами

Виктория

После триумфального выступления мужской команды организаторы объявили сорок минут технического перерыва. Многотысячную толпу зрителей вежливо попросили остаться на своих местах или пройти в просторное фойе отеля, а участникам наконец дали законное время на глоток воды, возможность отдышаться и внести последние, экстренные правки перед блоком судейских оценок.

За кулисами сразу же воцарился форменный хаос. Кто-то обессиленно лежал прямо на полу, усердно растягивая забитые мышцы, кто-то на нервах пересматривал видеозапись только что завершившегося номера, а кто-то на повышенных тонах спорил с хореографом о потерянных на ровном месте баллах.

Я не выдержала этого давления и вышла в длинный, полутёмный коридор далеко за сценой, где было значительно тише. Мне позарез нужен был свежий воздух. И, желательно, несколько минут абсолютной изоляции без Артёма Савицкого в радиусе километра. Потому что после его убойного, откровенного соло злиться на него в прежнем режиме стало подозрительно, пугающе трудно.

— Всё ещё убегаешь в глухие углы после сильных номеров, Ланская?

Я закрыла глаза на долю секунды, сдерживая тяжёлый вздох. Ну конечно. Кто же ещё.

Даниил.

Он стоял у противоположной стены, небрежно накинув тренировочную куртку своей команды, и демонстрировал ту самую самодовольную полуулыбку, которую я когда-то по глупости считала харизмой. Теперь же для меня это был лишь предупреждающий знак «опасная зона».

— Нет, Даниил, — максимально спокойно и равнодушно ответила я, выпрямляя спину. — Просто искала место, где нет дешёвых, избитых реплик.

Негромко рассмеявшись, он отлип от стены и подошёл ближе. Остановился слишком вплотную. Так, будто до сих пор имел на это какое-то право. Будто наше общее прошлое всё ещё продолжало существовать.

— Я скучал по твоему невыносимому характеру, — протянул он, сканируя моё лицо.

— Значит, со временем вкус у тебя так и не улучшился.

— Я видел номер твоих девочек, — проигнорировал он шпильку. — Неплохо. Весьма неплохо.

— Для человека, который обычно врёт не краснея, из твоих уст это звучит почти как честный комплимент.

— Но до победы в общем зачёте вы всё равно не дотянете, Вик.

Я лениво скрестила руки на груди, наклоняя голову набок.

— А ваша хваленая команда, значит, дотянет?

— Естественно. Без вариантов.

Я коротко, откровенно усмехнулась ему в лицо.

— Слабо в это верится, Кравцов.

Его взгляд мгновенно потемнел, из него исчезло напускное дружелюбие.

— Осторожнее на поворотах, Ланская.

— Почему? Боишься услышать горькую правду? — я сама сделала шаг вперёд, заставляя его немного напрячься. — У вас полностью рассыпался композиционный центр в третьей восьмёрке. Левая линия ощутимо опоздала на синхронный перестрой. И как минимум двое ваших парней вообще не поймали финальный акцент в связке. Мне продолжать?

Даниил Кравцов буквально застыл на месте. Попала. Точно в цель, прямо по его уязвленным амбициям постановщика.

— Ты всё ещё так внимательно смотришь на сцене только на меня, да? — попытался он вернуть контроль над ситуацией, криво ухмыльнувшись.

— Нет, Даниил, — я улыбнулась ему самой холодной из своих улыбок. — Я смотрю исключительно на технические ошибки.

В этот момент за его спиной из-за поворота показались двое парней из его же команды. Судя по их округлившимся глазам, они прекрасно услышали мою последнюю фразу. Один из них неловко кашлянул, из последних сил скрывая смех. Даниил заметно спиной почувствовал это и весь напрягся.

Он резко сменил тон, его голос стал почти ласковым. Старый, заезженный приём, который он использовал каждый раз, когда проигрывал аргументы.

— Ты всё такая же безумно красивая, Вик, когда начинаешь злиться.

— А ты всё такой же убого предсказуемый, когда отчаянно хочешь кому-то понравиться.

Даниил неожиданно протянул руку и попытался собственническим жестом коснуться пряди моих волос. Я среагировала мгновенно — хлёстким, резким движением сбила его ладонь в сторону.

— Не смей трогать меня.

— Это ещё почему? Раньше тебе это чертовски нравилось.

Внутри меня яростно вспыхнула чистая, концентрированная злость. И разозлило меня даже не само его наглое действие, а то, как дешево и легко он пытался манипулировать тем, что давно умерло.

— Раньше я совершала глупые ошибки. Но я быстро учусь.

Даниил наклонился к моему лицу, понижая голос до интимного шёпота:

— После завершения конкурса мы вполне можем это исправить. Поздний ужин. Прогулка по ночному городу... Или можем сразу пойти в мой номер, без лишней траты времени на ужин.

Я смотрела на него несколько секунд, чувствуя лишь глубокое брезгливое недоумение. А потом просто рассмеялась. Тихо. Абсолютно без тепла.

— Ты правда на полном серьёзе думаешь, Кравцов, что после всего твоего дерьма можешь просто так взять и вернуться?

— Я думаю, что ты до сих пор слишком бурно реагируешь на моё присутствие.

— Конечно я на тебя реагирую, — я подалась чуть вперёд, добывая его остатки самоуважения. — Точно так же, как нормальные люди реагируют на плохой, удушливый запах.

За его спиной парни уже совершенно не скрывали своего откровенного хохота. Челюсть Даниила судорожно сжалась, на щеках заходили желваки.

— Ты просто играешь на публику, Ланская.

— Нет, — я выпрямилась во весь рост, глядя на него сверху вниз. — Это ты опять пытаешься выступать на серьёзной арене без предварительной подготовки.

— Виктория.

Голос раздался сбоку, из темноты коридора. Низкий. Бархатный. Опасно спокойный.

Я даже не повернула голову сразу, но внутри всё мгновенно перевернулось. Артём стоял в нескольких метрах от нас, лениво засунув руки в карманы брюк. Он выглядел слишком расслабленным для человека, в чьих глазах прямо сейчас разворачивался настоящий шторм. Савицкий медленно перевёл свой тяжёлый, обещающий проблемы взгляд с меня на бледного Даниила.

— Я никому не прервал брачный сезон? — поинтересовался он со сквозьзубной усмешкой.

Даниил натянуто хмыкнул, пытаясь держать лицо перед своими парнями:

— Расслабься, Савицкий. Мы тут просто мило разговариваем о старых временах.

— Нет, — отрезал Артём, делая чёткий шаг вперёд. — Ты просто крупно ошибся с выбором безопасной дистанции.

Я почувствовала, как моё сердце предательски, панически ускорило свой ход. Драки и громкого скандала за кулисами мне хотелось меньше всего на свете. Но, боже, с каким же замиранием сердца мне хотелось посмотреть, что этот сумасшедший сделает дальше.

Я уже открыла было рот, чтобы вмешаться и прекратить этот назревающий мужской конфликт, когда в тишине коридора раздался до боли знакомый, чёткий цокот высоких каблуков.

Ева.

Как всегда — безупречно эффектная, идеально собранная, источающая тонны уверенности, будто весь этот чемпионат был лишь дешёвой декорацией для её личного бенефиса. Она даже не удостоила мимолётным взглядом ни меня, ни Даниила. Мирская напрямик направилась к Артёму. Подошла вплотную, нарушая все мыслимые границы, и с абсолютной уверенностью хозяйки положила свою ладонь ему прямо на грудь, накрывая сердце.

— Вот ты где, Тёма. А я тебя везде ищу.

Артём даже не шелохнулся от её прикосновения. Его лицо в секунду превратилось в абсолютно непроницаемую, каменную маску.

— Тебе что-то конкретно нужно, Ева?

Она улыбнулась своей самой томной, призывной улыбкой, слегка поглаживая ткань его футболки.

— Да. Хотела лично сказать тебе, что твоё сегодняшнее соло на сцене... это было очень горячо. Прямо как в старые добрые времена.

Ева многозначительно скользнула по нему оценивающим взглядом сверху вниз и добавила:

— И, знаешь... я всё прекрасно поняла.

Я внутренне вся натянулась, как струна, сама того не желая. Пальцы невольно сжались в кулаки.

— И что именно ты поняла? — сухо, без единой эмоции спросил Артём.

Ева придвинулась к нему ещё ближе, едва ли не касаясь губами его подбородка.

— Что весь этот танец от первой до последней секунды ты танцевал исключительно для меня.

На секунду в полутёмном коридоре повисла оглушительная, звенящая тишина. Лера, которая как раз вовремя выручила из-за поворота с бутылкой воды в руках, от такого заявления едва не подавилась собственным вдохом и застыла с открытым ротом. Даниил рядом со мной цинично хмыкнул.

Я медленно, демонстративно скрестила руки на груди, чувствуя, как внутри закипает ледяная волна ярости. В эту секунду мне одновременно дико хотелось развернуться и уйти, чтобы не видеть этого позора, — и в то же время остаться, чтобы досмотреть финал.

Артём медленно опустил взгляд вниз, на её безупречный маникюр, покоящийся на его груди. А затем спокойно, уверенно перехватил Еву за запястье и снял её руку с себя. Без грубости, но с такой силой, что её пальцы безвольно опустились.

— У тебя слишком богатая и нездоровая фантазия, Мирская.

Ева натянуто улыбнулась, явно пытаясь перевести всё в их привычную внутреннюю игру:

— Брось, милый. Я слишком хорошо и долго знаю тебя, чтобы ошибаться.

— Тогда странно, Ева, почему ты до сих пор так ничего и не поняла.

Её безупречная улыбка наконец заметно дрогнула и поползла вниз.

— Например? Что я должна была понять?

Артём сделал чёткий шаг назад, демонстративно увеличивая расстояние между ними до двух метров. А затем перевёл свой горящий, потемневший взгляд через её плечо. Прямо на меня. Глаза в глаза.

— Например, то, на кого именно я действительно смотрел от первой до последней секунды своего соло.

У меня внутри всё резко, судорожно сжалось, а к горлу подступил горячий ком. Ева медленно, словно в замедленной съёмке, развернулась в мою сторону. Она перевела взгляд с Артёма на меня, мгновенно считывая выражение моего лица и то, как тяжело я дышу. Одного этого мимолётного кадра ей оказалось более чем достаточно.

— Серьёзно? — тихо, с глухой ненавистью спросила Ева, глядя на Савицкого.

— Максимально серьёзно, — так же ровно и весомо ответил он.

Даниил перевёл свой циничный взгляд с меня на Артёма и мрачно, недовольно усмехнулся, закладывая руки в карманы:

— Ну надо же. Какая драма. Тут, я вижу, разыгрывается целый гребанный спектакль.

— Тебя в этот театр забыли пригласить, Кравцов, — хлётко бросила я, даже не глядя на бывшего.

Ева сделала шаг в мою сторону, её идеальное лицо исказилось от уязвлённого самолюбия.

— Ты думаешь, что выиграла этот раунд, Ланская? Рано радуешься.

— Я вообще не думаю о выигрыше, Ева, — я спокойно, не мигая, выдержала её уничтожающий взгляд. — Я просто думаю, что ты снова крупно ошиблась в своих математических расчётах.

Ева яростно сжала губы в тонкую линию, едва сдерживая крик.

Артём демонстративно вскинул руку и посмотрел на свои спортивные часы.

— Технический перерыв заканчивается. Через пять минут судейские оценки.

Затем он снова посмотрел на меня — так, будто в этом длинном коридоре отеля больше вообще никого не существовало. В упор.

— Не уходи далеко, Виктория. Сразу после оценок нам нужно поговорить. Серьёзно.

Он произнёс это тоном, не терпящим никаких возражений, развернулся и ушёл в сторону судейской зоны первым. Оставив после себя в замкнутом пространстве слишком много тяжёлого напряжения и слишком мало воздуха для нормального вдоха.

Глава 14

То, что осталось после слов

Виктория

Коридор опустел далеко не сразу. Сначала, стремительно и собранно, ушёл Артём. Спустя пару секунд, громко и раздражённо цокая каблуками, в противоположную сторону исчезла Ева. Даниил Кравцов задержался на секунду дольше остальных, явно до последнего надеясь оставить за собой финальное, победное слово.

— Похоже, ты по-прежнему любишь исключительно проблемных мужчин, Ланская, — цинично протянул он, оглядывая меня.

Я посмотрела на него таким ледяным, уничтожающим взглядом, что он сам невольно усмехнулся и сделал шаг назад, сдавая позиции.

— Что ж, до встречи на паркете.

— Если догоните нас по баллам, Кравцов, — максимально спокойно и высокомерно отбрила я.

Он ушёл. И едва его куртка скрылась за поворотом, из-за технических декораций тут же материализовалась Лера. Глаза у подруги горели сумасшедшим восторгом.

— Так, всё, я официально хочу остаться жить в этом коридоре! — заговорщически прошептала она, хватая меня за локоть. — Здесь сюжетные повороты покруче, чем на главной сцене.

— Замолчи, пожалуйста, — попросила я, пытаюсь унять внутреннюю дрожь.

— Нет, ты слышала?! Он в открытую сказал при Мирской, что танцевал соло только для тебя!

— Он сказал это исключительно ради того, чтобы побольше уязвить и разозлить Еву.

— Ну да, конечно, — Лера демонстративно закатила глаза к потолку. — А ещё он смотрит на тебя из угла так, будто уже мысленно выбрал кольца и забронировал дату в ЗАГСе.

— Валерия!

— Всё-всё, молчу!

Впрочем, она не затыкалась ни на секунду, пока её наконец не позвали в гримёрку костюмеры.

Я осталась стоять одна, прислонившись спиной к прохладной технической стене. Гул и рабочий шум за сценой снова стремительно набирали силу. Сорокаминутный технический перерыв неумолимо подходил к концу. Мне жизненно необходимо было взять себя в руки, начать думать о следующих блоках соревнований, о судейской коллегии, о промежуточных баллах и о нашем главном вечернем дуэте. Но вместо этого в голове набатом, мешая дышать, продолжала крутиться одна-единственная его фраза: «на кого я действительно смотрел во время соло».

Я дико злилась. Злилась на него — за эту невыносимую, железобетонную самоуверенность. Злилась на саму себя — за то, как легко и глубоко эта глупая фраза меня задела. И сильнее всего злилась на собственное тело — за то, что чёртово сердце реагировало на Савицкого гораздо быстрее, чем включался холодный разум.

— А ты, оказывается, умеешь очень красиво убежать, принцесса.

Низкий голос раздался так непозволительно близко, что я вздрогнула и резко повернулась.

Артём стоял в узком проходе коридора абсолютно один. Без своей команды. Без привычной издевательской улыбки на губах. Был только его взгляд — непривычно тяжёлый, пронзительный и предельно внимательный.

— Ты что, теперь целенаправленно преследуешь меня по всему закулисью? — я попыталась вернуть лицу маску безразличия.

— Нет, — он сделал уверенный шаг вперёд, сокращая расстояние. — Ты просто каждый раз необъяснимым образом оказываешься именно там, где мне позарез нужно быть.

— Самодовольный идиот.

— О, уже привычное, традиционное приветствие, — Артём мимолётно усмехнулся, но взгляд остался серьёзным.

Я защитным жестом скрестила руки на груди:

— Что конкретно тебе от меня надо, Савицкий?

— Исправить то глупое кино, которое ты успела накрутить в своей красивой голове.

— Я ничего себе не придумывала.

— Правда? — он остановился ровно в одном шаге от меня. — Тогда почему ты с самого утра смотришь на меня волком? Так, будто я лично предал всё человечество?

Я открыла рот, чтобы ответить ему максимально резко и хлётко. Но за запертыми зубами застряла горькая правда. Он ведь был прав от первого до последнего слова. И это бесило сильнее всего на свете.

— Твоя бывшая девушка посреди ночи находилась в твоём номере, Артём. В одном кружевном белье. Извини, конечно, но в такой ситуации довольно сложно придумать какой-то другой, более невинный расклад.

Савицкий устало провёл широкой ладонью по затылку, шумно выдыхая.

— Я не звал её туда, Вика.

— Очень удобная и классическая мужская позиция.

— Виктория, — он сделал ещё полшага вперёд, практически вжимая меня в стену своим присутствием. — Я вошёл в номер, увидел её и в ту же секунду выставил за дверь. Без разговоров.

В памяти мгновенно всплыл ночной фрагмент. Его жёсткий, ледяной тон, донёсшийся из глубины коридора. Распахнутая настежь дверь. Короткое, хлёткое: «Вышла».

Да, он говорил правду. Я знала это. Но почему тогда внутри всё равно было так чертовски, удушающе больно?

— Мне абсолютно всё равно, Савицкий, кого ты к себе зовёшь, а кого выгоняешь, — упрямо соврала я, глядя ему в переносицу.

— Ложь, — Артём произнёс это очень тихо. Почти мягко, лишая меня последних крох брони.

Я повыше вскинула подбородок, вынужденная смотреть на него снизу вверх:

— Допустим. И что с того?

Его взгляд медленно, тягуче опустился к моим губам, задержался там на мучительную секунду, а затем снова вернулся к глазам.

— Допустим, мне дико, до зубовного скрежета не нравится, когда ты начинаешь злиться на меня из-за присутствия других женщин.

Сердце внутри испуганно пропустило мощный удар, а потом заколотилось в два раза быстрее.

— Ты не имеешь никакого права говорить мне такие вещи...

— А ты имеешь? — он резко, одним мимолётным движением сократил остаток расстояния между нами.

Теперь между нашими лицами оставался буквально один общий вдох. Воздух между нами стал горячим, наэлектризованным до предела.

— Видеть тебя в этом коридоре рядом с твоим бывшим недоразумением было физически отвратительно, Ланская.

— Ревнуешь? — едва слышно выдохнула я, теряя контроль над собственным голосом.

— Бешусь, — поправил он.

Эта его сокрушительная, опасная честность ударила по моим нервам сильнее любого профессионального флирта. Я сама не заметила, в какой момент окончательно перестала держать оборонительную дистанцию и просто потянулась навстречу. Его большая, тёплая ладонь медленно, но потрясающе уверенно легла мне на талию. Чуть сжала пальцы, фиксируя меня. Будто эта рука изначально там и должна была находиться.

— Артём... нас ищут, — едва различимо прошептала я, упираясь ладонями в его грудь.

— Пусть ищут.

— Через минуту объявят выходы на паркет.

— Знаю.

Но он даже не подумал двинуться с места. Только смотрел на меня в упор. Точно так же, как тогда, во время нашей первой случайной встречи в холле отеля. Как на танцполе. Как всегда, когда этот сумасшедший собирался совершить что-то по-настоящему опасное и необратимое.

— Если ты сейчас снова почти меня поцелуешь и опять остановишься... — тихо, на грани слышимости произнесла я, глядя в его потемневшие зрачки.

— То что?

— То я официально перестану тебя ненавидеть.

Савицкий замер. Вся его наглая уверенность на долю секунды испарилась, сменившись секундным шоком. А затем он очень медленно, потрясающе красиво усмехнулся.

— Чёрт... Это сейчас была угроза, Ланская?

Я сама не поняла, как эти безумные слова вообще сорвались с моих губ. Наши лица сблизились до критического минимума. Ещё один крошечный сантиметр, ещё одна короткая секунда — и мир вокруг просто перестал бы существовать.

— Артём! Савицкий, твою мать! На позицию! Тридцать секунд до начала блока! — оглушительный крик тренера из конца коридора безжалостно разорвал момент.

Артём на мгновение зажмурился и тихо, сквозь зубы выругался. Я воспользовалась этой заминкой и отступила первой, судорожно пытаюсь восстановить рваное дыхание и сделать вид, что всё в порядке.

— Тебя постоянно кто-то спасает в самый последний момент, Ланская, — хрипло заметил он, неохотно убирая руку с моей талии.

— Скорее, эти люди спасают тебя от фатальной ошибки, Савицкий.

— Вечером наш дуэт, — Артём сделал чёткий шаг назад, подмигнув мне на прощание. — И вот там нам уже гарантированно никто не сможет помешать.

Он развернулся и стремительно скрылся в направлении сцены. А я так и осталась стоять у стены, со страхом осознавая одну жуткую вещь: я до дрожи боюсь этого вечера. И далеко не из-за страха провалиться перед судьями.

Артём

После того как я заставил Кравцова свалить, а Еве доходчиво объяснил, куда именно я смотрел во время соло, время на чемпионате словно сорвалось с цепи. Закулисье превратилось в сплошное смазанное пятно: команды сменяли друг друга на паркете, судьи с каменными лицами пересчитывали сотые доли баллов, ведущий выдавал дежурные шутки, а трибуны заходились в рёве.

Но у меня в голове заклинило одну-единственную фразу, которую я успел шепнуть Ланской перед тем, как нас прервал тренер: «Там нам никто не помешает».

Я стоял в коридоре зоны ожидания, пока Саныч — наш главный хореограф — битый час распинался передо мной, активно жестикулируя.

— Савицкий, ты меня вообще слушаешь?! — его резкий голос на секунду пробился сквозь гул в моих ушах.

— Да, — соврал я, даже не повернув головы.

— Повтори тогда последнее, что я сказал по поводу захода на третью поддержку.

Я мысленно выругался. Скрывать то, что я полностью выпал из реальности, не было никакого смысла.

— Не повторяю.

Саныч тяжело, обречённо выдохнул, потирая переносицу, и едва ли не заглянул мне в лицо:

— Соберись, Артём. Это финальный, решающий блок. На кону золото в дуэтах, а ты летаешь где-то в облаках.

Я коротко кивнул. Да, надо собраться. Да, ставки максимальные. Но, чёрт возьми, включить холодную голову, когда прямо напротив тебя стоит девчонка в облегающем серебристом костюме, было физически невозможно.

Виктория упрямо делала вид, будто дико занята проверкой кожаного ремешка на своей туфле. Нарочно не смотрела в мою сторону. Но я поймал тот самый момент, долю секунды назад, когда её взгляд наткнулся на меня сквозь толпу — и её пульс выдала судорожно дернувшаяся жилка на шее. Я едва заметно улыбнулся. После нашей стычки у стены она больше не могла разыгрывать своё ледяное равнодушие так же убедительно, как раньше. И это опасно, чертовски меня радовало. Она могла злиться, могла обещать мне смертную казнь, но она больше не была безразлична.

Эта серебряная серена умудрялась сбивать мне дыхание сильнее, чем любая самая тяжёлая связка на тренировках.

Из динамиков над головой объявили подготовку первой тройки дуэтов. До нашего официального выхода оставалось ровно двадцать минут. Я заметил, как Ланская, не выдержав этого молчаливого давления, незаметно выскользнула в боковой технический коридор. Бежит. Снова пытается спрятаться в тёмном углу.

Я двинулся следом, проигнорировав удивленный окрик Саныча спину.

В боковом проходе было прохладно и тихо. Вика стояла, упершись ладонями в бетонную стену, и зажмурил глаза, будто пыталась силой мысли выкинуть меня из своей головы. Наверное, стоило дать ей перевести дух перед паркетом. Подумать о технике, балансе, поворотах. Но у меня внутри лимит терпения был исчерпан ещё ночью, когда я увидел её испуганные, злые глаза у двери своего номера.

— Красиво сбегаешь от меня уже второй раз за сегодняшний день, Ланская, — тихо сказал я, останавливаясь у входа.

Она даже не шелохнулась. Только плечи едва заметно напряглись.

— Уйди, Артём. Пожалуйста.

— Нет.

Я сделал несколько шагов, сокращая расстояние, и остановился прямо у неё за спиной. Нас разделяли считанные сантиметры. Я не касался её, но отчётливо видел, как мелкая дрожь бьёт её тело сквозь тонкую ткань костюма.

— Ты дрожишь, Вика.

— Это от злости на тебя, — хлестко бросила она.

— Ну конечно. Само собой.

Ланская резко, импульсивно развернулась на каблуках, едва не задев меня плечом. Проход был настолько узким, что теперь мы оказались зажаты друг другом. Глаза в глаза. На её щеках горел лихорадочный румянец, а дыхание было рваным.

— Нам выходить на паркет через какие-то несчастные двадцать минут, Артём! — в её голосе звенела чистая паника.

— Я знаю, Вика. Прекрасно знаю.

— Тогда немедленно прекрати это!

— Прекратить что? — я чуть наклонил голову, не сводя глаз с её лица.

— Делать вид, что всё происходящее между нами — это какая-то весёлая, ни к чему не обязывающая игра на публику!

Внутри меня что-то перемкнуло. Всё это напускное легкомыслие, за которым я прятался последние недели, слетело в одну секунду. Я посмотрел на неё так, чтобы она наконец увидела всё, что я глушил в себе с нашей первой встречи.

— Для меня это уже очень давно не игра, Ланская.

Звонящая тишина коридора тут же стала тяжёлой, удушающей. Виктория замерла, её губы слегка приоткрылись, а в глубине зрачков плеснуло что-то похожее на растерянность.

— Тогда что всё это такое? — едва слышно, на одном выдохе спросила она.

— Огромная проблема, — честно признался я, делая последний шаг вплотную к ней.

На её губах промелькнула слабая, защитная усмешка:

— Очень смешно. Рада, что тебе весело.

— Нет, Вика, мне вообще сейчас не смешно, — я подался вперёд, перекрывая ей весь оставшийся кислород. — Потому что эта проблема — ты.

Я видел, как судорожно взметнулась её грудь. Сердце Ланской колотилось о рёбра так бешено, что я, кажется, слышал этот стук.

— Я ненавижу тебя, Савицкий, — прошептала она, но в её голосе уже не было прежнего льда.

— Уже нет. Сама ведь знаешь, что нет.

Я медленно опустил руку и коснулся её тонкого запястья. Пальцы скользнули по нежной коже вниз, к ладони, и я крепко, намертво переплёл свои пальцы с её. Слишком интимно. Слишком открыто для двух людей, которые ещё утром готовы были поубивать друг друга.

И она не отдернула руку. Впервые она не попыталась вырваться.

— Если мы сейчас из-за этого всего провалим наш дуэт на паркете, — она подняла глаза, в которых стояли невыплаканные слёзы злости, — я лично убью тебя прямо перед судьями.

— А если мы станцуем его сейчас именно так, как мы действительно умеем... — я бережно, почти невесомо наклонился к её лицу, ловя её горячее дыхание. — То ты прямо сегодня перестаешь мне врать. И себе тоже.

— Невероятно самоуверенный тип, — выдохнула она мне в губы.

— Просто честный.

Я мягко, едва осязаемо прижался своим лбом к её лбу. Никакого давления. Просто один общий выдох на двоих. Но от этого простейшего, чистого касания у меня самого внутри всё перевернулось круче, чем от любого затяжного прыжка на сцене. Нас обоих несло на полной скорости в глухую стену, и никто не собирался тормозить.

— Пять минут до выхода на паркет дуэта номер двенадцать: Артём Савицкий — Виктория Ланская! Приготовиться у выхода! — металлический голос из динамика над головой безжалостно разрезал пространство.

Мы одновременно, словно от удара, закрыли глаза. Ланская с трудом сглотнула и сделала вынужденный шаг назад, медленно высвобождая свои пальцы из моей руки. Броня вернулась на её лицо, но глаза оставались искусанными и темными.

— Все разговоры — строго после сцены, — тихо, но чертовски твёрдо отрезала она.

Я смотрел на неё и понимал, что этот дуэт станет лучшим, что этот паркет видел за всю историю чемпионата. Потому что мы либо сожжём его к чертям, либо сгорим сами.

— После сцены, Виктория.

И впервые за всё это безумное время мы развернулись и пошли к залитому софитами выходу вместе. Плечом к плечу.

Глава 15

Дуэт

Артём

За кулисами свет казался тусклым, грязноватым и совершенно ненастоящим. Или это у меня внутри все датчики выкрутило на такую мощность, что окружающая реальность просто померкла.

Мы стояли у самого выхода на паркет. Ланская застыла рядом — прямая, как струна, с высоко поднятой головой, но я слишком хорошо знал её, чтобы поверить в это напускное спокойствие. Я слышал, как тяжело, прерывисто она дышит. И это был не страх перед забитыми до отказа трибунами. И не мандраж перед строгими лицами судей в первом ряду.

Она боялась меня. Того, что должно было произойти между нами через несколько минут.

Я поправил манжеты чёрного сценического костюма, краем глаза наблюдая за ней. Серебристая ткань её платья ловила блики софитов, подчёркивая каждую деталь фигуры. Слишком красивая. До чертей идеальная. Настоящая ходячая катастрофа для моей нервной системы.

— Если ты сейчас уронишь меня на какой-нибудь поддержке, Савицкий, — тихо, не поворачивая головы, процедила она сквозь зубы, — обещаю: я воскресну прямо на этом паркете и лично тебя придушу.

Уголки моих губ сами собой дернулись вверх. Напряжение внутри немного отпустило, сменившись привычным азартом.

— Если ты уронишь меня, принцесса, я умру самым счастливым человеком в этом зале.

— Самодовольный придурок.

— А ты нервничаешь. Очень красиво нервничаешь.

Ланская резко развернулась ко мне, вскидывая подбородок:

— Я не нервничаю.

Я шагнул к ней вплотную, заставляя смотреть прямо мне в глаза, и опустил взгляд на её руки.

— Да? Тогда почему у тебя так откровенно дрожат пальцы?

Вика тут же судорожно сжала ладони в кулаки. Попалась. Она злилась, потому что знала: я прав. Сегодня в номере не будет спасительной дистанции. Полтора метра личного пространства, которыми она так старательно отгораживалась от меня на репетициях, сейчас перестанут существовать. И больше всего её пугало то, что она сама уже не понимала, где заканчивается хореография и начинается чистая, неприкрытая правда.

— Дуэт Савицкий — Ланская! На старт! На позицию! — заскрипел технический динамик.

Я молча протянул ей руку. Ланская замерла на долгую, мучительную секунду, глядя на мою ладонь так, словно решалась на прыжок с обрыва. А затем уверенно вложила свои пальцы в мои. Её ладонь была прохладной, но моя — горячее и сильной. Я сжал её чуть крепче, фиксируя.

— Помни, что ты пообещала, — тихо напомнил я, наклонившись к её уху. — Все разговоры — после сцены.

— Сначала переживи эту сцену, Савицкий.

Свет в огромном зале мгновенно погас, отсекая нас от многотысячной толпы. На секунду воцарилась абсолютная, звенящая тишина. А затем из динамиков ударили первые аккорды — низкая, густая, тягучая музыка с медленным, глухим ритмом, безумно похожим на сильное сердцебиение.

Мы вышли во тьму вместе.

Первый резкий луч прожектора выхватил из темноты Вику. Она стояла в центре паркета одна, спиной к залу. Идеальная осанка, опущенные руки, слегка склоненная голова. Воплощение абсолютного контроля, который она так отчаянно пыталась сохранить.

Второй луч вспыхнул прямо надо мной, в нескольких метрах позади неё. Всё. Зал перестал существовать. Осталась только она. Как мужчина, который слишком долго ждал своего часа, я дождался мощного удара бита и пошёл к ней.

Первые движения были сдержанными, почти классическими, но опасно точными. Хореография превратилась в осязаемый диалог. Она уходила от моих рук, заставляя меня тянуться следом. Я ловил её. Она резко выскальзывала, крутясь в пируэте, но я неизменно возвращал её обратно. Каждый мимолётный контакт, каждое прикосновение кожи к коже длилось долю секунды, но ощущалось как мощный электрический разряд.

Музыкальный акцент. Поворот. Срыв корпуса вниз. Моя ладонь жестко легла на её тонкую талию, и Вика, послушная моему импульсу, плавно выгнулась в моих руках назад, доверяя мне весь свой вес.

Трибуны шумно выдохнули. А я чувствовал кожей, насколько правильно её тело отзывается на каждое моё движение. Она идеально держала баланс, зная границы моей силы, а я точно знал, как далеко могу зайти, чтобы не сломать её.

Я перехватил её и одним мощным, слитным движением поднял в высокую поддержку. Вика взлетела надо мной, вытянувшись в идеальную серебряную линию. Для неё мир перевернулся, и мои руки оставались её единственной опорой на высоте двух метров. Я опустил её намеренно медленно, позволяя ей буквально скользнуть всем телом по моей груди вниз. Слишком близко. Слишком медленно для профессиональных соревнований. По залу прокатился гулкий вздох восхищения.

Темп музыки резко вырос. Струнные начали нагнетать драму, и наш танец превратился в настоящую, ожесточённую борьбу.

Вика с силой толкала меня в грудь, пытаясь разорвать дистанцию. Я наотмашь перехватывал её тонкие запястья. Она вырывалась через резкое вращение, но я тут же возвращал её обратно, притискивая за талию к себе. Для судей это выглядело как гениальная страсть, гениально переодетая в конфликт. Для нас это и был конфликт. Самый настоящий.

— Не смотри на меня так, — едва слышно прошептала она, пока мы кружились в связке.

— Как — так?

Я резко развернул её спиной к своей груди, намертво блокируя в своих объятиях.

— Будто ты уже победил в этом споре, Савицкий.

Мои губы в этот момент находились в миллиметре от её горячего виска. Я чувствовал запах её духов и бешеный стук её пульса.

— Принцесса, я ещё даже не начинал побеждать.

Я почувствовал, как по её телу пробежала сильная дрожь. Вика явно ненавидела тот факт, что зрители и судьи принимали всё это за гениальную актёрскую игру. Потому что игра закончилась ещё в техническом коридоре. Всё, что происходило на паркете здесь и сейчас, было чистой, неразбавленной правдой.

В средней части номера музыка стала тише, глубже. Свет софитов сузился до одного плотного круга, оставляя нас двоих в этой импровизированной клетке.

Я медленно провёл ладонью по её обнажённой руке сверху вниз, считывая малейшие реакции её кожи. Каждое прикосновение отзывалось в ней мгновенным напряжением мышц. Вика упрямо подняла подбородок, глядя на меня снизу вверх.

— Ты опять играешь на публику, Артём.

— Нет, — я склонился к её лицу так близко, что наши ресницы почти соприкоснулись. — Я сейчас из последних сил держусь, чтобы не сорваться.

Её сердце окончательно сбилось с ритма. Чтобы спрятаться от моего взгляда, Вика резко ушла в сложнейшую техническую связку. Серия стремительных вращений. Резкое падение в безупречный шпагат. Подъём наверх через моё плечо. Мои ладони жестко и уверенно зафиксировали её бедра, когда я поднимал её над собой. Это было исполнено абсолютно профессионально, безупречно с точки зрения геометрии танца. Но наше общее прошлое, все наши ночные споры и столкновения заставляли тело помнить каждый сантиметр этих прикосновений совсем по-другому.

Финальный музыкальный блок начался с тихого, пронзительного шёпота струн.

Мы застыли друг напротив друга в центре круга света. Без единого движения. Без воздуха. Без каких-либо сил продолжать эту дурацкую, изматывающую игру в ненависть.

Я шагнул первым, сокращая последнюю преграду. Вика не сделала даже попытки отступить назад. Мои пальцы коснулись её подбородка, мягко приподнимая его вверх.

По официальной, утвержденной хореографами постановке здесь должен был быть только долгий, драматичный взгляд глаза в глаза. Финальная пауза. Незавершённое, повисшее в воздухе сексуальное напряжение, которое так любят судьи. Так мы репетировали сотни раз в пустом зале.

Но сейчас этого чертова сценария для меня больше не существовало. Мне было плевать на баллы, плевать на судей, плевать на весь этот чемпионат.

— Артём... — едва слышно, умоляюще выдохнула она, заметив, как потемнел мой взгляд.

— Поздно, принцесса. Поздно.

Я рванул её за талию на себя, намертво вжимая её хрупкое тело в свою грудь. Зал мгновенно исчез. Музыка затихла где-то на периферии сознания. Остались только её огромные, испуганные и одновременно зовущие глаза. И правда, от которой нам обоим больше просто некуда было бежать.

— Я ненавижу тебя, — в последний раз попыталась соврать она, едва касаясь губами моих губ.

Я коротко усмехнулся, чувствуя, как внутри окончательно срывает все предохранители.

— Нет, Вика. Ты просто слишком долго и упрямо сопротивлялась.

И я поцеловал её.

Глубоко, жадно, сминая её губы с той самой яростной жадой, которую глушил в себе с самого первого дня нашей встречи в отеле. Так, будто этот поцелуй был неизбежен, как финал любой хорошей истории. На долю секунды Вика полностью обмякла в моих руках, словно у неё остановилось сердце, а в следующий миг... ответила. Резко, с точно такой же отчаянной, накопленной жадой, с какой спорила, ругалась и дралась со мной все эти недели. Она запустила пальцы в мои волосы, притягивая ещё ближе, сгорая в этом моменте вместе со мной.

Где-то там, за пределами нашего круга света, многотысячный зал буквально взорвался. Оглушительные крики, безумные аплодисменты, судейский свист — трибуны сошли с ума от такой кульминации.

Но мы слышали только хриплое, рваное дыхание друг друга.

Музыка ударила финальным, торжественным аккордом, завершая блок. Я с огромным трудом оторвался от её губ ровно на один глубокий вдох, но не отпустил. Мой лоб остался прижатым к её лбу. Финальная точка номера. Она полностью лежала в моих руках, а я держал её так крепко, словно прямо сейчас готов был забрать её отсюда и больше никогда, ни одной живой душе в этом мире не отдавать.

Свет резко погас.

Мы наощупь, тяжело дыша, шагнули за кулисы. В полумраке технической зоны тишина между нами ощущалась в сто раз опаснее и громче, чем все овации зала вместе взятые. Вика судорожно хватала ртом прохладный воздух, её серебряный костюм мелко вздымал грудь.

— Ты... ты полностью нарушил постановку, Савицкий, — хрипло, пытаясь вернуть прежний строгий тон, выдохнула она.

Я молча смотрел на её зацелованные, припухшие губы.

— Нет.

— Этого поцелуя не было в сценарии номера! Его не существовало!

Я сделал ещё один короткий шаг, снова отрезая ей путь к отступлению:

— Теперь он там есть, Ланская.

— Самоуверенный ты...

Я не дал ей договорить. Просто наклонился и снова поцеловал её. На этот раз гораздо короче, мягче, без сумасшедшего надрыва — этот поцелуй предназначался только для нас двоих, без прицела на судейские камеры.

— Помнишь, что сама сказала перед выходом? — тихо напомнил я, неохотно отстраняясь. — После сцены.

Вика посмотрела на меня своими огромными, потемневшими глазами, в которых больше не осталось ни капли прежней ледяной брони.

— Ненавижу тебя, Савицкий.

— Отлично, — я улыбнулся, чувствуя абсолютную, чистую победу. — Позже, в номере, повторишь мне это еще раз.

И судя по тому, как её пальцы мимолётно скользнули по моему запястью, впервые за всё время нашего знакомства Виктория Ланская была совершенно не уверена, что хочет со мной спорить.

Глава 16

Ночь после сцены

Виктория

Официальная часть финала превратилась в сущую пытку. После завершения всех выступлений участников до единого согнали обратно в главный зал. Усталые, взвинченные до предела, с лихорадочным блеском в глазах после дикого адреналинового всплеска и слепящего света прожекторов, команды толпились полукругом, впившись взглядами в сцену и ожидая вердикта.

Но организаторы проекта только загадочно улыбались.

— Дорогие участники, спасибо вам за этот невероятный, сумасшедший день! — торжественно объявил в микрофон ведущий. — Мы знаем, как сильно вы ждёте оценки, но итоговые результаты чемпионата будут озвучены только завтра вечером на официальной церемонии награждения!

По залу мгновенно прокатилась волна смешанных звуков: чьи-то восторженные аплодисменты, громкие стоны разочарования, нервный смех и ругательства.

— А сейчас мы поздравляем всех с успешным завершением конкурсной программы! Отдыхайте!

И начался привычный хаос. Шампанское в пластиковых бокалах. Вспышки фотокамер. Дежурные объятия. Оглушительный фоновый шум.

Я не слышала и не воспринимала ровным счётом ничего. Сразу после того, как мы сошли с паркета, мы с Артёмом больше ни разу не пересекались. Нас буквально растащило в разные стороны. И это бесило меня так странно и так сильно, что внутри всё выжигало дотла.

Я видела его издали всего пару раз — Савицкий стоял в окружении своей команды, тренеров и каких-то посторонних людей, которые без конца хлопали его по плечу и поздравляли. Но между нами не было сказано ни слова. Ни единого прямого взгляда. Ни единого шанса подойти и просто поговорить.

Будто того сумасшедшего поцелуя на глазах у тысяч людей вообще не существовало. Будто я сама, в приступе бреда, полностью его себе придумала.

Поздно вечером я наконец-то добралась до своего номера. С облегчением сбросила шпильки прямо у двери, заперлась на замок и без сил пошла в ванную. Горячая вода медленно, каплей за каплей снимала физическое напряжение с натруженных мышц, но она была абсолютно бессильна против хаоса в моей голове.

Я лежала в пышной пене, закрыв глаза, но стоило мне отключиться от реальности, как перед внутренним взором с новой силой разворачивалась сцена.

Его ладони на моей талии. Его горячее дыхание у моих губ. Его потемневший, решительный взгляд за секунду до финальной точки. И поцелуй. Наглый. Без предупреждения. Посреди паркета, на глазах у всей страны. Самоуверенный, невыносимый, но до умопомрачения настоящий.

Я резко открыла глаза и с плеском села в воде.

— Идиот.

Зачем он это сделал? Почему я, вместо того чтобы оттолкнуть его и вклеить пощёчину за срыв хореографии, ответила ему с такой пугающей жадой? И главное — почему он с тех самых пор не сказал мне больше ни слова?!

Злость поднялась внутри меня горячей, неудержимой волной. Я стремительно выбралась из ванной, наскоро накинула на себя первую попавшуюся одежду — тонкий шелковый халат поверх короткой майки и шорт. Даже не потрудившись высушить мокрые волосы, я вихрем вылетела в коридор отеля.

Спустя минуту я уже стояла перед дверью Савицкого и вовсю колотила по ней кулаком. Громко. Требовательно. Снова и снова.

— Открывай сейчас же! — крикнула я в замочную скважину.

Тишина. Я ударила кулаком ещё раз, теряя остатки терпения.

— Савицкий, я знаю, что ты там! Открывай!

Наконец за дверью послышались неторопливые шаги. Щёлкнул замок, створка медленно потянулась на себя... и все заготовленные, тщательно отрепетированные по дороге гневные слова в секунду вылетели у меня из головы.

Артём стоял на пороге босиком. На его бёдрах было небрежно, низко повязано одно лишь белое махровое полотенце. Волосы были абсолютно влажными, капли воды медленно скатывались по рельефной шее, широким плечам и идеальной голой груди. Взгляд парня был слишком спокойным и пронизательным для мужчины, которого только что вызвали на тропу войны.

— Ты с ума сошла, Ланская? — хрипло, с ленивой усмешкой спросил он, оглядывая мой растрёпанный вид.

Вместо ответа я упрямо протиснулась мимо него, буквально врываясь внутрь номера.

— Я пришла сказать тебе, Савицкий, что ты порядочная сволочь и...

Я резко развернулась к нему лицом и только тогда, в полумраке комнаты, по-настоящему, осознанно его увидела. Это полотенце на грани фолла. Капли воды, скользящие по кубикам пресса. Мускулистое тело, которое я еще час назад слишком хорошо, слишком интимно чувствовала в танце.

Мысли испарились. Окончательно. На одну короткую секунду я просто зависла, глядя на него.

И этой секунды Артёму хватило с головой.

Он сделал один стремительный шаг ко мне, мгновенно перехватил мою талию своими большими ладонями и резко притянул вплотную к своему мокрому, горячему телу.

— Что я, Вика? — тихо, с опасной хрипотой спросил он, наклоняясь к моему лицу. — Договаривай.

Я открыла было рот, чтобы выдать очередную колкость, но просто не успела.

Он поцеловал меня.

Жёстко, глубоко, с такой сокрушительной силой, словно сам тоже слишком долго, на пределе возможностей ждал этого момента. Я на автомате упёрлась ладонями в его обнажённую грудь, честно собираясь оттолкнуть его, прекратить этот беспредел. Но кожа под моими пальцами была обжигающе горячей, сильной, живой. И вместо того, чтобы толкнуть, мои пальцы сами собой судорожно сжались, сминая ткань халата.

Я ответила на поцелуй. С яростью. С голодом. Со всем тем безумным напряжением, которое мёртвым грузом копилось между нами с самой первой секунды нашего столкновения в этом отеле.

Артём оторвался от моих губ первым — ровно на один рваный вдох.

— Так ты пришла со мной ругаться, принцесса? — хрипло выдохнул он мне в лицо.

— Я ненавижу тебя, — прошептала я, умирая от подступающего к горлу жара.

— Снова ложь.

И он поцеловал меня ещё раз.

Я сама не поняла, как в следующее мгновение оказалась плотно прижатой спиной к входной двери. Его поцелуи стали медленнее, глубже и в сто раз опаснее — это была уже не спонтанная вспышка адреналина, а самая настоящая, изощрённая пытка. Савицкий касался моих губ так, будто смаковал каждую секунду, будто наперёд знал: я капитулировала, просто моё глупое упрямство ещё отказывается признать это вслух.

Его ладони медленно скользнули вниз по моей талии, на мгновение задержались на изгибе бёдер, а затем уверенно поднялись выше по спине, проникая под тонкую, скользящую

ткань шёлкового халата. От этого прямого прикосновения горячих рук к моей обнажённой коже я судорожно, резко вдохнула.

— Артём... — с трудом вытолкнула я из себя его имя.

— Что? — шепнул он, не прекращая покрывать быстрыми поцелуями уголки моего рта.

— Ты делаешь это специально. Всё специально.

— Да. Даже не отрицаю.

Я честно хотела возмутиться, включить Ланскую, но вместо каких-либо членораздельных слов из моей груди вырвался тихий, слабый стон, когда его губы спустились ниже — к шее. Медленно. Нетерпеливо. Слишком, непозволительно хорошо. Он целовал меня именно там, где лихорадочно бился пульс, там, где кожа мгновенно становилась сверхчувствительной. С каждым новым касанием его губ я всё стремительнее теряла последние крохи своего хвалёного контроля.

— Скажи мне остановиться, Вика, — тихо, давая мне последний призрачный шанс, произнёс он, едва отстраняясь.

Я открыла глаза, встречаясь с его потемневшим, затуманенным от страсти взглядом, и крепче вцепилась пальцами в его плечи.

— Даже не мечтай, Савицкий.

Его короткая усмешка была голодной и торжествующей. Артём легко, одним движением подхватил меня на руки, будто я вообще ничего не весила, и развернувшись, понёс в глубь полутёмного номера — к широкой кровати.

Он аккуратно опустил меня на край постели, ни на секунду не прерывая нашего поцелуя. Я сама потянула его на себя, скользя ладонями по его рельефным плечам и крепкой спине. Гладкая, всё ещё немного влажная после душа кожа под моими пальцами буквально обжигала.

— Это всё... исключительно из-за твоей дурацкой выходки на сцене, — прошептала я в перерыве между поцелуями, пытаюсь сохранить лицо.

— Конечно. Из-за неё.

— И только потому, что я до сих пор дико зла на тебя.

— Особенно поэтому, принцесса.

Я с силой дёрнула его за плечи ближе к себе:

— Самодовольный, невыносимый придурок.

— А ты пришла ко мне сама. Посреди ночи.

Он был абсолютно невыносим. И, чёрт его дери, абсолютно прав.

В какой-то момент мой тонкий халат окончательно соскользнул с плеч, бесформенной кучей упав куда-то вниз. Артём замер на долю секунды, нависая надо мной, и медленно скользнул взглядом по моему телу. И впервые в этом взгляде не было привычной издёвки, насмешки или желания поспорить. Было только откровенное, чистое и глубокое восхищение.

— Не смотри на меня так, Савицкий, — выдохнула я, чувствуя, как краснеют щеки.

— Как — так?

— Будто ты собираешься меня съесть.

Он наклонился к самому моему уху, обжигая кожу горячим дыханием:

— Вика, я уже начал.

По всему телу мгновенно пробежала сильная, крупная дрожь.

Его прикосновения больше не были порывистыми или спешными. Теперь он изучал меня медленно, тягуче, будто задался целью намертво запомнить каждую микроскопическую реакцию моего тела. Каждый рваный вздох. Каждый дрогнувший выдох. Каждое моё робкое движение ему навстречу. Я всё ещё пыталась вяло отвечать какими-то колкостями, пыталась держаться дерзко и независимо, но с каждой проходящей минутой мой голос становился всё тише, а пальцы на его плечах сжимались всё крепче.

— Всё ещё ненавидишь меня, Ланская? — хрипло спросил он, перехватывая мои запястья.

Я посмотрела прямо в его темные, сумасшедшие глаза.

— Сейчас — особенно сильно.

— Прекрасно.

Он снова поцеловал меня. Долго. Глубоко. Так, что в голове не осталось вообще ни одной связной мысли. Только всепоглощающий жар. Только рваное дыхание на двоих. Только он.

Эта ночь полностью растворилась в сорванных простынях, в тихом, хриплом смехе между поцелуями, в его низком голосе у самого уха и моих отчаянных попытках спорить даже тогда, когда наш давний спор уже был окончательно проигран мной. Иногда я слабо толкала его в плечо за очередную порцию самоуверенности. В ответ он ловил мои запястья и в наказание целовал ладони. Иногда мы просто замирали на несколько минут, намертво прижавшись друг к другу, пытаясь перевести дыхание и унять бешеный стук сердец.

И каждый раз в эти моменты затишья я с пугающей чёткостью понимала: я пропала. Окончательно и бесповоротно. Потому что всё происходящее между нами сейчас не было просто глупым физическим желанием.

Это было слишком правильно. Слишком глубоко. И оттого — слишком опасно.

Позже, когда в комнате наконец стало тихо и спокойно, я лежала рядом с Артёмом, уютно устроив голову на его широком плече. Мягкий лунный свет лениво падал через панорамное окно, разрезая полумрак комнаты. Савицкий медленно, задумчиво перебирал пальцами мои всё ещё слегка влажные пряди волос.

— А ведь ты изначально пришла сюда скандалить, — сонно, с лёгкой улыбкой заметил он.

— Предупреждаю: я всё ещё могу начать, — отозвалась я, прикрыв глаза от удовольствия.

— Прямо сейчас или отложим на завтра?

— Пожалуй, отложим на завтра.

Артём тихо хмыкнул, и я почувствовала, как дрогнули мышцы его груди.

— Что ж, буду ждать с нетерпением.

Я приподняла голову и внимательно посмотрела на его расслабленное лицо.

— Савицкий, учти: то, что произошло этой ночью, вообще ничего между нами не меняет. Мы по-прежнему соперники.

— Ну разумеется, — он тепло улыбнулся, притянул меня к себе за талию и нежно поцеловал в лоб. — Вообще ничего не меняет. Кроме всего.

Я снова уткнулась носом в его шею. И впервые за всё время нашего знакомства Виктория Ланская не нашла, что на это возразить.

Глава 17

День результатов

Виктория

Я почти не спала.

Это было глупо и до чертиков смешно. По всем законам логики после такой изматывающей, сумасшедшей ночи с Артёмом тело должно было камнем утонуть в глубокой усталости, а вечно спорящий, ищущий подвох разум — наконец-то заткнуться и дать мне передышку.

Но вместо этого я весь остаток ночи пролежала с широко открытыми глазами, тупо уставившись в белоснежный потолок гостиничного номера.

И снова, и снова, по капле, прокручивала в памяти всё до мельчайших деталей. Его сильные, требовательные руки. Его низкий, хриплый голос у самого моего уха. То, как он смотрел на меня в полумраке — спокойно, уверенно, будто для себя самого он уже очень давно сделал этот выбор.

И то, как легко, чертовски легко я сдала все свои позиции и позволила себе забыть о всякой осторожности.

Я раздражённо перевернулась на бок и с силой зажмурилась.

— Идиот.

Я сама не понимала, кому именно было адресовано это привычное ругательство. Ему? Или всё-таки себе?

Собираться утром на финальную церемонию оказалось в сто раз тяжелее, чем танцевать наш дуэт на паркете. Из-за дикого внутреннего мандража я меняла платье дважды — то одно казалось слишком вызывающим, то другое сидело как-то не так. Дорогую водостойкую тушь пришлось полностью смывать и наносить заново, потому что от глупого волнения у меня откровенно дрожали пальцы.

Это бесило и выводило из себя. Я профессионал. Я умею выходить на сцену перед многотысячной публикой, под прицелы десятков телекамер, не чувствуя ни грамма страха. Мой самоконтроль всегда был идеальной, непробиваемой бронёй. Но одна-единственная ночь с этим мужчиной почему-то разнесла всю мою тщательно выстроенную защиту в щепки.

Я в упор посмотрела на своё отражение в зеркале, глубоко вдохнула и мысленно заставила себя повторить:

«Ты сильная. Ты собранная. Тебе абсолютно всё равно».

Последнее утверждение в моей голове прозвучало особенно фальшиво.

Когда я спустилась, в главном зале уже собрались абсолютно все команды. Стоял оглушительный шум, повсюду раздавался смех, нервные перешёптывания участников и то и дело вспыхивали профессиональные камеры прессы.

Я нашла его взглядом моментально. В ту же секунду.

Артём сидел в самом центре сектора своей команды. Он выглядел максимально расслабленным, вальяжным, будто его вообще ничто в этой жизни не тревожило. Ложь. Чистая, неприкрытая ложь. За недели нашего жесткого противостояния я успела выучить Савицкого как свои пять пальцев: чем более спокойным и равнодушным он казался со стороны, тем сильнее внутри него была натянута тетива напряжения.

В какой-то момент он лениво поднял глаза. Нашёл меня в толпе сразу же, будто тоже безошибочно сканировал пространство.

И на секунду у меня в груди всё просто сбилось с ритма, дыхание перехватило. Я не выдержала этого прямого, знающего взгляда и отвернулась первой. Слабость. Черт бы её побрал.

На сцене наконец появился ведущий, и из динамиков раздались первые официальные объявления командных результатов.

Третье место. Не мы. Я крепко сжала пальцы в замке, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Второе место... Драматическая пауза.

— Команда AETHER!

Наш сектор за моей спиной мгновенно взорвался дикими, оглушительными криками. Девчонки повскакивали со своих мест, начали плакать, визжать и на радостях обнимать друг друга. Я поднялась со своего кресла чисто автоматически. Дежурная, безупречная улыбка появилась на моём лице сама собой — красивая, правильная, идеально подходящая для камер.

Но внутри, где-то под рёбрами, что-то болезненно сжалось. Второе место. Объективно — это хороший, сильный, весомый результат для такого масштабного чемпионата. И всё же... для меня лично он был недостаточным.

Я шла к сцене с идеально прямой спиной, высоко подняв подбородок, и отчетливо чувствовала только одно: я безумно, до зубовного скрежета хотела первое.

На подиуме мне торжественно вручили серебряный кубок, пожали руку, сказали кучу стандартных приятных поздравлений. Я кивала, но почти ничего из этого не слышала. Потому что всё моё существо замерло в ожидании следующего объявления.

— И первое место сегодняшнего чемпионата получает...

Зал буквально зашелся в экстазе ещё до того, как ведущий договорил фразу до конца. Команда Артёма. Ну конечно. Кто бы сомневался.

Его парни кричали, швыряли вверх кепки, вовсю хлопали друг друга по плечам. Савицкий поднялся со своего места внешне абсолютно спокойно, но я стояла близко и четко заметила, как на долю секунды у него жестко дрогнула линия челюсти. Он хотел этой победы. Безумно хотел. И, если быть до конца честной с самой собой, он её заслужил.

И именно это злило меня сильнее всего на свете.

Он уверенно вышел на сцену за своим заслуженным золотом. Я стояла чуть в стороне, крепко прижимая к себе наше серебро, и ощущала внутри дикую, ненормальную смесь обжигающего раздражения и глухой, неконтролируемой гордости. Гордости за него. За мужчину, которого я ещё неделю назад искренне мечтала придушить в репетиционном зале. И которого с такой же яростной страстью целовала прошлой ночью в его номере.

Я сжала металл кубка еще крепче. Это ненормально. Всё, что со мной происходило, было абсолютно ненормально.

Но ведущий на сцене вдруг снова поднял руку, призывая притихший зал к тишине:

— И у нас осталась ещё одна, специальная награда от судейского состава!

Народ в партере заметно оживился, пошёл гул. Я удивленно нахмурилась.

— За самый захватывающий, эмоциональный и профессиональный парный дуэт этого сезона!

Сердце с размаху ударило мне прямо в грудную клетку. Наш дуэт. Наш номер, который мы собирали по кускам сквозь крики и споры. Наш сумасшедший поцелуй на финальной точке, сломавший все утвержденные сценарии. Наш личный хаос, который мы умудрились превратить в искусство.

— Первое место и специальный кубок получают... Виктория Ланская и Артём Савицкий!

На одну бесконечную секунду весь огромный зал со всеми его людьми просто исчез, растворился в воздухе. А затем вернулся — лавиной шума, бешеными аплодисментами и слепящим светом софитов. Лера за моей спиной оглушительно завизжала от восторга.

Я пошла к центру сцены во второй раз за этот день. Снова держа лицо, снова улыбаясь на камеры — красиво и грациозно. Но теперь внутри меня горело вовсе не горькое поражение, а опасное, горячее и почти счастливое волнение.

Я встала с ним рядом. Близко. Слишком близко для людей, которые еще вчера вели открытую войну на выживание.

Его большая, теплая рука уверенно легла на мою открытую спину, притягивая для общего протокольного фото. Движение было легким, почти дежурным, но его пальцы задержались на моей коже чуть дольше и собственнически жестче, чем того требовал банальный этикет. Я почувствовала этот мимолётный жест мгновенно — по телу тут же прокатилась волна знакомого жара.

— Поздравляю, принцесса, — тихо, одними губами сказал он, не поворачивая головы к камере.

— Тебя тоже, Савицкий.

Мой голос, к моему огромному облегчению, прозвучал абсолютно ровно. Хотя сердце внутри колотилось так, словно я только что заново оттанцевала всю нашу сложнейшую программу.

Артём наклонился ко мне чуть ближе, продолжая ослепительно улыбаться бьющим в лицо вспышкам.

— Ты всё ещё злишься на меня за то, что твоя команда взяла второе место?

— Нет, — я тоже повернулась к объективам и выдала свою самую безупречную улыбку. — За второе место я на тебя не злюсь. А вот за первое, которое забрал ты, — да.

Он тихо, хрипло услышал мою шпильку и коротко усмехнулся. Этот бархатный звук прямо у моего уха едва не лишил меня остатков кислорода.

Вспышки фотокамер продолжали слепить глаза. Мы вдвоем крепко держали одну общую награду. Со стороны, для всех этих сотен людей, судей и журналистов, мы, должно быть, казались идеальной, каноничной парой победителей.

Если бы только кто-то из них знал, что всего несколько часов назад я, полностью раздавленная своими же чувствами, лежала у этого мужчины на плече в полумраке номера и отчаянно пыталась убедить себя, что всё это ровным счётом ничего не значит.

— А ведь мы чертовски отлично смотримся вместе, Ланская, — еще тише, так, чтобы слышала только я, произнес он.

Я не выдержала и на секунду повернула голову, глядя на его безупречный профиль:

— Ты имеешь в виду только на сцене?

Артём наконец оторвал взгляд от объективов и посмотрел прямо мне в глаза. Спокойно. Уверенно. Настолько глубоко, будто этот ответ был готов в его голове еще до начала нашего первого танца.

— Уже давно нет, Вика. Уже нет.

Я заставила себя снова отвернуться к камерам, но внутри меня в этот момент рухнули последние сомнения. Я вдруг с абсолютной, кристальной чёткостью поняла: моя самая главная, самая опасная и сокрушительная победа на этом турнире досталась мне вовсе не сейчас, под эти оглушительные овации.

Она случилась сегодня ночью. В той душной темноте его комнаты, когда я впервые в жизни нашла в себе силы отключить контроль и просто перестала с ним бороться.

Глава 18

Побег победительницы

Виктория

После официального награждения реальность окончательно превратилась в бесконечную, изматывающую игру лиц.

Толпа репортёров и фотографов роилась вокруг нас, как потревоженный улей. Они без конца просили повернуться чуть правее. Улыбнуться шире. Поднять кубок выше. Встать к Савицкому ближе. Ещё ближе. И снова улыбнуться. Я физически чувствовала, как лицевые мышцы начинает сводить от тупой, ноющей боли из-за этой натянутой, протокольной вежливости.

Вокруг вовсю шумели взбудораженные команды. Кто-то уже вовсю громко смеялся у столов с искрящимся шампанским, ведущий в микрофон зазывал всех переместиться в банкетный зал на праздничный фуршет. Музыка из динамиков играла слишком громко. Люди вокруг радовались слишком шумно и искренне.

А внутри меня с каждой секундой росло и крепло только одно единственное желание — исчезнуть. Прямо здесь и сейчас. Раствориться, испариться, провалиться сквозь этот чертов паркет, лишь бы не оставаться в этом зале ни одной лишней минуты.

Я выпетила взглядом в толпе Леру и коротко, едва заметно кивнула ей в сторону незаметного технического выхода. Подруга поняла меня без слов.

Через несколько минут вся наша команда в полном составе уже собралась в полутёмном, пустом коридоре далеко за спиной празднующего зала. Уставшие до полусмерти. С тяжёлыми кубками в руках. С немного размазанным, потекшим от душных софитов макияжем и дико гудящими, больными ногами, которые сводило от шпилек. Свои. Родные девчонки, с которыми мы прошли этот ад.

— Девочки, — тихо, стараясь, чтобы голос не дрожал, сказала я, обводя их взглядом. — Только честно. Кто-нибудь из вас вообще хочет оставаться на весь этот официальный цирк?

На несколько секунд в коридоре воцарилась звенящая тишина. Девчонки переглянулись. Наконец Лера устало фыркнула и первая нарушила молчание:

— Лично я хочу только в душ, переодеться в безразмерные спортивные и уехать домой. Ближайшим рейсом.

— Полностью поддерживаю, — глухо отозвалась Мила, массируя затёкшую шею.

— И я.

— И я за.

Я усмехнулась — впервые за весь этот бесконечный, сумасшедший вечер абсолютно искренне, по-настоящему.

— Значит, уезжаем. Прямо сейчас.

Никто из них не задал мне ни одного лишнего вопроса. Никто не стал нудно напоминать о дурацких приличиях или организаторском регламенте. Никто не заикнулся о том, что нужно хотя бы со всеми попрощаться. Мы и так отдали этой сцене слишком много себя за последние недели. Мы выложились без остатка. Имеем право.

Дальше всё завертелось в каком-то лихорадочном, бешеном темпе. Чемоданы в номерах собирались на чистом автомате. Вечерние платья летели в дорожные сумки вперемешку с косметикой, шпильками и тяжёлыми медалями. Лера, не теряя времени, на ходу бронировала через приложение ближайшие билеты на самолёт. Мила параллельно вызывала к отелю вместительный транспорт до аэропорта.

Кто-то из девочек тихо, истерично смеялся от дикой перегрузки и усталости. Кто-то уже спал на ходу, буквально сидя на собственном чемодане в ожидании лифта.

Я двигалась быстрее и чётче всех. Я знала: если я остановлюсь хотя бы на одну несчастную минуту, если позволю себе просто замереть и подумать — я передумаю. Если я передумаю — я останусь в этом городе. А если я останусь здесь до утра — я неизбежно увижу его.

Этого нельзя было допустить ни в коем случае. Мой внутренний предохранитель кричал о том, что это станет моей окончательной катастрофой.

Когда все наши сумки и чемоданы уже стояли ровной линией у лифта на этаже, я глубоко вдохнула и негромко попросила:

— Девочки, дайте мне ровно пять минут. Спуститесь пока вниз, я догоню.

Лера посмотрела на меня долгим, слишком понимающим взглядом. В её глазах читалось абсолютно всё, но она промолчала. Ничего не сказала. Только молча увела девчонок в открывшиеся двери лифта.

Коридор гостиничного этажа встретил меня оглушительной, мертвенной тишиной. Я шла по мягкому ковровину, чувствуя, как каждый шаг даётся с трудом.

Перед дверью его номера я простояла гораздо дольше, чем готова была признать даже самой себе. Сердце в грудной клетке стучало глупо, быстро и как-то зло. Руки слегка подрагивали.

Понимая, что время стремительно истекает, я решительно достала чистый лист бумаги из своей рабочей папки с программой конкурса. Села прямо на широкий подоконник у стены напротив его двери, прижала лист к колену и, почти не задумываясь, начала быстро писать. Строчка за строчкой. Моим ровным, летящим почерком.

Артём.

Спасибо за эту ночь. И за то, что ты действительно умеешь удивлять, когда захочешь.

Ты был потрясающим любовником. Самоуверенным, невыносимым и слишком хорошим в этом. Ненавижу признавать последнее, но это правда.

Но одной этой ночи более чем достаточно, чтобы вовремя понять: повторять подобное нам нельзя. Наши пути расходятся, Савицкий. Мы из совершенно разных городов, а отношения на расстоянии долго не живут. Особенно такие взрывоопасные, как наши с тобой. Мы бы либо окончательно сожгли друг друга дотла в этих спорах, либо начали скучать слишком быстро. И то, и другое меня категорически не устраивает.

Есть и ещё одна причина, самая главная. Из-за тебя я потеряла бдительность. Позволила собственным глупым чувствам и эмоциям отвлечь меня от главной цели. Итог — моя команда заняла лишь второе место. Для кого-то серебро — это великая победа. Для меня — жесткое напоминание о том, что мне нельзя расслабляться ни на секунду. Это непростительная слабость.

Нам нужно тренироваться усерднее. Становиться сильнее. Быть лучше. А для этого в моей жизни сейчас просто нет места никаким отношениям. Даже с мужчиной, который умеет целовать так, что хочется навсегда забыть собственное имя.

Поздравляю с заслуженной победой. Ты её действительно заслужил.

И прощай.

Виктория.

Я быстро перечитала записку один-единственный раз. На секунду мне безумно, до дрожи захотелось порвать этот лист на мелкие клочки. Захотелось дописать туда что-то ещё — что-то глупое, слабое, отчаянное. Захотелось подчистую стереть эту позорную, слишком откровенную строку про его поцелуи.

Вместо этого я резко, наотмашь сложила лист плотным прямоугольником пополам, шагнула к его двери и решительно сунула записку в узкую щель внизу, под деревянное полотно.

На секунду я замерла, почти перестав дышать. Мне показалось, что если прямо сейчас, в это самое мгновение, дверь резко откроется и на пороге возникнет Савицкий — я просто не знаю, что сделаю. Сдамся? Упаду в его руки? Закричу?

Но за дверью его номера царила абсолютная, глухая тишина. Наверное, он всё ещё вовсю праздновал на фуршете внизу. Наверное, громко смеялся в кругу своих друзей. Наверное, он даже не заметит моего внезапного исчезновения из этого отеля до самого утра.

Эта внезапная мысль больно, до крови царапнула где-то глубоко внутри.

— Виктория! — донёсся до меня тихий, зовущий шёпот Леры со стороны лифтового холла.

Я судорожно выдохнула и резко выпрямилась, сбрасывая наваждение.

— Иду! — негромко бросила я в пустоту коридора.

И быстро пошла прочь, больше ни разу не обернувшись назад.

Через двадцать минут наш минивэн уже на полной скорости мчался по тёмной, полупустой ночной трассе по направлению к международному аэропорту.

Девчонки на задних сиденьях тихо дремали, уткнувшись друг другу в плечи. Тяжёлые металлические кубки мерно, негромко звенели в багажнике на ухабах дороги. За тонированным окном автомобиля сплошной полосой мелькали холодные, безликие огни чужого, так и не ставшего родным города.

Я сидела у самого окна, плотно обняв себя руками за плечи, словно пыталась согреться. Экран телефона в моих руках упорно молчал. Ни одного уведомления. Я отчетливо понимала — он ещё просто не вернулся в номер и не видел мою записку. И почему-то внутри я панически, до тошноты боялась того самого момента, когда он её наконец поднимет и прочтёт.

Лера сонно, не открывая глаз, пробормотала с соседнего сиденья:

— Вик... Ты же сама прекрасно понимаешь, что это ещё далеко не конец?

Я даже не повернула головы в её сторону. Мой взгляд оставался намертво прикован к пролетающей мимо темноте.

— Нет, Лера. Это конец.

Я смотрела в чёрное стекло. И в этот момент врал уже не столько своей лучшей подруге, сколько самой себе.

Глава 19

Он не согласен с финалом

Артём

Этот чертов фуршет раздражал меня с самой первой минуты.

Слишком оглушительная, бьющая по барабанным перепонкам музыка. Слишком много бесплатного, безвкусного шампанского. Слишком много фальшивых людей вокруг, которые улыбались так широко и приторно, будто эта ночь и эта победа принадлежали лично им.

Я стоял в стороне, лениво крутя в пальцах бокал, к которому за полчаса так ни разу и не притронулся. Официальное золото чемпионата приятно тяжелило карман, но мне было плевать. Мой взгляд сканировал пространство, выхватывая из толпы лица, но упрямо искал только одного-единственного человека.

Викторию.

Сначала я искал её глазами совершенно спокойно, с ленивой уверенностью. Потом — более настойчиво. Еще через десять минут — с глухим, стремительно нарастающим внутри раздражением.

Ланской не было у фуршетных столов. Не было у главной сцены, где продолжали фотографироваться призёры. Её не было среди шумящих участников её же собственной команды. Её не было вообще нигде в этом огромном зале.

Я решительно направился к парням из своего сектора.

— Тим, где Ланская? Ты её видел? — резко спросил я, перехватывая Тимура за плечо.

Тот недоумённо пожал плечами, отпивая из бокала:

— Да фиг знает, Тём. Минут двадцать точно не видел.

— Может, с девчонками своими ушла в номер переодеться, — предположил кто-то из парней. — Девчонки же, сам понимаешь.

Я ничего не ответил. Развернулся и быстрым шагом пошёл напрямик к дислокации команды AETHER. Там уже вовсю царил атмосфера завершения: пара девчонок лениво собирали со стульев остатки реквизита и костюмов. Леры среди них не было. Милы — тоже.

Это уже выглядело странно. Напряжение внутри меня завязалось в тугой узел. Я поймал за руку одну из участниц их состава, кажется, её звали Аней:

— Викторию видела? Где она?

Девушка отвела взгляд в сторону. Слишком быстро. Слишком неестественно.

— Нет. Не знаю.

Ложь. Я раскусил её в ту же секунду. Насквозь виделась эта глупая лож. И от этого осознания внутри как-то нехорошо, глухо сжалось, а в груди разлилась дурная, предвещающая бурю прохлада.

Я упрямо обошёл ещё несколько соседних команд. Спросил у крутившихся у входа организаторов. Заглянул в пустой, залитый неоновым холл отеля. Вышел на улицу, обдав лицо прохладным ночным воздухом.

Пусто. Ни единого следа.

Достал телефон, набрал её номер. Длинные, безответные гудки, сменяющиеся сухим автоответчиком. Написал короткое: «Ты где?». Сообщение зависло в статусе доставленных, но так и осталось неп прочитанным.

Вот тогда я разозлился по-настоящему. Впервые за весь этот долгий день зубы свело от бешеного, закипающего гнева.

— Только попробуй, Ланская... — процедил я сквозь зубы, сжимая кулаки. — Только попробуй выкинуть какой-нибудь фокус.

Развернувшись, я быстрыми, размашистыми шагами пересёк лобби и поднялся на лифте к себе на этаж. Гостиничный коридор встретил меня абсолютной, мертвой тишиной. Я подошёл к своей двери и дёрнул её на себя гораздо резче и сильнее, чем собирался изначально.

Внутри номера было темно, прохладно и слишком тихо для того урагана, который сейчас бушевал у меня под кожей.

Я вошёл, на автомате швырнул пластиковую ключ-карту на тумбочку у входа. Сделал шаг вглубь комнаты... и тут же замер, заметив на полу у порога белый лист бумаги. Он был аккуратно сложен пополам и явно подсунут под дверь из коридора всего несколько минут назад.

Я застыл на секунду, вглядываясь в этот белый прямоугольник. Потом медленно наклонился и поднял его.

Этот изящный, летящий почерк с идеальным наклоном я узнал сразу. Нашёлся автор.

Я развернул лист. Прочитал один раз. Потом, не веря собственным глазам, перечитал второй. Затем — третий, впиваясь глазами в каждую строчку, написанную её рукой. И с каждым новым словом внутри меня становилось всё жарче, а злость внутри закипала, превращаясь в чистый, концентрированный адреналин.

«Спасибо за ночь». «Потрясающий любовник». «Наши пути расходятся». «В моей жизни сейчас нет места отношениям». «Прощай».

Я со всей силы сжал несчастную бумагу в кулаке, превращая её в мятый ком.

— Ты сейчас серьёзно, Вика?..

Сначала внутри меня поднялось глухое, дикое недоверие. А следом за ним — чистая, обжигающая ярость. Ярость на эту невозможную девчонку. Ярость на самого себя.

На то, что позволил ей уйти первой, не удержал, не проконтролировал. На то, что вообще позволил себе расслабиться и начать что-то к ней чувствовать, кроме чистого спортивного азарта. На то, что эта чертова гордая женщина сумела всего за одну сумасшедшую ночь полностью перевернуть мою душу, переехать меня своими эмоциями — а теперь сбежала на цыпочках, как будто просто закрыла выгодную деловую сделку и помахала ручкой на прощание.

Я резко, шумно выдохнул через нос, пытаюсь унять бешеный стук пульса в висках. Засмеялся — тихо, сухо, без капли радости.

— Нет, моя красавица. Так это дерьмо не работает. Ты не на ту лошадь поставила.

Я сел на край измятой постели, которая всё ещё слабо хранила едва уловимый аромат её шёлкового халата и духов, и уставился в темноту комнаты.

Разные города? Да мне глубоко плевать. Расстояние? Смешно, Ланская, в каком веке ты живёшь? Тренировки и её великая, неприкосновенная карьера? Да я найду её тренировочный зал в её родном городе быстрее, чем её пальцы успеют набрать мне новую глупую отговорку в мессенджере.

Она наивно решила, что может вот так просто, в одностороннем порядке поставить финальную точку в нашей истории короткой шёлковой запиской? Решила, что я покорно приму её дурацкие, высосанные из пальца правила? Что я вежливо скажу ей мысленное «спасибо за отлично проведённое время» и останусь тихо сидеть в своём городе, послушно тренируясь к новому сезону?

Плохо же она меня знала. Чертовски плохо.

Я медленно разгладил измятую записку на своём колене, бережно расправляя бумагу ладонью, и снова въелся взглядом в самую последнюю строчку. «И прощай».

Я криво, хищно усмехнулся в темноту пустого номера.

— Ну уж нет. Никакого «прощай».

Я стремительно поднялся с кровати, достал из кармана брюк мобильный телефон. Быстрыми нажатиями открыл онлайн-табло расписания авиарейсов на ближайшее утро. Скрипнул зубами — её рейс, судя по всему, уже готовился к вылету, или они уже мчались в аэропорт. Ладно.

Затем я открыл официальный сайт её танцевального клуба. Зафиксировал адрес. Пальцы на секунду замерли над виртуальной клавиатурой, открыв окно нашей переписки. Я хотел было написать ей всё, что думаю по поводу её трусливого бегства, но вовремя остановил себя.

Нет. Писать гневные смс-ки — это слишком просто. Это удел слабых. Такое, как то, что произошло между нами, говорят исключительно лично. Глядя глаза в глаза. Так, чтобы она не смогла отвернуться или соврать.

Я решительно убрал заблокированный телефон обратно в карман. В моих глазах, отражавшихся в тёмном стекле окна, зажглась та самая опасная, абсолютно спокойная и холодная решимость, которую до дрожи в коленях знали все мои соперники на паркете. Если Савицкий шёл напролом — его было уже не остановить. Никакими силами.

— Ну держись, Ланская, — тихо, со вкусом произнёс я в пространство пустого гостиничного номера. — Жди гостей. Я приеду. Очень скоро.

И ты лично, стоя передо мной, объяснишь мне всю эту несусветную чушь, что засела в твоей красивой, упрямой голове.

Я бросил короткий взгляд на разглаженную записку, лежащую на тумбочке, и улыбнулся — на этот раз абсолютно хищно, уверенно и по-настоящему.

— И ты перестанешь от меня убегать, принцесса. Я тебе гарантирую.

Глава 20

Безумная идея

Артём

Прошла неделя.

Семь чертовых дней. Семь изматывающих тренировок, на которых я гонял парней до седьмого пота, выжимая из них и из себя последние силы. Семь бесконечных ночей, в которые я засыпал преступно поздно, ворочаясь на простынях, а просыпался стабильно злым и невыспавшимся.

Семь дней без Виктории Ланской.

Первые двое суток я искренне думал, что время всё остудит. Разотрет это дурацкое наваждение в порошок, сделает ситуацию смешной и незначительной. Покажет, что всё произошедшее между нами — просто яркая, мимолётная история на выезде. Короткая вспышка после тяжелых соревнований, банальная химия, замешанная на чистом адреналине и многонедельном соперничестве.

Но время ничего не остудило. Наоборот.

С каждым прошедшим днём её дурацкая записка бесила меня всё сильнее, а написанные ровным почерком строчки буквально выжигались на подкорке. С каждым днём я всё яснее, отчетливее понимал: дело тут уже давно не в моей уязвленной мужской гордости. И даже не в том, что она посмела уйти первой, оставив последнее слово за собой.

Я скучал. Банально, дико, до зубовного скрежета скучал.

По её язвительным, острым репликам, которые она отпускала с самым невозмутимым видом. По тому, как она раздражённо закатывала свои красивые глаза, когда я намеренно выводил её из себя. По её абсолютному, непробиваемому упрямству. По этому гордому взгляду королевы паркета, который поначалу бесил меня до дрожи, а потом намертво привязал к себе и больше не отпускал. По тому, как именно она произносила моё имя — всегда с какой-то особенной, только ей присущей интонацией, будто не звала, а ругалась.

Это было ненормально. Я никогда не залипал на баб до такой степени. Никогда не позволял им так глубоко пролезать мне под кожу.

После очередной тяжелой вечерней репетиции наш зал постепенно пустел. Оглушительный бит музыки наконец стих, сменившись мерным гудением вентиляции. Кто-то из младшего состава лениво вытирал шваброй глянцевый пол, покрытый следами от кроссовок. Кто-то жадно пил ледяную воду прямо из пластиковой бутылки, тяжело дыша. Парни из основы лениво переговаривались у дальнего окна, громко смеясь над чьей-то глупой ошибкой в сегодняшней новой связке.

Я стоял у огромного зеркала, опершись ладонями на станок, и молча смотрел на свою команду через отражение.

Мои люди. Моя банда. Те, с кем я прошёл огонь, воду и медные трубы за эти годы. Победы на крупнейших чемпионатах. Горькие, опустошающие поражения. Изнурительные ночные тренировки, когда ноги отказывались служить. Серьёзные травмы, после которых мы вместе собирали друг друга по кускам. Пьяные, сумасшедшие празднования до утра и те самые молчаливые, угрюмые поездки домой в пустом автобусе после обидных проигрышей.

Мы давно были чем-то гораздо большим, чем просто танцевальная команда. Мы были семьёй. Настоящей, со своими заскоками, но преданной до конца.

И именно поэтому сейчас, принимая самое безумное решение в своей жизни, я меньше всего на свете хотел уезжать туда один. Мне нужен был мой тыл. Моя стая.

— Эй, народ, не разбегайтесь, — негромко, но веско сказал я, выпрямляясь и оборачиваясь к залу. — Останьтесь на пару минут. Разговор есть.

Голоса в зале тут же стихли. Парни обернулись. Тимур, мой заместитель и по совместительству лучший друг, первым нахмурился, уловив перемену в моём голосе:

— Так, Савицкий, что за загробный тон? Ты нас пугаешь.

— Если ты сейчас на полном серьёзе скажешь, что женишься, я прямо сейчас разворачиваюсь и уйду, — хмыкнул Макс, закидывая полотенце на плечо.

Привычный одобрительный смех прокатился по залу. Но я в ответ даже не улыбнулся. Моё лицо оставалось абсолютно непроницаемым. И именно эта деталь насторожила парней сильнее, чем любые самые громкие слова. Шутки мгновенно сошли на нет.

Они молча подошли ближе, собравшись вокруг меня плотным полукругом у края сцены. Потные, уставшие после трёхчасового прогона, с полотенцами на плечах. Они смотрели на меня в упор. Ждали.

Я коротко провёл ладонью по затылку, чувствуя странное, несвойственное мне волнение. Черт, да я перед финалом чемпионата неделю назад нервничал в разы меньше, чем сейчас, стоя перед своими же пацанами.

— В общем... у меня тут появилась одна идея, — начал я.

— Так, если идея у тебя, значит, нам всем уже заочно плохо, — не удержался и пробормотал под нос Тимур.

— Помолчи, Тим. — Я глубоко выдохнул, собираясь с мыслями, и выдал на одном дыхании: — Я хочу уехать.

— Куда это? — нахмурился Макс.

— К Виктории. В её город.

Тишина накрыла репетиционный зал мгновенно. Настолько плотная, тяжёлая и звенящая, что в этой паузе стало отчетливо слышно ровное гудение люминесцентных ламп под высоким потолком. Никто больше не шутил. Никто даже не шевелился.

Тимур медленно, как в замедленной съемке, моргнул, переваривая услышанное:

— Повтори-ка. Я, кажется, ослышался.

— Я хочу поехать к Виктории Ланской, — чётко, разделяя каждое слово, повторил я.

— Тём, ты заболел? — совершенно спокойно, без капли издевки уточнил Макс, пристально вглядываясь в моё лицо. — Подхватил чего на чемпионате?

— Возможно.

— Температуру мерил? Мозги на месте?

— Заткнитесь оба.

Несколько человек из младшего состава не выдержали и прыснули со смеху в кулак, но, поймав мой жесткий взгляд, быстро снова замолчали.

Я сделал уверенный шаг вперёд, сокращая дистанцию:

— Я абсолютно серьёзно, парней. Без шуток.

Я крайне редко говорил с ними о личном. Почти никогда. Мои романы и интрижки всегда оставались за пределами танцевального зала, и команда прекрасно знала это железное правило. Если Савицкий заговорил о женщине здесь — случилось что-то из ряда вон выходящее. Именно поэтому сейчас вся основа слушала меня предельно внимательно.

— Она уехала тогда ночью молча. Ничего не сказав. Просто оставила мне записку в номере под дверью. Решила всё за нас двоих, понимаете? Как она это обычно делает — гордо, сука, и бескомпромиссно.

— А мне уже заочно нравится эта девчонка, — негромко буркнул Тимур, скрестив руки на груди. — С характером баба.

— И я не собираюсь оставлять всё так, как она написала, — отрезал я и поднял на парней прямой взгляд. — Я могу поехать туда один.

Эта фраза далась мне тяжелее всего. Потому что врать себе было бессмысленно — я действительно не хотел ехать туда в одиночку. Я терпеть не мог заявляться в новые, чужие

города без своей проверенной банды. Без этого привычного, создающего правильный хаос шума рядом. Без ментального ощущения надёжного братского плеча. Без людей, которые знают тебя настоящего, со всеми твоими косяками и скелетами в шкафу, и которых ничем не удивишь.

— Либо... — я сделал намеренную, тяжелую паузу, обводя их выжидающим взглядом. — Либо мы едем туда все вместе. Полным составом. Расценим это как новый город, новый зал, новые мощные баттлы на их территории. Устроим себе мини-отпуск после сезона. Пошумим. И заодно... я верну одну слишком упрямую принцессу к суровой реальности. Ну? Что скажете?

На этот раз тишина в зале сменилась другой. Живой. Тягучей, мучительно долгой и прощупывающей.

Я смотрел на лица своих друзей, и где-то глубоко внутри меня впервые за всю эту чертову неделю шевельнулся самый настоящий, глупый страх. Страх того, что они сейчас просто дружно посмеются надо мной. Откажут. Скажут, что вся эта история — моя личная любовная драма, придурь и блажь, и разбираться с ней я должен исключительно сам, не втягивая команду.

Я бы их понял. Объективно — они имели на это полное право. Но всё равно такой ответ ударил бы по мне знатно и больно. Потому что к этим парням я был привязан гораздо сильнее, чем когда-либо признавал вслух.

Тимур первым нарушил молчание. Он задумчиво почесал щетину на подбородке, прищурился:

— То есть... давай проясним, чтобы я правильно понимал общую картину. Ты на полном серьёзе зовёшь всю команду в другой город, за сотни километров, чисто для того, чтобы помочь тебе преследовать девчонку, которая красиво послала тебя в текстовом виде?

— Я так и знал, Тим, что ты всё извратишь и опошлишь.

— Я не опошляю, Савицкий. Я просто уточняю технические детали нашей будущей спецоперации.

Макс сзади лениво поднял руку:

— Слушай, а город-то хоть хороший? Куда едем?

— Очень хороший. Большой.

— Тёплый? Южный?

— Нет. Сибирь. Там прохладно.

— Ну, блин, уже хуже, — разочарованно протянул Макс.

Короткий, живой смех снова прошёл по кругу парней. Но я по-прежнему не смеялся. Я упрямо ждал их окончательного вердикта. Ждал слишком серьёзно, слишком напряженно. И ребята, слава богу, это отлично заметили.

Тимур посмотрел на меня уже без капли прежней иронии. Внимательно. Насквозь видя моё состояние.

— Тём... Ты реально влип, да? По-крупному?

Я промолчал. Не стал ничего отрицать, просто зафиксировал его взгляд. Этого красноречивого молчания парням хватило с головой.

— Настолько сильно? — тихо, без подколов спросил лучший друг.

Я отвёл глаза в сторону, глухо бросив:

— Достаточно, Тим. Более чем.

В зале снова на секунду стало тихо. Команда переглянулась между собой. Годы, проведённые в одном зале спина к спине, давно научили нас понимать друг друга по малейшим мимическим знакам и паузам гораздо лучше, чем обычные люди понимают друг друга в долгих разговорах.

Макс вдруг шумно, со свистом выдохнул воздух через нос и первым нарушил тишину:

— Ну... раз наш признанный ледяной принц и бескомпромиссный капитан наконец-то стал похож на нормального живого человека с чувствами...

— Макс, следи за своим длинным языком, — беззлобно огрызнулся я.

— ...то кто мы такие, черт возьми, чтобы пропустить это грандиозное шоу? — с широкой усмешкой закончил он.

Кто-то из парней сзади громко рассмеялся, кто-то согласно бабахнул ладонями по коленям. Тимур обречённо качнул головой, в его глазах зажглись привычные весёлые искры.

— Я искренне ненавижу себя за то, что сейчас скажу, Савицкий.

Он наклонился, подхватил свою тяжелую спортивную сумку с пола и закинул её на плечо:

— Но мы в деле. Едем.

Я на секунду буквально замер на месте, не веря, что всё прошло так гладко.

— Серьёзно? Вы согласны?

— Нет, блин, шутим мы так, лица у всех просто серьёзные! Конечно серьёзно, идиот, — беззлобно хохотнул Тимур.

Ещё двое парней из основы уже вовсю доставали из карманов телефоны, быстро заходя в дорожные приложения:

— Так, Савицкий, когда ориентировочно выезд? На какие даты билеты смотреть?

— Есть вообще где жить всей нашей ораве в этом вашем городе? Или нам палатки у её зала разбивать?

— Слушай, а в этой её команде, ну, в этой... как её... AETHER, там девчонки вообще красивые? Лучше, чем наши местные?

— Закрой свой рот, Макс, ради всего святого!

Привычный, оглушительный и такой родной шум вернулся в репетиционный зал мгновенно. Парни тут же начали бурно спорить, перекрикивать друг друга, планировать маршрут и прикидывать логистику. Всё вернулось на свои круги. Обычная, сумасшедшая преддорожная суета.

Только у меня в груди в этот момент какая-то тяжелая, ледяная глыба, давившая на сердце всю неделю, наконец-то со скрежетом сдвинулась с места. Я впервые за семь дней искренне усмехнулся и чуть опустил голову, пряча эмоции:

— Спасибо, пацаны. Правда.

Тимур тут же картинно скривился, проходя мимо меня к выходу:

— Так, Савицкий, избавь нас от этой ванили. Не позорь команду такими сопливыми словами.

— И не вздумай тут еще расплакаться от избытка чувств, а то мы передумаем, — со смехом добавил Макс, уворачиваясь от моего замаха.

— Я вас обоих сейчас лично придушу прямо здесь, — пообещал я.

— Вот! Вот теперь наш нормальный, злой капитан вернулся в строй. А то ходил как пыльным мешком прибитый.

Чуть позже, когда парни уже вовсю разбрелись по раздевалке, продолжая наперебой орать и спорить о билетах, я подошел к своему рюкзаку. Спокойно расстегнул молнию, залез в боковой карман и бережно достал оттуда ту самую сложенную, слегка примятую записку Виктории.

В сотый раз въелся глазами в её финальную строчку. «И прощай».

Я медленно, предвкушающе улыбнулся, пряча листок обратно.

— Вообще не угадала, Ланская. Жди. Мы выезжаем.

Глава 21

Без него всё громче

Виктория

Прошло две недели.

Четырнадцать долгих, изнуряющих дней. Четырнадцать рассветов, в которые я просыпалась с одной-единственной навязчивой мыслью: ну вот сегодня точно станет легче. Сегодня эта глупая, фантомная тяга наконец-то отпустит.

Не стало. Ни капли.

И я злилась на себя за это особенно сильно, до ментальной тошноты. Потому что по всем законам логики, гордости и банального здравого смысла всё должно было закончиться там, в душном номере гостиницы. Ночь. Отрезанные от внешнего мира эмоции. Сумасшедший, чистый адреналин после тяжелейших соревнований. Красивая, яркая ошибка, у которой изначально не могло быть никакого продолжения. Такие вещи циничные люди вроде меня оставляют в чужом городе — вместе с использованными посадочными талонами на самолет и мятыми чеками из баров.

Но Артём Савицкий почему-то остался со мной.

Не рядом, нет. Он прочно обосновался у меня в голове. В теле, которое до сих пор помнило каждое его прикосновение. В памяти, услужливо подкидывающей его наглую ухмылку. В постоянном, фоновом раздражении. В звенящей тишине пустой квартиры.

Это бесило так, что порой хотелось быть.

Наши репетиции с «AETHER» всю эту неделю шли отвратительно. Я стояла посреди зала, босиком на холодном паркете, с наспех завязанными в высокий, тугой хвост волосами, и в сотый раз раздраженно выключала музыку на середине трека.

— Нет. Все не то. Стоп, — глухо бросала я в пространство.

Девочки молча, тяжело дыша, смотрели на меня. Я упрямо подходила к пульту и включала дорожку заново.

Три восьмёрки. Резкий поворот. Тяжелое падение в пол. Быстрый, техничный подъём через плечо.

Всё было слишком знакомо. Слишком безопасно для меня. Слишком пусто и безэмоционально.

— Нет! — почти выкрикнула я.

Колонка глухо щёлкнула от резкой, внезапной паузы. Лера, обессиленно выдохнув, опустилась прямо на пол и вытянула затекшие ноги.

— Вик... может, сегодня просто не день для этой связки? — негромко спросила она, вытирая пот со лба.

— У нас уже две недели не день, Лер.

Я ходила по залу быстрыми, рваными шагами, крепко обнимая себя за локти, словно пыталась удержать разлетающиеся вдребезги мысли. Контемпорари всегда был моим главным лекарством, моим абсолютным спасением от любых жизненных штормов. Когда больно — просто танцуй. Когда страшно — закрывай глаза и танцуй. Когда не знаешь, как сказать словами — вырази это через движение.

Но сейчас даже это проверенное годами средство не работало. Потому что внутри меня скопилось слишком много хаоса, с которым я не могла совладать.

Я подошла к огромному зеркалу вплотную. Посмотрела на своё отражение, выискивая в себе прежнюю Викторию Ланскую. Уставшее лицо. Жёсткий, почти затравленный взгляд. Намертво сжатые, побледневшие губы.

— Что мне делать? — едва слышно, одними губами спросила я саму себя.

Поставить чистый, классический контемп? Тонкий, глубоко эмоциональный, технически безупречный. То, что от меня привыкли видеть абсолютно все. То, что от меня ждет судейская коллегия.

Или... вписать сюда совершенно другой, чужой стиль? Наступить на горло собственной песне, сломать себя же. Добавить жесткой резкости. Качающего, приземленного грува. Смелого, рваного импульса. Намертво смешать наши идеальные, выверенные линии с чем-то откровенно уличным, живым, грязным и дерзким.

Сделать номер, который никто и никогда от меня не ждёт. Сделать что-то кардинально новое. Сделать что-то... из его мира?

Я резко, испугавшись собственных мыслей, отвернулась от зеркала.

— Нет. Исключено.

Лера на полу удивленно подняла бровь:

— Ты сейчас с кем споришь, Ланская?

— С глупостью.

— Понятно, — хмыкнула подруга. — Значит, со своей собственной головой.

Репетиция тем временем разваливалась окончательно, превращаясь в какой-то фарс. Мила то и дело путалась в простейших перестроениях, Настя безнадежно сбилась с четкого музыкального акцента. Я видела это, теряла контроль и откровенно срывалась на девчонок, крича на весь зал. А потом, ловя их растерянные взгляды, злилась за эту слабость еще больше.

— С начала! — рявкнула я, занимая исходную позицию. — Быстро!

Никто даже не двинулся с места.

Я удивленно подняла взгляд. Девочки стояли на своих точках, как вкопанные. Уставшие, взмыленные, раздражённые моим поведением, но... не испуганные. Свои люди не боятся моего гнева, они слишком хорошо меня знают.

Лера поднялась на ноги и подошла ко мне первой. Мягко, но настойчиво перехватила мою руку:

— Всё, Вика. Стоп. Хватит.

— Лера, мы не доработали переход—

— Нет, Вика, теперь ты молча постоишь и послушаешь, — перебила она, уперев руки в бедра и глядя мне прямо в глаза. — Ты сейчас не номер для команды ставишь. Ты в этом зале воюешь с призраком.

Я буквально застыла на месте, чувствуя, как внутри всё обрывается.

— Очень поэтично, Лер. Тебе бы стихи писать.

— Зато очень правдиво, — отрезала она.

Мила подошла следом, несмело добавив:

— Вик, ты как будто пытаешься доказать кому-то невидимому, что тебе абсолютно всё равно.

— Мне и так всё равно, — процедила я сквозь зубы.

Три пары глаз одновременно выразили такое глубокое, абсолютное недоверие, что мне стало почти физически дурно. Это было унижительно. Моя команда видела меня насквозь.

Настя с досадой плюхнулась обратно на пол и сердито вытерла лицо краем футболки:

— Ладно. Раз уж мы все тут коллективно страдаем и сходим с ума... у меня есть одно дельное предложение.

Я устало, без былой злости посмотрела на неё:

— Насть, если это предложение выпить в ближайшем баре, то я согласна прямо сейчас.

— Почти, — она слабо улыбнулась. — Через месяц пройдут крупные региональные соревнования. В соседнем городе. Там будет полный комплект: командный блок, соло, экспериментальные постановки.

Лера тут же оживилась, в её глазах загорелся знакомый азарт:

— Точно! Я тоже слышала про них. Там собирается нормальное судейство, никакой предвзятости.

Мила согласно щёлкнула пальцами в воздухе:

— И призовые в этот раз обещают действительно хорошие. Можно обновить костюмы.

Я нахмурилась, чувствуя, как рабочие шестеренки в голове начинают со скрипом проворачиваться:

— И? Что вы предлагаете?

Настя широко, предвкушающе улыбнулась:

— И мы идём туда, Вик. Полным составом.

Сначала в репетиционном зале воцарилась тишина. А потом я отчетливо почувствовала, как внутри меня что-то резко, со щелчком зацепилось за эту шальную мысль.

Новые соревнования. Четкий, осязаемый срок. Конкретная цель. Сцена. Дедлайн. То, что не оставляет в сутках ни единой лишней минуты, чтобы сидеть и страдать по какому-то наглому парню. То, что требует немедленно собраться, завязать эмоции в узел и пахать. То, что спасало и вытаскивало меня из любых жизненных ям всегда.

Я непроизвольно выпрямилась, расправляя плечи. Осанка королевы вернулась на место.

— Когда заканчивается регистрация?

Лера звонко рассмеялась, переглянувшись с девчонками:

— О, ну слава богу, вот теперь наша Ланская наконец-то вернулась в строй.

— Когда регистрация, я спрашиваю? — повторила я уже жестче, деловым тоном.

— Через три дня закрывают списки.

— Что по составам?

— Можно менять и корректировать до последней недели.

— Какие именно категории представлены?

— Есть номинация «экспериментал», — тихо произнесла Настя.

Я замерла, переваривая последнее слово. Экспериментал.

Полная, абсолютная свобода от дурацких академических рамок. Смешение любых, самых несочетаемых стилей. Никаких жестких правил. Никаких завышенных ожиданий в духе «Ну, Виктория Ланская должна танцевать только чистый, вылизанный контемпорари».

Сердце в груди ударило быстрее, разгоняя застоявшуюся кровь. Я решительным шагом подошла к колонке, на ходу листая плейлист в телефоне. Нашла трек, который скачала совершенно случайно и до этого дня не решалась даже включить на репетиции.

Нажала «play».

Зал накрыло тяжелым, качающим городским битом, поверх которого накладывались тревожные, пронзительные струнные аккорды. Музыка была неровной, дерзкой, пульсирующей и невероятно живой. Совсем не моей. Не в стиле «AETHER».

И именно поэтому она была мне сейчас жизненно необходима.

Я медленно повернулась к замершим девчонкам.

— Строемся в шахматку. Живо.

Лера предвкушающе усмехнулась, занимая свою точку:

— Что в итоге ставим, шеф?

Я медленно улыбнулась — впервые за две долгие, чертовы недели. И от этой улыбки внутри наконец-то разлилось привычное, горячее пламя.

— Кое-что абсолютно новое.

— Контемп отменяется? — крикнула Мила из глубины зала.

Я качнула головой:

— Контемпорари будет нашей основой. Нашим скелетом.

А затем я снова бросила быстрый взгляд в зеркало. На себя. На женщину, которая слишком долго и глупо пыталась остаться прежней, удерживая разваливающиеся границы.

Глава 22

— Но в этот раз мы добавим туда чертова огня.

Мощный бит ударил по ушам, вибрируя в стенах зала. Я шагнула вперед, делая первый резкий, ломаный импульс руками. И впервые за очень долгое время моё соскучившееся тело захотело двигаться быстрее, чем включилась холодная голова.

Что-то новое

Виктория

Музыка ударила в зал низким басом. Тяжёлым. Пульсирующим. Разрывающим пространство на мелкие куски.

Это было совсем не то, что я обычно выбирала для наших постановок. Под такую музыку не плачут телом, изливая душу в изящных арабесках. Под такое дерутся. Насмерть. До последнего вздоха.

И именно это мне сейчас было нужно больше всего на свете.

Я шагнула вперёд первой, полностью отдаваясь звуковой волне. Резкий выброс руки. Ломаный корпус, идущий наперекор всем законам классической эстетики. Срыв вниз, прямо в жесткий пол. Быстрый, толчковый подъём через колено.

В этом не было прежней выверенной линии. Не было мягкой плавности. Не было моей привычной, женственной точности.

В этом была чистая сила. Голод. Дикая, первобытная злость и звенящая честность.

Я краем уха услышала, как Лера сзади тихо, восхищенно присвистнула:

— Ого...

— Закрой рот и считай трек, — резко бросила я, не останавливая движения.

Но внутри меня в этот момент что-то дрогнуло и перевернулось. Потому что моё истосковавшееся тело будто ждало именно этого сумасшедшего ритма. Ждало возможности не прятать больше удушающие чувства в красивых, отрепетированных до автоматизма движениях, а просто взять и с мясом выбросить их наружу, на этот глянцевый паркет.

— Ещё раз с начала! — скомандовала я, тяжело дыша и вытирая тыльной стороной ладони капли пота со лба.

Теперь девочки уже стояли в разы собраннее. Внимательнее. Избирательнее. Даже привычная усталость после тяжелого дня мгновенно ушла с их лиц, сменившись чистым творческим азартом. Я начала быстро, на ходу расставлять новые позиции по залу:

— Настя — уходишь левой диагональю назад. Мила — держишься ниже уровнем, работаешь в партере. Лера, сразу после второго мощного удара музыки заходишь в самый центр через низкий слайд.

Лера, запыхавшись, посмотрела на меня с шальной улыбкой:

— Ланская, ты сейчас нормальная или гениальная?

— Пока просто очень злая, — отрезала я.

— То есть вдохновлённая, я поняла, — расхохоталась она.

Я шутя швырнула в неё примятое полотенце. Подруга ловко увернулась, и в зале впервые за все эти долгие, душные недели наконец-то стало легко и свободно дышать. Появился воздух.

Мы неотрывно гоняли первые сорок секунд нового номера почти час. Я останавливала девчонок каждые две минуты. Переделывала связки на ходу. Безжалостно ломала рисунок танца. Снова собирала его из осколков. Раньше подобная рутина вымотала бы меня до основания, лишила бы последних сил. Сегодня — наоборот, оживляла. Дарила мощный прилив адреналина.

Потому что у меня наконец-то появилось четкое направление. Намёк на цель. Возможность не думать неотрывно о нём. Не думать о дурацких записках, его гнетущем молчании и

той безумной ночи в гостинице. Думать исключительно о счетах. О геометрии диагоналей. О чистоте переходов. О том, как на третьем музыкальном акценте сделать такой мощный взрыв, после которого весь судейский зал на соревнованиях просто замрёт в оцепенении.

Это было безопаснее. Намного безопаснее, чем копать в собственной раненой гордости.

— Вика.

Я медленно обернулась на зов. Лера уже сидела на полу у стены, крепко обнимая ногами пластиковую бутылку с водой.

— Что?

— Можно честно?

— Это сейчас прозвучало как скрытая угроза, — прищурилась я, уперев руки в бока. — Продолжай.

— Ты ставишь не просто хореографию для региональных, — тихо, но веско произнесла подруга, глядя на меня снизу вверх. — Ты ставишь на паркете то, что сейчас с тобой происходит.

Я промолчала, не зная, что ответить на эту внезапную атаку. А Лера упрямо ткнула указательным пальцем в сторону светящейся синим диодом колонки:

— Посмотри сама. Сначала идет закрытая, холодная, неприступная стерва. Потом этот тяжелый бит врезается — и всё к чертям летит. Потом судорожный контроль. Потом опять срыв. И снова контроль.

Я смотрела на неё слишком долго. Настолько долго, что пауза стала почти осязаемой.

— Тебя иногда очень сильно хочется выгнать из команды, Лер. За излишнюю проницательность.

— Но я ведь права, — мягко парировала она.

К огромному моему сожалению, она была права на все сто процентов.

Я медленно отвернулась к зеркалу, снова пристально посмотрев на саму себя. В моих новых движениях действительно сквозило слишком много голой, неотогретой правды. Там был неприкрытый конфликт. Там было бешеное, запретное желание. Там была чистая злость. Там отчетливо читалось то, как этот наглый парень ломал мой привычный, размеренный ритм жизни всего одним своим уверенным взглядом. И то, как я изо всех сил делала вид перед всем миром, что мне абсолютно всё равно.

И то, как я продолжаю трусливо врать себе до сих пор.

Я резко, одним движением выключила музыку. Внезапно наступившая тишина ударила по барабанным перепонкам гораздо сильнее любого низкого баса.

— Перерыв десять минут, — выдохнула я в пространство.

Девочки мгновенно, без лишних слов расселись по углам зала, вытягивая уставшие ноги. А я на ватных ногах подошла к огромному панорамному окну.

На улице стремительно темнело. Огромный город за стеклом жил своей привычной, суетливой и абсолютно равнодушной к моим драмам жизнью. Машины подсвечивали проспекты красными и белыми неоновыми лентами фар. Горели витрины. Двигались силуэты. Кто-то в этот предвыходной вечер спешил домой к семье. Кто-то бежал на романтическое свидание. Кто-то возвращался к любимому человеку.

Я непроизвольно скривилась от собственных приторных мыслей. Тряпка.

Мой телефон сиротливо лежал на подоконнике, повернутый экраном вниз. Я принципиально не брала его в руки почти всю репетицию, наказывая себя. Теперь медленно протянула руку и перевернула.

Ноль новых сообщений. Ноль пропущенных звонков. Ноль вообще всего. Полный, абсолютный вакуум.

Странно и удивительно, как можно одновременно до боли в зубах хотеть этой спасительной тишины и в то же время так бешено, исступленно злиться на неё.

— Всё ещё ждешь какого-то знака? — негромко спросила подошедшая сзади Лера.

— Нет, — отрезала я, не оборачиваясь.

— Врёшь отвратительно, Ланская. На троечку.

— Иди пей свою воду, Лер. Не лезь под кожу.

Она сделала еще шаг ближе, становясь рядом со мной у стекла и глядя на те же огни ночного города:

— Вика... если человек действительно стал нужен, это еще не значит, что ты проявила слабость.

— Если человек из другой, враждебной команды вдруг становится нужен, это называется по-другому, Лер. Это называется — проблема. Большие, серьезные проблемы с головой.

— Только для тебя одной, — тихо вздохнула подруга.

Я ничего не ответила, снова замыкаясь в себе.

Ровно через десять минут мы без лишних разговоров снова включили музыку. На этот раз я решительно добавила в прогон самую сложную, концептуальную середину номера. Наши привычные, летящие контемпорари-линии теперь безжалостно разрезались резкими, ломаными акцентами. Мягкий, волнообразный проход корпуса внезапно переходил в жесткий, почти хип-хоповый низкий грув. Каждое падение в пол завершалось резким, бескомпромиссным стопом.

Классическая красота лоб в лоб сталкивалась с уличной дерзостью. И, черт возьми, как будто эти две абсолютно несовместимые, полярные вещи внезапно начали работать вместе, создавая сумасшедший резонанс.

Я замерла на долю секунды посреди зала, чувствуя, как сердце в груди стукнуло сильнее, пропуская удар.

Вот оно. Вот оно! Это именно то, что я так судорожно искала все эти четырнадцать дней.

Я тяжело дыша посмотрела на запыхавшихся девочек:

— Чувствуете? Ловите этот кач?

Мила восторженно кивнула первой, вытирая пот со щеки:

— Это просто огонь, Вик! Настоящий пожар.

Настя устало, но очень тепло улыбнулась:

— Если честно, это вообще не ты, Ланская. Не в твоём стиле.

Лера медленно покачала головой, глядя на меня со странным, глубоким уважением:

— Нет, Насть, ты не права. Это как раз она. Настоящая. Та, которую она прятала за своими идеальными кубками.

Я медленно, глубоко вдохнула прохладный воздух зала. Возможно. Возможно, они правы. Или же я прямо сейчас, на их глазах, окончательно становлюсь кем-то совершенно новой.

Музыка зашла на очередной повтор, взрывая тишину басами. Я уверенно шагнула в самый центр шахматки. И впервые за очень, очень долгое время я больше не пыталась убежать от самой себя.

Глава 23

Новый город. Старые проблемы.

Артём

Новый город встретил нас пронизывающим ветром, низким серым небом и привычным, суевливым хаосом привокзальной площади.

Идеально. Самая подходящая для меня атмосфера.

Я всегда любил это странное чувство — приезжать туда, где тебе абсолютно ничего не принадлежит. Где можно стереть прежние настройки и начать всё с чистого листа. Где никто не знает твоего имени, твоих прошлых заслуг и промахов. Жаль только, что в этот раз я приехал сюда вовсе не за новым, многообещающим началом. Я приехал за конкретной женщиной, которая почему-то решила, что имеет полное право красиво и беззвучно исчезнуть из моей жизни.

Мы обустроились неожиданно быстро, без лишней волокиты. Сняли через знакомых приличные, просторные апартаменты на несколько комнат, оперативно нашли свободный зал для тренировок на ближайший месяц и раскидали вещи по шкафам. Парни уже через час после заселения всю спорили, где в этом районе лучше кормят и в каком месте больше шансов познакомиться с местными девчонками.

Они вели себя так, будто мы приехали в самый настоящий отпуск.

Тимур с размаху хлопнул меня по плечу, вырывая из мыслей:

— Ну что, влюблённый, куда сначала поведёшь нас смотреть достопримечательности? На главную площадь или сразу к её дому?

— Иди сам смотри, Тим. Пешком, — огрызнулся я, не поворачивая головы.

— Не, одному уже неинтересно, — лениво протянул друг, ухмыляясь. — Я хочу лично присутствовать при том моменте, когда тебя будут показательно унижать.

— Мечтай больше.

Макс подхватил со стула свой легкий рюкзак и направился к выходу:

— Ладно, Савицкий, мы пошли изучать местную географию. Если вдруг случайно откопаешь свою фурию — сними хоть видео на память, поржём.

— Исчезните оба, — бросил я им вдогонку.

Они ушли, громко смеясь на весь коридор. И слава богу. Потому что на этот день у меня были свои собственные, четкие планы.

Я нашёл точный адрес их танцевальной студии ещё дома, до выезда. Пара часов плотного штурма в сети, несколько геолокаций в соцсетях, пара свежих видео с рабочих тренировок — и вот я уже до метра знал, где именно её искать.

Сейчас я сидел в небольшом полупустом кафе прямо напротив огромных панорамных окон нужной студии. Чёрный кофе в моей чашке давно остыл, покрывшись тонкой пленкой, но я этого почти не замечал.

Потому что там, за стеклом на втором этаже, двигалась она. Виктория.

Такая же яркая, точеная и невероятная, какой я её запомнил. Высоко собранные в тугий хвост волосы. Короткий чёрный тренировочный топ, открывающий подтянутый живот. Широкие спортивные штаны, босые ноги на паркете и эта её фирменная, безупречно жёсткая осанка. Она резко раздавала команды своей команде, и даже отсюда, через дорогу, было отчетливо видно, как всё окружающее пространство послушно подстраивается под её ритм.

Она не просто входила в комнату. Она забирала её себе целиком. Всю, без остатка.

Я невольно усмехнулся, чувствуя, как внутри приятно тянет:

— Я тебя нашёл, Ланская.

В какой-то момент она остановила музыку. Что-то резко, эмоционально высказала девочкам, активно жестикулируя, а затем показала нужное движение сама. Сделала связку настолько технично, мощно и точно, что я машинально подался вперёд, едва не опрокинув остывший кофе.

Чёрт. Да она даже на обычной репетиции цепляла и удерживала внимание сильнее, чем большинство профессиональных танцоров на большой сцене.

Одна из участниц «AETHER» что-то тихо ответила ей в ответ. Виктория раздраженно закатила свои красивые глаза и уперла руки в бёдра.

Я коротко рассмеялся прямо в кружку. Ничего в ней не изменилось. Вообще ничего. И почему-то именно от этой мысли мне мгновенно стало легче дышать. Напряжение, копившееся во мне всю неделю, начало понемногу отпускать.

Она выглядела хорошо. Слишком хорошо и уверенно для женщины, которая якобы навсегда всё закончила нашей запиской. Слишком живой. Слишком красивой. Слишком... моей личной проблемой.

На секунду у меня возникло бешеное, почти непреодолимое желание просто встать, перейти эту чертову дорогу, рвать дверь студии на себя и посмотреть, как в одно мгновение изменится её идеальное лицо. Удивление. Злость. Паника. Желание. Интересно, в каком именно порядке сменились бы эти эмоции?

Но я заставил себя остаться на месте. Нет. Пока ещё слишком рано.

Я слишком хорошо изучил и понял её характер за то время, что мы не виделись. Если я ввалюсь к ней прямо сейчас, посреди рабочего процесса, она мгновенно выставит свою непробиваемую броню. Станет ледяной, острой, начнет воевать, включит гордость и снова попытается сбежать при первой же возможности. Мне нужно было совершенно другое. Мне нужен был момент, где ей будет просто некуда деться.

Пока парни обживались на новом месте и строили планы на вечер, я тоже времени зря не терял. Кое-что разузнал у администратора местного центра, проверил официальные городские афиши, переговорил через соцсети с парой знакомых местных танцоров. Уже через час у меня на руках была вся необходимая информация.

Ровно через две недели здесь, в этом городе, проходят крупные региональные соревнования. Командный блок. Соло. Экспериментальные постановки.

И команда Виктории Ланской будет там сто процентов. Я даже секунды в этом не сомневался. Она не из тех, кто умеет сидеть тихо в сторонке после поражений. Она обязательно выйдет на эту сцену. Будет насмерть драться за первое место. Будет сиять в лучах софитов.

И именно там мы встретимся. Официально. Красиво. Публично. Без малейшей возможности для неё технично исчезнуть в лифте или оставить глупую записку под дверью номера.

Я снова перевёл взгляд на окно студии. Виктория стояла спиной ко мне, что-то увлеченно объясняя девочкам. Её руки двигались резко, уверенно, в каждом жесте сквозила бешеная, живая энергия. Та самая женщина, которая еще пару недель назад ночью буквально таяла в моих руках, выгибаясь навстречу.

Эта мысль ударила по мозгам слишком резко, вызывая отчетливую вспышку жара. Я поспешно отвёл взгляд в сторону и сделал большой, жадный глоток горького холодного кофе.

— Спокойно, Савицкий. Держи себя в руках.

Проходящая мимо официантка как-то странно и настороженно посмотрела на меня, услышав этот шепот. Плевать.

За стеклом Виктория снова включила музыку. У них начался полноценный прогон номера. И это было что-то абсолютно новое. Совсем не тот рафинированный, чистый стиль, который я ожидал от неё увидеть. В её привычном, вылизанном контемпорари вдруг появилась явная грубость. Рваный импульс. Почти уличная, качающая дерзкая энергетика.

Я медленно, предвкушающе улыбнулся, откидываясь на спинку стула:

— Значит, всё-таки скучала, Ланская...

Потому что это жесткое, ломаное влияние она могла взять только из одного-единственного места. От меня.

Когда их репетиция подошла к концу и девчонки начали собирать вещи, я поднялся со своего места первым. Оставил купюру на столе, накинул на голову капюшон толстовки и быстро вышел из кафе, растворяясь в уличной толпе — задолго до того, как она вышла на крыльцо.

Еще не время. Но скоро. Очень скоро.

Я уже во всех деталях видел эту сцену в своей голове. Она стоит на площадке после выступления. Я выхожу прямо напротив неё. Её взгляд сначала отказывается верить в происходящее. Потом мгновенно наливается злостью. А потом... потом она вспоминает всё. Каждую секунду.

Я тихо усмехнулся сам себе, шагая по ветреной улице в сторону нашего жилья:

— Ну держись, Ланская. На этот раз ты от меня точно не убежишь.

Глава 24

Перед стартом

Виктория

Подготовка к соревнованиям сожрала меня целиком. С потрохами, без остатка.

И, возможно, это было лучшее, что вообще могло со мной случиться в этот дурацкий период. Потому что когда у тебя в сутках нет ни одной свободной минуты, ты физически не успеваешь скучать, злиться, сомневаться, перемалывать прошлое или вспоминать мужчин, которые слишком самонадеянно считают себя центром вселенной.

Последние две недели я жила строго по армейскому расписанию: душный зал, дорога дом-обратно, контрастный душ, мгновенный сон на грани полного отключения сознания, и снова утренний зал. И так по кругу. Бесконечный, изматывающий день сурка.

С каждым новым днём тело ныло всё сильнее, мышцы забивались, но мысли — мысли становились чище. Они словно отмывались от лишней, ненужной шелухи.

Об Артёме я почти не думала. Ключевое слово — почти.

Иногда музыка в плеере резко и предательски напоминала о той ночи. Иногда кто-то в соседнем арендованном зале врубал на полную громкость качающий хип-хоп, и меня без видимой причины начинал дико раздражать сам этот плотный уличный бит. Иногда среди безликой толпы прохожих на улице вдруг мелькала смутно знакомая, уверенная походка, и сердце в груди делало глухой, лишний удар.

Но это были секундные слабости. Я научилась распознавать и давить их в зародыше, сразу же. Некогда. У меня на носу чемпионат, есть вещи в разы важнее чужих амбиций.

Все хлопоты по поводу новых костюмов девочки полностью взяли на себя. И слава богу. Если бы мне в моем тогдашнем состоянии пришлось ещё и этим заниматься, я бы точно кого-нибудь убила прямо в ателье.

Лера увлеченно рисовала первые эскизы прямо на бумажных салфетках в кофейне, урвав на это пятнадцать минут в перерыве между разминкой и растяжкой. Мила целыми днями моталась по городу, искала нужные отрезки ткани, до хрипоты спорила со швеёй и торговалась за каждый метр так, словно защищала перед комиссией диплом всей своей жизни. Настя скрупулезно выбирала мелкие детали и металлическую фурнитуру, планируя раскладку словно сложную военную операцию.

— Нам нужен не просто внешний вид, нам нужен концептуальный образ! — авторитетно заявила Лера, разложив прямо на пыльном полу зала разнокалиберные куски темной ткани.

— Нам нужен сон, — глухо буркнула я из угла, лежа спиной на холодном паркете и глядя в потолок.

— Сон — это удел слабых, Ланская, — отрезала подруга, даже не повернувшись.

— Значит, официально заявляю: с этого момента я слабая.

— Нет. Ты сейчас злая, сосредоточенная и чертовски красивая. А это совершенно другое, — хмыкнула она.

Я устало закрыла глаза ладонью:

— Уйди, Лера. Дай умереть спокойно.

Я намеренно сосредоточила все свои ресурсы только на танце. На жестких счётах. На геометрии переходов. На том, чтобы в третьей, самой эмоциональной части нашего нового номера личная драма и экспрессия не съедали чистую технику. На том, чтобы Настя перестала торопиться и не вылетала на прыжок раньше музыкального акцента. На том, чтобы Мила наконец-то перестала трусливо смотреть в пол и подняла голову. На том, чтобы сама Лера не начала отсебятину и не импровизировала там, где её об этом никто из судей не просит.

Это было моё персональное спасение. Когда ты ежесекундно думаешь о правильной позиции корпуса и балансе, невозможно параллельно думать о мужчине. Когда у тебя за плечами семь полноценных прогонов номера подряд, у выжатого мозга просто не остается сил анализировать ошибки прошлого. Когда колени дрожат от усталости, раненое сердце ведёт себя тише.

Почти всегда.

К позднему вечеру наша студия выглядела как реальное поле боя после затяжной осады. Музыка была наконец выключена. Огромные панорамные окна изнутри сильно запотели от влаги. Пол был теплым и влажным от сотен быстрых шагов. Последняя вода в пластиковых бутылках закончилась еще полчаса назад.

Мы все были в сборе, без сил. Кто-то лежал прямо по центру зала, раскинув руки звездой. Кто-то сидел у самого зеркала, тупо вытянув затекшие ноги и глядя в одну точку. Кто-то молча, с абсолютно отрешенным видом жевал протеиновый батончик, напоминая человека, окончательно потерявшего всякую веру в эту жизнь.

Лера безвольно валялась на полу рядом со мной, тяжело дыша:

— Вик... Если завтра на прогоне я внезапно умру, пообещай сказать всем на похоронах, что я была легендой танцпола.

— Скажу, что ты до последнего мешала мне работать, — не поворачивая головы, ответила я.

— Жестоко.

— Зато абсолютно заслуженно.

Настя, сидевшая у пульта, принялась активно обмахиваться краем мокрой футболки:

— Нет, девчонки, но номер-то в итоге получается просто пушка. Реально.

Мила вяло подняла большой палец вверх, даже не открывая глаз.

— Полная пушка. Подтверждаю.

Я приподнялась на локтях, преодолевая сопротивление мышц, и внимательно посмотрела на свою команду. Красные от приливавшей крови лица. Влажные, растрепанные волосы. Сбитое, тяжелое дыхание. Опухшие от нагрузок связки. И... горящие, живые глаза.

Вот именно за этот неповторимый момент я и любила свою команду сильнее всего на свете. Не за золотые кубки на полках студии. Не за пафосные медали и грамоты. А за это ни с чем не сравнимое ощущение после пережитого вместе ада, когда все девчонки выжаты до абсолютного нуля — и всё равно внутренне готовы по первому щелчку встать и повторить всё еще раз.

— Девочки, — негромко, но отчетливо позвала я.

Они лениво, одна за другой, повернули головы в мою сторону.

— Мы готовы. Полностью.

На какую-то долю секунды в студии воцарилась звенящая, мертвая тишина. А затем Лера понимающе усмехнулась, качнув головой:

— Ну... если уж наша бескомпромиссная Ланская это вслух признала — значит, мы реально готовы разнести эту сцену.

Я поднялась на ноги первой. Ноги ощутимо подкашивались, поясница тупо ныла, но где-то глубоко внутри наконец-то воцарился долгожданный, абсолютный покой.

Танец отработан до автоматизма. Костюмы шьются. Мы собраны. Мы злые на весь мир. Мы голодные до сцены и чужих аплодисментов. Именно в таком звенящем, агрессивном состоянии я больше всего любила выходить к судейским столам. В этом была моя сила.

Мой телефон весь день сиротливо лежал на самом дне рюкзака, переведенный в режим «без звука». Я за все эти часы ни разу не подошла к нему и не проверила экран. Мне было искренне неинтересно. Неважно. Не нужно.

Я повернулась лицом к огромному зеркалу и пристально посмотрела на свое отражение. Сильная. Чертовски уставшая. Ожившая.

— Завтра в полдень финальный чистовой прогон в костюмах, — объявила я, собирая вещи. — И не дай бог кто-нибудь из вас опоздает хотя бы на минуту.

— Да, мамочка, как скажешь, — картинно простонала Лера, уползая в сторону раздевалки.

Я слабо улыбнулась. Редко. Чисто. Максимально честно.

И впервые за эти долгие, изнуряющие недели я наконец-то отчетливо почувствовала, что снова полностью принадлежу самой себе. И больше никому.

Глава 25

Сюрприз, детка.

Артём

День соревнований я ждал с тем особенным, диким азартом, с каким когда-то в самом начале карьеры ждал финалы крупнейших национальных чемпионатов. Только сейчас дело было вовсе не в золотых медалях. И даже не в самой сцене, хотя сцена, объективно говоря, тоже имела для меня огромное значение.

Сегодня я должен был наконец-то увидеть её лицо. В тот самый неповторимый момент, когда до неё дойдет простая и очевидная мысль: я приехал. Я здесь, в её городе. И я никуда больше не собираюсь исчезать.

Все эти две недели мы с парнями тоже не сидели сложа руки. Команда пахала в арендованном зале так, будто нам снова нужно было кровь из носу брать международный титул. Новый, чужой город, новые стены, совершенно другое, злое настроение. И, как следствие — новый номер. Жёсткий. Бескомпромиссно точный. Намеренно грязный в самых лучших, качающих местах. С характером, который не спутаешь ни с чем.

Парни, конечно, поначалу знатно ворчали, обвиняя меня в том, что я втянул всю основу в какую-то безумную «романтическую экспедицию». Но очень быстро втянулись в процесс сами — бешеная энергетика трека сделала свое дело. Сейчас каждый из них по-хорошему горел и хотел выйти на площадку, чтобы просто разнести её в щепки на глазах у местной публики.

Тимур, лениво натягивая через голову объемное черное худи перед выходом из апарт-ментов, понимающе усмехнулся:

— Напомни-ка мне, Савицкий, мы в этой Сибири сейчас ради великой любви корячимся или всё-таки ради первого места?

— Ради того, чтобы ты помолчал хотя бы пять минут, Тим, — бросил я, зашнуровывая кроссовки.

— Ну, значит, точно ради любви, — сделал однозначный вывод друг.

Еще с самого утра, перед тем как зайти в здание дворца культуры, где проходил чемпионат, я жестко попросил парней об одном:

— Главное — не светимся раньше времени. Кучкуемся аккуратно.

Макс откровенно прыснул в кулак:

— Мы что, теперь секретные шпионы?

— Вы идиоты, — хмыкнул я. — Просто не мелькайте у всех на виду.

— Это чтобы твоя упрямая королева паркета не сбежала через черный ход, едва завидев наши приметные куртки? — уточнил он с ухмылкой.

— Именно так.

Мой ответ вызвал бурный, издевательский восторг у всей команды, но тактическую задачу пацаны поняли сразу и без лишних слов. Весь день мы демонстративно держались в стороне. Не толпились, как остальные участники, в общих зонах отдыха, не крутились без дела возле столов регистрации. Заходили в коридоры небольшими группами, рассредоточенно, со стороны боковых выходов. Как будто оказались здесь совершенно случайно. Я не собирался давать Виктории ни единого шанса прознать о нашем присутствии до нашей личной встречи.

Впрочем, их команду я увидел почти сразу после нашего прибытия. Нашёл взглядом мгновенно — даже в этой огромной, разношерстной толпе танцоров. Даже со спины.

Некоторых людей окружающее пространство само подсознательно выделяет, как ярким маркером. Девчонки из «AETHER» уверенно шли по коридору с длинными чехлами для костюмов, зажатыми в руках бутылками воды и тем самым характерным, боевым видом, который бывает исключительно у тех, кто пришёл забирать свое грандиозное первое место.

И среди них, разумеется, шла она.

Высокий, идеально гладкий хвост, покачивающийся в такт шагам. Объемная чёрная куртка, небрежно наброшенная поверх облегающего тренировочного топа. Быстрая, хищная походка от бедра. Команды своим девчонкам она раздавала уже на ходу, даже не оборачиваясь.

Я невольно усмехнулся, провожая её взглядом. Та же самая Ланская. Точно та же. И всё равно каждый раз, когда я её видел, она казалась мне абсолютно новой, неразгаданной загадкой.

— Нашёл её? — тихо, без прежней иронии спросил подошедший со спины Тимур.

— Да. Вон они пошли.

— И что теперь делаем? Нападаем?

Я ни на секунду не отрывал взгляда от её удаляющегося силуэта:

— Теперь, Тим, включаем терпение. Ждем нужного момента.

Наша номинация по регламенту шла значительно позже. Сначала в блоке экспериментальной хореографии выступала её команда. Я специально удерживал ребят в раздевалке подальше от зрительного зала и кулис, пока не подошло наше время для разминки.

И вот, буквально за десять минут до нашего официального выхода, мы бесшумно двинулись ближе к забитому людьми закулисыю.

Сердце в груди в этот момент билось глупо, судорожно и непривычно быстро. Как у какого-то влюбленного зеленого подростка перед первым свиданием. Ненавижу это контролируемое слабое чувство, черт возьми. Но остановить этот внутренний мандраж я был не в силах.

Чем ближе я подходил к карману сцены, тем отчётливее и громче слышал качающую музыку, разносившийся из динамиков голос ведущего и быстрые шаги за кулисами. А затем я увидел их.

Команда Виктории плотным полукругом стояла у самого бокового прохода на сцену. Все девчонки были повернуты к нам спиной, увлеченно разглядывая чужой номер, который шёл на площадке прямо сейчас. Собранные. Максимально сосредоточенные. Уже в своих новых, концертных костюмах. Красивые, хищные и опасные — самая настоящая сплоченная стая.

Она стояла чуть впереди остальных, у самого края кулисы. Руки плотно скрещены на груди, породистая голова слегка наклонена в сторону сцены. Полностью, без остатка поглощена происходящим на паркете действием.

Идеальный, черт возьми, момент. Лучше не придумаешь.

Я обернулся и сделал парням короткий, предупреждающий знак молчать. Тимур тут же смешно зажал рот ладонью, из последних сил сдерживаясь, чтобы не заржать во весь голос. Макс уже вовсю доставал телефон, намереваясь снять происходящее на видео, если бы я мысленно не убил его заранее своим самым жестким взглядом.

Я подошёл к ней со спины абсолютно бесшумно. Шаг за шагом, плавно сокращая дистанцию на мягкой подошве кроссовок. Пока не оказался вплотную, прямо за её беззащитной спиной.

В ту же секунду я отчетливо почувствовал до боли знакомый, сводящий с ума запах её парфюма вперемишку со сценическим лаком для волос и чистым, концентрированным адреналином. Я чуть наклонился к самому её уху, почти касаясь губами шелковистой пряди.

И тихо, с предвкушением прошептал:

— Сюрприз, детка.

Пауза. Она замерла. Я подался еще на миллиметр ближе, обжигая дыханием кожу:

— Я ведь говорил, что найду тебя.

Виктория ощутимо вздрогнула всем телом, словно через неё пропустили мощный разряд тока. Резко, со свистом развернулась на каблуках в мою сторону.

И этот один-единственный момент стоил абсолютно каждой минуты нашей тяжелой дороги и бессонных ночей в поезде.

На её лице за долю секунды отразился целый спектр эмоций. Сначала — абсолютное, полное недоверие. Потом — дикий, парализующий шок. Следом — обжигающая, праведная ярость. А затем... затем промелькнуло то самое короткое, опасное и такое живое тепло в глубине глаз, которое она просто физически не успела трусливо спрятать от меня за своей маской стервы.

Я улынулся. Медленно, победно, в упор разглядывая её лицо:

— Ну привет, Ланская. Скучала?

Вокруг нас её команда мгновенно застыла на месте, вытаращив глаза, словно включили эффект стоп-кадра в кино. Моя банда в паре метров позади изо всех сил давилась беззвучным смехом, наблюдая за этой немой сценой.

Виктория смотрела на меня в упор своими невозможными глазами, и по её бешеному взгляду я отчетливо понимал: она сейчас выбирает ровно между двумя вариантами. Либо со всей дури ударить меня на глазах у всех прямо здесь, либо... крепко поцеловать.

Честно говоря, в тот момент меня на все сто процентов устраивали оба варианта.

Глава 26

Сюрприз , детка .

Виктория

Ничто, абсолютно ничто не предвещало неминуемой беды.

Я дисциплинированно стояла у самого входа на сцену вместе со своими девчонками, плотно скрестив руки на груди, и смотрела выступление очередных сильных соперников вполглаза. Вокруг царил привычный, оглушительный предвыходной шум. Мешанина звуков. Тяжелая музыка, пробивающаяся из огромных зальных динамиков. Громкие, поставленные голоса ведущих. Чьи-то торопливые шаги за нашими спинами. Строгие судьи в первых рядах, что-то сосредоточенно отмечающие в своих планшетах.

Лера рядом со мной нервно трясла правой ногой, выбивая рваный ритм. Мила с маниакальным упорством проверяла надежность крепления на своем костюме уже, наверное, пятый раз за последние десять минут.

Я же мысленно, с закрытыми глазами, в сотый раз прогоняла наш новый номер по жестким внутренним счётам. Третья восьмёрка — резкий, бескомпромиссный стоп корпуса. Быстрый переход по диагонали назад. Падение в партер. Толчковый подъём через колено. Финальный, разрывающий акцент. Вдох. Выдох. Контроль. Полный, абсолютный контроль над каждой мышцей и каждой эмоцией.

Именно в этот секундный момент максимальной концентрации у самого моего уха вдруг отчетливо прозвучал низкий, до боли знакомый бархатный голос:

— Сюрприз, детка.

Мир вокруг меня мгновенно застыл и остановился. Лопнул, как мыльный пузырь. На одну короткую, страшную секунду.

А затем меня наотмашь добил второй, уверенный удар в спину:

— Я ведь говорил, что найду тебя.

Меня словно мощным электрическим током прошило от макушки до пят. Я резко, едва не вывихнув шею, обернулась на истошный стук собственного сердца.

И увидела его. Артём.

Живой. Реальный. Невыносимо наглый и стопроцентно самодовольный. Он стоял ко мне так вызывающе близко, будто имел на это полное, законное право. Будто не он только что проехал полстраны ради одной-единственной цели — хладнокровно сломать к чертям мою идеальную нервную систему ровно за десять минут до главного выхода на сцену.

У меня мгновенно пересохло во рту, а ладони в секунду стали ледяными. Все тщательно отрепетированные слова и умные мысли вылетели из головы разом, оставляя звенящую пустоту.

— Т-ты... к-как... ч-что ты здесь делаешь?!

Господи. Я что, серьезно заикаюсь? Сейчас? Перед ним?! В самый ответственный момент?!

Артём медленно, хищно улыбнулся, до невозможности довольный произведенным эффектом:

— Даже соскучилась, я вижу. Приятно.

— Я... да как ты...

— Красиво теряешь речь, Ланская, — хмыкнул этот гад, рассматривая меня в упор.

Я в эту секунду искренне хотела убить его. Сразу. На месте. Голыми руками, плевать на судей и свидетелей.

— Вика?.. — Лера растерянно перевела ошарашенный взгляд с меня на внезапного гостя, а потом её глаза округлились от осознания. — Это кто... О нет. О боже, это же он!

Мила в глубоком отчаянии тихо застонала, закрывая лицо ладонью:

— Нет, ну конечно. Ну разумеется, именно сейчас. За что нам это?

Я упрямо, из последних сил сжимая кулаки, ткнула указательным пальцем прямо в широкую грудь Артёма:

— Ты... ты законченный псих, Савицкий!

— Возможно, — спокойно согласился он, даже не подумав отодвинуться.

— Ты... ты зачем вообще притащился сюда?!

— За тобой.

Он произнес это так поразительно ровно и обыденно, будто речь шла о банальной смене погоды на завтра.

И в этот самый момент у меня в голове окончательно закоротило все предохранители. Всё вылетело к чертям. Счёты, сложные переходы, правильное дыхание, моё собственное имя. Абсолютно всё.

И как назло, именно в эту секунду ведущий в зале радостно и оглушительно проревел в микрофон:

— А сейчас на эту сцену мы приглашаем команду VORTEX! Встречаем! А команде «AETHER» — приготовиться к выходу!

Лера резко, с силой хлопнула меня по плечу, вырывая из ступора:

— Вика! Мать твою, Ланская!

Я повернулась и посмотрела на неё абсолютно пустыми, расфокусированными глазами.

— Что?

— Нас объявили, Вика!

— Кто?

— Мы!!! Наш выход следующий! Соберись!

Мила в ужасе закрыла лицо обеими руками:

— Всё, девки, хана. Она полностью сломалась.

Артём мгновенно перестал ухмыляться. На какую-то долю секунды в его потемневшем взгляде мелькнуло что-то по-настоящему серьезное, глубокое и собранное. Он решительно шагнул ко мне еще ближе, жестко перехватил за локоть и в один рывок отвёл в сторону, в полутемную нишу, подальше от общего прохода.

— Эй. Посмотри на меня.

— Не трогай меня, слышишь?! Отпусти! — попыталась я вырваться, но хватка была мертвой.

— Разберемся со мной позже. Сейчас — смотри мне прямо в глаза, Виктория.

— Я тебя убью, Савицкий, клянусь, я тебя уничтожу...

— Убьешь. Сразу после вашего выступления, — отрезал он.

И прежде чем я успела возмутиться, он резко, но удивительно бережно обхватил своими большими, теплыми ладонями моё лицо.

Я намертво застыла, перестав дышать. Сердце сорвалось в бешеный, неуправляемый галоп, выстукивая чечётку где-то в горле. Весь этот безумный сценический шум, крики толпы, голоса девчонок вокруг — всё в миг ушло глубоко под воду, заглушаясь плотным коконом. Остались только его глаза. Тёмные. Чертовски уверенные. Опасно, магнетически спокойные.

— Дыши, Виктория, — тихо, гипнотически приказал он.

— Убери руки...

— Дыши, я сказал.

Я непроизвольно сделала глубокий, судорожный вдох. И мысленно возненавидела себя за то, что так безропотно послушалась его в эту секунду.

— Молодцом. Ещё раз.

Вдох. И медленный, очищающий выдох. Паника начала медленно отступать, оставляя место холодному, концентрированному наэлектризованному воздуху.

— Ты королева этой сцены, Ланская, помнишь об этом? — его большие пальцы мягко очертили мои скулы.

— Самовлюблённый, невыносимый идиот... — прошептала я, глядя на его губы.

— Все оскорбления потом, детка.

Он наклонился еще ближе. Так близко, что я физически почувствовала кожей горячее тепло его дыхания.

— А сейчас ты просто выйдешь туда и в щепки разорвёшь этот чертов зал. Поняла меня?

— Команда «AETHER»! На площадку! Срочно! — донесся истошный крик координатора за кулисами.

Лера бесцеремонно подлетела к нам и с силой схватила меня за запястье, буквально оттаскивая от парня:

— Вика, господом богом тебя умоляю, если мы сейчас позорно сольем этот номер из-за твоей внезапной личной драмы, я лично закопаю тебя прямо за этим зданием.

Этот жесткий, отрезвляющий пинок сработал в разы лучше любой профессиональной психотерапии. Я резко моргнула. Рассыпавшийся мозг со щелчком вернулся на свое законное место. В памяти яркой неоновой вспышкой восстановились все счета. Диагонали. Переходы. Музыкальные акценты. Наш тяжелый, грязный финальный бит.

Я резко выпрямилась, возвращая себе привычную королевскую осанку, и решительным движением скинула его ладони со своего лица.

— Не смей. Больше никогда. Так делать, — процедила я сквозь зубы.

Артём довольно, предвкушающе ухмыльнулся, делая шаг назад:

— Принято, шеф.

— И не смей называть меня деткой!

— А вот это не обещаю, — подмигнул этот наглец.

Я развернулась и стремительно шагнула к выходу на ярко освещенную сцену. Но у самой черты замерла на долю секунды. Повернулась через плечо, бросив на него свой самый многообещающий, леденящий взгляд:

— После номера ты очень сильно пожалеешь, Савицкий, что вообще приехал в этот город.

Его улыбка от моих слов стала только шире и порочнее:

— Очень жду, Ланская. Покажи им.

И в этот миг наш тяжелый, качающий бас ударил по залу, заставляя стены вибрировать.

Мы единым, слаженным механизмом выбежали на сцену. Первый резкий акцент. Второй. Разорванный в клочья воздух. Моё тело, выдрессированное неделями ада, работало идеально, на чистых рефлексах. Но внутри меня в этот момент горел самый настоящий, бушующий пожар.

Каждый мой резкий, ломаный выброс руки в партере — был направлен лично в него. Каждый жесткий, оглушительный удар стопой в пол — в него. Каждый мой яростный взгляд, брошенный в темноту зрительного зала — проходил насквозь через его фигуру у кулис.

Я танцевала так зло, жадно, грязно и одновременно красиво, как не танцевала еще никогда в своей жизни. Это было в разы лучше, мощнее и техничнее, чем на всех наших изнурительных репетициях вместе взятых. Лучше, чем я вообще могла себе вообразить в самых смелых мечтах. Потому что теперь мне наконец-то было что сказать этому миру. И ему лично.

Когда музыка внезапно оборвалась и мы намертво замерли в финальной, ломаной точке, огромный зал на несколько секунд оглох от тишины, а затем буквально взорвался сумасшедшими, восторженными аплодисментами и криками.

Я тяжело, надрывно дышала, чувствуя, как струйка пота медленно стекает по спине между лопатками. Сердце колотилось где-то в районе горла. И во всем этом триумфальном хаосе я знала только одно.

Он видел. Он видел абсолютно всё, от первой до последней секунды.

Я медленно подняла свой горящий взгляд в сторону полутемных кулис. Артём по-прежнему стоял там, небрежно прислонившись плечом к стене, и медленно, хлопал нам. Смотрел на меня тем самым невозможным, собственническим взглядом, от которого одновременно хотелось либо бежать на край света без оглядки, либо... прямо здесь содрать с себя этот чертов костюм.

— Чёрт бы тебя побрал, Артём Савицкий, — едва слышно, одними губами прошептала я, чувствуя, как по телу разливается опасное, непреодолимое тепло.

Глава 27

Ты что здесь забыл ?

Виктория

Я догнала его ещё до того, как он успел дойти до раздевалки. Сама не поняла, в какой момент сорвалась с места. Просто увидела его удаляющуюся спину — широкую, слишком спокойную, слишком довольную собой — и внутри что-то вспыхнуло.

— Артём!

Он даже не обернулся сразу. Продолжил идти ещё пару шагов, а потом лениво остановился и медленно повернулся. Будто ждал. Будто знал, что я побегу следом. Ненавижу.

— Какого чёрта ты забыл в моём городе? — я подошла вплотную. Слишком близко. Слишком зло.

Он окинул меня взглядом с головы до ног, будто наслаждался самим фактом, что я стою перед ним и тяжело дышу.

— Приехал на соревнования.

— Не беси меня.

— Тогда... — он сделал вид, что задумался. — Приехал посмотреть архитектуру.

— Артём.

— Хорошо. Ради кофе. Здесь приличный кофе.

Я шагнула ещё ближе.

— Ещё одно слово — и я тебя ударю.

Он улыбнулся. Опасно. Красиво.

— Вот по этому скучал.

Я стиснула зубы.

— Ты псих.

— Уже говорила.

— Ты приехал специально.

— Да.

Он сказал это без игры. Без шутки. Прямо. И от этой честности стало только хуже.

— Зачем?

Он пожал плечами.

— Ты уехала.

— Это не ответ.

— Для меня — вполне.

Я отвернулась на секунду, собирая терпение. Потом снова посмотрела на него.

— Тогда слушай внимательно. Ты выступил — молодец. Поздравляю. Теперь можете ехать обратно.

Он тихо рассмеялся.

— Есть проблема.

— Какая?

Он наклонился ко мне. Слишком близко.

— Мы с командой теперь живём в этом городе.

Я застыла.

— Что?

— Пока не собираемся его покидать.

— Ты врёшь.

— Нет.

— Ты ненормальный.

— Возможно.

В груди всё резко смешалось. Шок. Злость. Страх. И что-то очень похожее на радость, которую я немедленно задавила.

— Ты не можешь просто взять и переехать сюда из-за меня.

— Почему?

— Потому что это безумие!

— Я предупреждал, что у меня идеи плохие.

— Артём!

— Виктория.

Он произнёс моё имя спокойно, но от этого стало опаснее.

— Расслабься. Я не собираюсь караулить тебя под окнами.

— Очень обнадеживает.

— Хотя идея неплохая.

— Уйди с дороги.

Я развернулась, собираясь уйти, когда за спиной раздался голос ведущего:

— Внимание всем участникам! Просьба капитанам команд пройти к организаторам!

Мы с Артёмом одновременно замерли. Переглянулись.

— Даже слышать тебя не хочу, — бросила я.

— Это взаимно, — усмехнулся он и пошёл рядом.

Через десять минут мы уже стояли в комнате организаторов. Я, Артём, а также Лера, Мила и Настя, которые зашли вместе со мной, и ещё несколько капитанов. Координатор сиял так, будто сейчас объявит конец войн на планете.

— У нас неожиданное решение судейского состава, — радостно сообщил он. — Ваши команды получили одинаково высокие оценки за технику, артистизм и оригинальность.

Я почувствовала подвох мгновенно. Артём рядом тихо пробормотал:

— Только не говори...

— Поэтому мы вводим дополнительную номинацию вечера! Экспериментальный блок: слияние стилей.

Я закрыла глаза. Нет. Только не это.

— Для участия выбраны две самые яркие команды соревнований... — Он сделал театральную паузу. — Команда AETHER и команда RAGE UNIT!

Комната взорвалась одобрительными голосами. Я открыла глаза и медленно повернулась к Артёму. Он смотрел на меня с тем выражением лица, которое хотелось стереть пощёчиной.

— Ты подстроил это?

— Клянусь, нет.

— Не верю.

— Но очень рад.

Координатор продолжал говорить:

— У вас есть два дня на подготовку совместного номера. Полная свобода. Два разных стиля. Один выход. Один победитель.

— Мы отказываемся, — сказала я сразу.

— Мы согласны, — одновременно произнёс Артём.

Я резко повернулась к нему.

— Ты с ума сошёл?

— Уже обсуждали.

— Я не буду работать с тобой.

— Будешь.

— С чего бы?

Он наклонился ближе.

— Потому что ты не умеешь отказываться от вызова. И не откажешься от сцены.
Чёрт. Ненавижу, когда он прав.

Лера за моей спиной восторженно прошептала притихшим Миле и Насте:

— Обалдеть... Девки, это же будет самое настоящее кровавое мясо!

А стоящий по правую руку от Савицкого Тимур понимающе хмыкнул, покачав головой:

— Ну или громкая цыганская свадьба прямо на награждении. Одно из двух.

— Заткнись, Тим! / Замолчи, Тимур! — одновременно, в один голос рявкнули мы с Артёмом на весь кабинет.

В комнате на секунду повисла звенящая, гробовая тишина. А затем все присутствующие организаторы и капитаны дружно рассмеялись. Все, кроме нас двоих.

Я смотрела на него в упор. Он точно так же, не мигая, смотрел на меня. Остальные парни и девчонки наших команд там, в коридоре, ещё ждали окончательного решения. Судьи ждали грандиозного шоу. Зал ждал драки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.